

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

~~Р Slav 318.10~~
Р Slav 318.10

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕОЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССЛХХVII.

1891.

СЕНТЯВРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, № 80.

1891.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряженія	3
Объ устройствъ ремесленныхъ училищъ и объ организаціи въ нихъ учебнаго дѣла	1
Л. П. Размусенъ. О глагольныхъ временахъ и объ отношеніи ихъ къ видамъ въ русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ (окончаніе)	1
И. Н. Ждановъ. Повѣсти о Вавилонѣ и „Оказаніе о князяхъ Вла- диміровскихъ“ (продолженіе)	40
Ф. И. Успенскій. Богоословское и философское движеніе въ Вл- вантін XI и XII вѣковъ	102
А. Д. Барнѣевъ. Вѣроятный источникъ „Слова о орудїи и паткѣ“ .	160
А. И. Марковичъ. Избраніе на царство Михаила Теодоровича Романова	176

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. Ф. Миллеръ. Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XII. Тифлисъ. 1891	204
В. К—ва. Труды четвертаго археологическаго съѣзда въ Россіи. Томъ II. Казань. 1891	216
К. Г. Валованъ и С. О. Ольденбургъ. Томсонъ, А. Историческая грамматика современнаго армянскаго языка города Тиф- лиса. С.-Пб. 1890, и его-же Отвѣтъ на рецензію г. Марра. С.-Пб. 1891.	242
О. И. Соболевскій. Греческо-русскій словарь, изданный Кіевскимъ отдѣленіемъ Общества классической филологіи и педагогіи. А. О. Постпималъ. Кіевъ. 1890	270
— Книжныя новости	278
— Наша учебная литература (разборъ 12 книгъ)	1

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Наши учебныя заведенія: Императорскій С.-Петербургскій Историко-филологическій институтъ въ 1890—1891 году.	1
--	---

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Н. Н. Данго. „Первая аналитика“ Аристотеля	57
Ф. А. Шеборъ. Критическія замѣтки	75
М. Мандеевъ. Къ Гомеровскому гимну на Аполлона	88
К. С—скій. Изъ Тибулла	91
(С. Изъ стихотвореній Мосха Опракувскаго	95

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го сентября).

БОГОСЛОВСКОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ ВИЗАНТИИ XI И XII ВѢКОВЪ ¹⁾.

Обиѣ статей, внесенныхъ въ Синодикъ при царяхъ Алексѣѣ I и Мануилѣ Комнинахъ. — Главы противъ I. Итала, какъ выраженіе философскаго мышленія въ концѣ XI вѣка. — Извѣстія объ Италѣ: а) Анны Комнины; б) Н. Акомината. — Разборъ этихъ извѣстій и сопоставленіе съ письмами М. Пселла. — Философское направленіе I. Итала. — Культурное изанмодѣйствіе между западомъ и востокомъ: Прантъ и его мнѣніе о логикѣ Пселла. — Разборъ возраженій Туро. — Антицерковное направленіе въ философскомъ движеніи. — Внесенныя въ Синодикъ положенія противъ Итала представляютъ собой разрозненныя звенья метафизической системы. — Возможно ли возстановить эту систему. — Освѣщеніе ученія Итала съ точки зрѣнія метода и содержанія схоластической философіи: а) вопросъ о родахъ и видахъ (универсалии); б) представители номинализма и реализма на вынадѣ и метафизическія системы ихъ. — Отреченныя мнѣнія, внесенныя въ Синодикъ, тоже ственны съ продуктами западной философствующей мысли. — Разность философскихъ принциповъ въ главахъ противъ Итала. — Платоновскій реализмъ какъ въ богословскихъ выводахъ, такъ въ космологическихъ и психологическихъ построеніяхъ Итала. — Школа I. Итала: а) монахъ Нилъ; б) Евстратій Никейскій, сочиненія его; с) М. Ефесскій и др.; д) Левъ Халкидонскій. — Ученіе Льва, объясняемое изъ діалога Евстратія. — Философскія основы въ школѣ, онтологическое начало. — Пять главъ противъ богомиловъ, космологическая система на началахъ дуализма. — Сравненіе этихъ главъ съ Бесѣдой пресвитера Козмы. — Точки соприкосновенія богомильскаго ученія съ ученіями иконоборцевъ. — Распространеніе Синодика новыми статьями при царѣ Мануилѣ. — Изложеніе исторіи соборовъ. — Діалогъ Сотариха. — Соборъ 1156 года, разборъ соборныхъ актовъ. — Новые матеріалы, почерпаемые въ сочиненіяхъ Николая Меѳоискаго. — Философская основа въ антицерковномъ движеніи: номинализмъ и реализмъ. — Никифоръ Василянъ. —

¹⁾ Настоящая глава была уже составлена и отправлена въ редакцію *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, когда мнѣ удалось ознакомиться въ Вѣнѣ и Мюнхенѣ съ рукописными матеріалами, касающимися философскихъ воззрѣній Пселла и I. Итала. Результаты этихъ послѣднихъ наблюденій сообщены будутъ въ приложеніяхъ.

Соборъ 1166 года: разборъ актовъ. — Выводы къ сравнительной важности матеріаловъ, сообщаемыхъ Синодикомъ противъ изложеній соборныхъ дѣяній. — Епископъ Керкирскій и Іоаннъ Ирпникъ, изслѣдованіе архіепископа Вулписмы. — Дмитрій изъ Лампи. — Отрывокъ неизданной части сочиненія Н. Акомината о богословскихъ спорахъ въ концѣ XII вѣка. — Михайлъ Сикхиди и Спеъ Склиръ. — Замѣчаніе о статьяхъ политическаго характера въ Синодикѣ.

Патріархъ Фотій высказалъ однажды слѣдующій взглядъ на обычай отлученія отъ церкви (анаеема) въ письмѣ къ Игнатію, митрополиту Клавдіопольскому ¹⁾. „Страхъ и ужасъ внушало когда-то слово анаеема, когда имъ пользовались глашатаи благочестія противъ нечестивыхъ. Но съ тѣхъ поръ какъ дерзкое и безстыдное нахальство пораженныхъ проклятіемъ, вопреки всѣхъ законовъ божескихъ и человѣческихъ и въ противность всякихъ основаній съ еллинской и варварской точки зрѣнія, въ дикомъ изступленіи бросило собственное проклятіе въ защитниковъ православія и варварская неподержанность стала выше церковной дисциплины ²⁾, страшное это слово, за которымъ уже нѣтъ большаго наказанія, немедленно обратилось въ сказку и дѣтскую заблуду, такъ что анаеема стала желаннымъ отличіемъ благочестивыхъ“. Нельзя забывать того, что эти слова принадлежатъ лицу, которое пять разъ подвергалось анаеемѣ ³⁾ и при которомъ церковь испытывала рядъ особенно сильныхъ потрясеній; но было бы также ошибочно думать, что отлученіе отъ церкви не теряло постепенно своего авторитетнаго и устрашающаго характера, когда стало примѣняться часто и безъ особенной осторожности и когда анаеема обратилась въ средство политической борьбы между различными партіями. Не будемъ утверждать, что слова Фотія вполне приложимы къ иконоборческому періоду, но что касается многочисленныхъ статей Синодика, относящихся по происхожденію своему къ позднѣйшему періоду, который обильнѣй матеріалами и потому болѣе изученъ, то многія изъ нихъ безъ ущерба для „благочестія“ могли бы быть изъяты изъ Синодика, если бы церковныя партіи не водимы были человѣческими страстями и земными побужденіями.

Вслѣдъ за статьями противъ иконоборцевъ въ Синодикѣ идетъ

¹⁾ *Migne*, *Patrologia Graeca* t. 102, p. 833 (epistolarum lib. 11, ep. 17).

²⁾ Καὶ τὴν βαρβαρικὴν μανίαν ἐκκλησιαστικὴν παρανομίαν ἐφιλονεύσαν ἀπεργάζασθαι. Слово παρανομία здѣсь совсѣмъ неумѣстно, что замѣчено было еще Гергенрѳтеромъ, 11, s. 194.

³⁾ *Hergenröther*, *Photius Patriarch*, 11, s. 185.

рядъ еретическихъ именъ и противоцерковныхъ ученій, предаваемыхъ анаемѣ въ недѣлю православія. Иногда названы по имени представители той или другой ереси, иногда приведены только еретическія ученія безъ обозначенія имени ересеначальника, въ нѣсколькихъ случаяхъ названы голыя имена безъ указанія обстоятельствъ и причинъ, побудившихъ церковь приложить по отношенію къ нимъ строгую кару. Значительная часть отреченныхъ именъ и ученій относится ко времени цари Алексѣя I Комнина, другая падаетъ на періодъ царствованія Мануила Комнина. Если разсматривать во взаимной связи и послѣдовательности всѣ наслоенія, привзошедшія въ Синодикѣ отъ конца XI до конца XII вѣка, то получится возможность отыскать въ отрывочныхъ указаніяхъ и намекахъ, оставившихъ слѣды въ Синодикѣ, нѣкоторые твердые, положительные и постоянно способные волновать умы принципы, противъ которыхъ церковь должна была вести энергичную борьбу. Само собой разумѣется, наша ближайшая цѣль будетъ заключаться въ томъ, чтобы уловить единство идеи въ разнообразныхъ формахъ ея проявленія и показать, что при внѣшнихъ отличіяхъ еретическія мнѣнія въ существенномъ исходили изъ одного принципа. Для оправданія этого положенія было бы удобнѣе представить въ одной картинѣ религіозное и философское движеніе съ конца XI по конецъ XII вѣка; но такъ какъ намъ придется перѣдко входить въ детальныя изслѣдованія, то мы, по необходимости, должны раздробить изучаемый матеріалъ на части, отдѣливъ время Алексѣя I отъ Мануила.

Анна Комнина не находитъ достаточно выразительныхъ словъ, чтобы восхвалить „апостолическую“ дѣятельность своего отца ¹⁾. „Онъ одинъ умѣлъ попеременно употреблять оружіе и слово: оружіемъ побѣждалъ враговъ, словами обличалъ еретиковъ. Вооружившись на манихеевъ, онъ предпринялъ апостольскій подвигъ вмѣсто военной экспедиціи. Я бы назвала его тринадцатымъ апостоломъ; хотя нѣкоторые приписываютъ эту честь Константину Великому, но, по моему мнѣнію, его слѣдовало бы помѣстить вмѣстѣ съ Константиномъ, или уже по крайней мѣрѣ вслѣдъ за Константиномъ“. Конечно, Анна имѣла основаніе превозносить заслуги царя Алексѣя въ пользу православія. Дѣйствительно, перѣдко онъ и самъ вступалъ въ пренія о вѣрѣ и пользовался всѣми мѣрами къ очищенію церковнаго ученія. Не говоря уже о церковныхъ соборахъ противъ отдѣльныхъ лицъ,

¹⁾ *Alexias*, XIV, 8 (p. 300).

погрѣшившихъ противъ чистоты православія, мы видимъ въ его царствованіи обнаруженіе многихъ сектъ и ересей, на которыя обращено было серьезное вниманіе и свободному распространенію которыхъ поставлены были предѣлы. Царь Алексѣй не только преслѣдуетъ манихеевъ, армянь, павликіанъ, богомиловъ, но и заботится о научномъ опроверженіи ересей и поощряетъ Еввоимія Зигавина къ составленію исторіи ересей и опроверженію противныхъ православію ученій. Нѣтъ сомнѣній, что дѣятельность Алексѣя Комнина въ этомъ направленіи должна была найти выраженіе въ томъ документѣ, который можетъ быть названъ по преимуществу памятникомъ торжествующаго православія, именно въ Синодикѣ. И дѣйствительно, вся часть его, слѣдующая за статьями противъ иконоборцевъ, въ числѣ по крайней мѣрѣ 20 статей, относится по своему происхожденію ко времени Алексѣя Комнина. Отличіемъ этой части служатъ тотъ признакъ, что въ Синодикѣ вошли ученія, а не имена, какъ будто замѣчаніе Анны Комнины объ Италѣ, что имя его приводится въ церковномъ отлученіи не совсѣмъ прямо и темно—касается и многихъ другихъ, осужденныхъ при Алексѣѣ лицъ.

Эта особенность частей Синодика, относящихся по происхожденію къ концу XI и началу XII вѣка, не можетъ не представлять особенныхъ затрудненій для изслѣдователя. Во всякомъ случаѣ, въ томъ кругѣ идей, которымъ мы доселѣ занимались, нельзя искать объясненія для нѣкоторыхъ статей. Поэтому находимъ необходимымъ коснуться, хотя въ общихъ чертахъ, религиозныхъ лжеученій, обнаруживающихся въ занимающую насъ эпоху. Извѣстія Анны Комнины и исторіи еретическихъ ученій Зигавина въ общихъ чертахъ сообщаютъ о главныхъ теченіяхъ религиозной жизни за эту эпоху. Поэтому нельзя сказать, чтобы изслѣдователь лишенъ былъ возможности установить происхожденіе даже и тѣхъ частей Синодика, которыя, не обозначая по имени основателей и виновниковъ еретическаго мнѣнія, подвергаютъ отлученію абстрактно выраженную мысль. Иногда эта мысль высказана въ такой близкой формѣ къ выраженіямъ, находимымъ у Анны или у Зигавина, что не остается никакихъ сомнѣній относительно ея приуроченія. Труднѣе представляется дѣло тамъ, гдѣ буквальнаго сходства въ выраженіяхъ не находимъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе рядъ статей (11 главъ), отмѣченныхъ именемъ Іоанна Итала. Это одинъ изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ Синодика, потому что здѣсь названъ по имени еретикъ, и ученіе его изложено съ нѣкоторыми подробностями, какія рѣдко

встрѣчаются въ другихъ случаяхъ. Для точности слѣдуетъ однако замѣтить, что въ сохранившихся редакціяхъ всѣ 11 главъ или положеній изложены безлично и могутъ быть относимы къ цѣлой школѣ или еретичеству партіи, во всякомъ случаѣ не къ одному лицу. Въ Синодикѣ подвергаются отлученію неправославныя мнѣнія, которыя выражены въ слѣдующей формѣ: 1) пытающимся вновь обсуждать вопросъ о томъ, какимъ образомъ Богъ-Слово „человѣческому смѣшенію соединися“; 2) вводящимъ еллинскія мнѣнія о душахъ человѣческихъ, о небѣ и землѣ и о прочихъ твореніяхъ, то есть, принимающимъ переселеніе душъ и отрицающимъ воскресеніе, судъ и возданіе, допускающимъ существованіе идеи и безначальнаго и вѣчнаго вещества (главы 2, 3 и 4); 3) утверждающимъ, что еллинскіе мудрецы и первые ересіархи, отлученные семью вселенскими соборами, во многомъ выше и на послѣднемъ судѣ окажутся лучше тѣхъ, хотя благочестивыхъ и православныхъ мужей, но погрѣшившихъ по страсти человѣческой или по невѣдѣнію; 4) не вѣрящимъ въ чудесныя дѣйствія Спаса нашего Бога и владычицы нашей Богородицы и прочихъ святыхъ, но отрицающимъ ихъ, какъ невозможныя, или толкующимъ по собственному разумѣнію; 5) проходящимъ еллинскія науки и усвоившимъ себѣ еллинскія теоріи, принимающимъ платоновскія идеи и отрицающимъ твореніе міра изъ ничего принимающимъ, что во всеобщее воскресеніе люди возстанутъ не въ тѣхъ тѣлахъ, въ которыхъ жили, вѣрящимъ въ предсуществованіе душъ и въ конечность мученій (главы 7—10). Послѣдняя глава представляетъ собой общій выводъ, въ ней предается отлученію прогивоцерковныя мнѣнія, введенныя Италомъ и усвоенныя его учениками,—въ такой формѣ это положеніе замѣняетъ всѣ предидущія и само по себѣ можетъ быть достаточнымъ для такого памятника, какъ Синодикъ.

Итакъ, ученіе Итала и его учениковъ изложено собственно въ 10 положеніяхъ, но и это число могло быть сокращено, такъ какъ одна и та же матерія повторяется иногда въ нѣсколькихъ положеніяхъ. Но что всего любопытнѣе здѣсь, это, во первыхъ, присутствіе значительнаго философскаго элемента, въ которомъ почти теряется противоцерковный богословскій характеръ Итала, вовторныхъ, особенно рельефно выдвигаемый источникъ неправыхъ мнѣній, происходящій изъ увлеченія еллинскою наукой и преклоненія предъ еллинскими мудрецами. Выдѣливъ существенное и останавливаясь только на главныхъ чертахъ, можно выразить отвергаемныя церковью мнѣ-

ніа Итала и его учениковъ въ трехъ положеніяхъ: 1) переселеніе душъ, 2) платоновскія идеи, какъ реальныя бытія, 3) предсуществованіе душъ и твореніе міра изъ предвѣчной матеріи. Изъ этого можно видѣть, что Италъ не былъ собственно богословомъ и не можетъ быть разсматриваемъ какъ виновникъ какой-либо религіозной секты; онъ былъ мыслитель и подвергся церковному отлученію за то, что не согласовалъ свою философскую систему съ церковнымъ ученіемъ. Ближайшій выводъ отсюда тотъ, что на *Итала* нужно *смотреть* какъ на *выразителя философской мысли въ концѣ XI вѣка*: съ этой точки зрѣнія 11 главъ Синодика противъ Итала получаютъ большой историческій интересъ и нуждаются въ подробномъ разсмотрѣніи.

Жизнь и дѣятельность Іоанна Итала не осталась не отмѣченной въ Византійской лѣтописи. Цесаревна Анна Комнина посвящаетъ ему нѣсколько страницъ въ своей *Алексіадѣ* ¹⁾. Именно, въ разказѣ о войнѣ Алексія Комнина съ Боэмундомъ, она описываетъ положеніе столицы, волнуемой ученіемъ І. Итала. „Сей Италъ происходилъ изъ Италіи и прожилъ долго въ Сициліи. Сицилійцы, возставъ противъ ромѣйской власти, призвали на помощь италіанцевъ, между которыми былъ и отецъ Итала; онъ привелъ съ собой своего сына, хотя и не имѣющаго еще надлежащаго для военной службы возраста, но могущаго слѣдовать за нимъ и изучать военное италіанское дѣло. Когда же знаменитый Георгій Маніакъ во время царствованія Мономаха, взбунтовавшись, занялъ Сицилію, тогда съ трудомъ удалось оттуда спастись отцу Итала со своимъ сыномъ и найти убѣжище въ Ломбардіи, находившейся еще подъ ромѣйской властью. Изъ Ломбардіи названный Италъ, какимъ-то случаемъ попалъ въ Константинополь, процвѣтавшій всякою наукой и словеснымъ искусствомъ. Ибо со времени Василія Порфиророднаго и до Мономаха, хотя образованность и была въ пренебреженіи у большинства, но не совершенно еще заглохла; во время же царя Алексія она оживилась и поднялась и пользовалась вниманіемъ любителей просвѣщенія. Нашедши образованіе въ такомъ положеніи и бесѣдуя съ школьными преподавателями ²⁾, людьми неподатливыми и грубыми по нравамъ (были тогда въ столицѣ и такіе), онъ почерпнулъ отъ нихъ словесное образованіе. Вислѣдствіи слушалъ извѣстнаго Михайла Пселла, который хотя и не особенно много посѣщалъ ученыя школы, но природными

¹⁾ *Anna Comnena, Alexias V. 8* (Вонн. р. 256).

²⁾ *Alexias, 258 καὶ ἀνδράσιν ἐπιλήτας σχολαστικοῖς.*

способностями и остротою ума, а можетъ быть, и вслѣдствіе Божіей помощи, достигъ вершины всякой мудрости, изучилъ еллинскую и халдейскую науку ¹⁾ и былъ въ то время знаменитымъ ученымъ. Но, занимаясь съ нимъ безъ правильной системы, Италъ не могъ проникнуть въ сущность философіи. Учителей онъ не выносилъ и не терпѣлъ ученья, полный же дерзости и варварскаго нахальства онъ считалъ себя выше всѣхъ и безъ науки и поспорилъ съ самимъ Пселломъ на первыхъ же урокахъ. Изучивъ же *діалектику* ²⁾, ежедневно производилъ смятеніе въ публичныхъ собраніяхъ, подбирая софистическія остроты и излагая весь предметъ въ той же формѣ. Его приблизилъ къ себѣ царствовавшій тогда Михаилъ Дука и его братья, которые хотя считали его ниже Пселла, но любили и пользовались имъ въ ученыхъ состязаніяхъ. Ибо Дуки были просвѣщеннѣйшіе люди, одинаково какъ братья царя, такъ и самъ Михаилъ.

Италъ же всегда пристрастно и злобно относился къ Пселлу, и хотя послѣдній, подобно орлу, поднимался выше его хитросплетеній, но онъ раздражался, волновался, злился или печалился. Случилось, что латиняне и италіанцы поднались на ромэевъ и замыслили овладѣть всею Ломбардіей и Италіей. Царь поручилъ Италу, какъ человеку преданному и способному съ италіанскими отношеніями, миссію въ Элидаминъ. Но онъ уличенъ былъ въ предательствѣ и бѣжалъ въ Римъ, когда узналъ, что прибылъ нѣкто смѣнить его. Потомъ, раскаявшись, испросилъ у царя прощеніе и съ разрѣшенія его возвратился въ Константинополь, гдѣ ему указано было жить въ монастырѣ Пяти при церкви Сорока мучениковъ. Когда же Пселлъ послѣ постриженія удалился изъ Константинополя, то, назначенный преподавателемъ всей философіи, онъ получилъ титулъ *ипата фи* ³⁾. софовъ и занимался объясненіемъ сочиненій Аристотеля и Платона. Пользуясь славю многоначитаннаго человека, въ сущности онъ былъ по преимуществу силенъ въ изученіи перипатетиковъ, а главное въ *діалектикѣ* ⁴⁾. Въ другихъ словесныхъ искусствахъ не имѣлъ особенныхъ свѣдѣній: въ грамматикѣ спотыкался и не вкусилъ нектара

¹⁾ Ibid. p. 258, καὶ τὰ τῶν Ἑλλήνων καὶ τὰ Χαλδαίων ἀκριβωσάμενος.

²⁾ Ibid. p. 258—259, οὐκ ἠδύνατο φιλοσοφίας εἰς βάθος εἰλεῖν... ἐμβαθύνας δὲ τῇ διαλεκτικῇ...

³⁾ *Alexias*, 260, τὰς τε Ἀριστοτελικὰς βίβλους καὶ τὰς Ἰλλαντικὰς ἐξηγεῖσθαι ἐσπούδαζεν.

⁴⁾ δαιμόνιος δὲ μᾶλλον εἶπερ τις ἄλλος διερευνησάσθαι τῶν ἄλλων τὴν δαινοτάτην περιπατητικὴν, καὶ ταύτης πλέον τὴν διαλεκτικὴν.

риторики ¹⁾. Вслѣдствіе того рѣчь его не была стройна и не имѣла изящества, отличіемъ ея были жесткость и напыщенность; слово его соответствовало нахмуреннымъ бровямъ и пропитано было суровостью. Въ сочиненіяхъ его множество діалектическихъ изворотовъ; онъ способенъ былъ поражать неожиданностью выводовъ больше въ устной бесѣдѣ, чѣмъ въ письменномъ изложеніи. Онъ былъ до такой степени силенъ и непобѣдимъ въ преніяхъ, что безъ всякаго труда приводилъ противника въ молчаніе и замѣпательство, ибо своими вопросами подкапывался подъ собесѣдника и повергалъ его въ бездну недоумѣній. Какъ особенно искусный въ діалектикѣ, онъ душилъ противника непрерывнымъ рядомъ вопросовъ, спутывая и смущая его умъ. Кто разъ попалъ въ его дебря, уже не выбирался изъ нихъ. Вообще онъ былъ весьма невоспитанъ и слишкомъ подчинялся порывамъ; вселяя къ себѣ нѣкоторое уваженіе рѣчью, портилъ его и уничтожалъ страстными порывами. Ибо разговоръ онъ велъ и языкомъ и руками, ему мало было привести собесѣдника въ недоумѣніе и заградить уста его молчаніемъ, рука его вцѣплялась еще въ бороду и въ волосы и оскорбленіе слѣдовало за оскорбленіемъ. Невоздерженъ былъ этотъ человѣкъ на руки и на языкъ. Одна только черта была у него не чуждая философа, что порывъ его проходилъ послѣ нанесенія оскорбленія и онъ начиналъ плакать и истинно раскаиваться. Вотъ его внѣшнія свойства: большая голова, выпуклый лобъ, открытое лице, носъ съ раздувающимися ноздрями, окладистая борода, широкая грудь, крупное сложеніе, ростъ ниже средняго. Произпошеніемъ своимъ онъ походилъ на иноземца, прибывшаго въ молодыхъ лѣтахъ изъ латинской страны, зналъ греческій языкъ, но не чисто произносилъ и коверкалъ нѣкоторые слоги. Нечистота и несовершенство рѣчи его замѣчались многими, настоящіе же ораторы смотрѣли на нее какъ на крестьянскую рѣчь. Вслѣдствіе чего письменныя его произведенія, построенныя вообще на діалектическихъ мѣстахъ, далеко не лишены недостатковъ обработки—и то тамъ, то здѣсь попадающихся солецизмовъ.

Такой человѣкъ стоялъ во главѣ всей философіи и преподавалъ ее стекающемуся къ нему мношеству. Онъ открывалъ ученіе Прокла и Платона и философовъ Порфирія и Ямвлиха, въ особенности же сочиненія Аристотеля, и изъ нихъ то его произведеніе объяснялось

¹⁾ ἀλλὰ περί τε τήν γραμματικὴν ἐμάθευ τεχνῆν, καὶ τοῦ ῥητορικῆς χεῖταρος οὐκ ἐγούσατο.

для желающихъ, которое называется Органонъ и которымъ онъ преимущественно занимался ¹⁾). Не могъ онъ принести большой пользы учащимся, такъ какъ тому препятствовали его вспышки и несладкий характеръ. Вотъ его ученики: Соломонъ Іоаннъ, Іаситы и Сервлин и другіе прилежавшіе къ ученію. Многихъ изъ нихъ я потомъ часто видывала во дворцѣ; ни одной науки не знали они въ точности, выдавали же себя за діалектиковъ безпорядочными движеніями и странными кривляньями; не владея реальными знаніями, находили себя защиту въ идеяхъ да въ смутныхъ теоріяхъ о переселеніи души и въ другихъ подобныхъ странностяхъ ²⁾). Господствуя среди выше-названныхъ своихъ учениковъ, Италъ ко всему относился презрительно, многихъ неразумныхъ подстрекнулъ къ восстанію и не мало выставилъ тиранновъ изъ своихъ учениковъ. Я бы могла привести многія имена, если бы за временемъ не забыла ихъ. Но это было прежде вступленія моего отца на престолъ³⁾. Сказавъ далѣе, что царь Алексій старался раздуть искорки знанія, таившіяся подъ пеломъ ³⁾),—Анна продолжаетъ объ Италѣ: „Нашедъ же Итала производящимъ вездѣ смятеніе и вида, что онъ многихъ обманываетъ, поручилъ севастократу Исааку произвести дознаніе. Это же былъ просвѣщеннѣйшій и весьма рѣшительный человекъ. Убѣдившись въ характерѣ дѣятельности Итала, онъ обличилъ его (на свѣтскомъ судѣ), а потомъ по приказанію брата и царя предалъ церковному суду. Не въ состояніи будучи скрывать свое невѣжество, и здѣсь онъ извергъ чуждыя церкви мнѣнія и въ глаза избранныхъ церкви не переставалъ надѣваться и позволялъ себѣ другое, что свойственно невѣжественнымъ и варварскимъ обычаямъ. Патриархомъ былъ тогда Евстратій Гарида. Онъ заключилъ его въ одномъ зданіи Великой церкви, надѣясь на его раскаяніе. Но говорятъ, что не только не исправилъ его, но чуть самъ не сдѣлался участникомъ его влобы. Ибо Италъ вполне привлекъ на свою сторону Гариду. Что же вышло? Народъ собрался у церкви и искалъ Итала, и навѣрное сбросилъ бы

¹⁾ *Alexias*, 263, καὶ γὰρ τὰ τε Πρόκλου καὶ Πλάτωνος καὶ τὰ φιλοσόφων ἀμφοῖν Πορφυρίου τε καὶ Ἰαμβλίου ἀνεκάλυπτε τοῦτοις δόγματα, καὶ μάλιστα τὰς Ἀριστοτέλους τέχνας καὶ τὴν ὡς ὄργανου παρεχομένην χρῆσαν ὑφηγεῖτο τοῖς ἰδέλουσι πραγματείαν. Объ Органонѣ см. Шаба, *Μεσαιωνικὴ Βιβλιοθήκη* V, p. 499.

²⁾ *Alexias*, 263. προβαλλομένους τὰς ἰδέας, ἣδη δὲ καὶ τὰς μεταμψυχώσεις αὐνεκιστομένως πῶς.

³⁾ Сдѣлавъ однако ограниченіе: προηγεῖσθαι δὲ τὴν τῶν θεῶν βιβλῶν μελέτην τῆς Ἑλληνικῆς παιδείας ἐπέτραπε.

его сверху на полъ церковный, если бы ему не удалось пробраться на крышу храма и спрятаться въ укромномъ мѣстѣ.

А какъ зловредное его ученіе раздѣляемо было многими придворными и не мало бояръ заражено было его мнѣніями, и царя это очень обезпокоивало, то неправильное ученіе Итала, сведенное къ 11 положеніямъ, превровождено къ царю ¹⁾. Эти положенія по приказанію царя были преданы проклятію съ амвона Великой церкви, причѣмъ народъ съ непокрытою головою выслушивалъ каждое положеніе и сопровождалъ его произнесеніемъ: анаеѡма. Но это не сдержало Итала, онъ продолжалъ явно высказывать тѣ же мнѣнія и, не смотря на уиѣшанія царя, безчинно настаивалъ на своемъ. Вслѣдствіе чего и самъ онъ преданъ проклятію, хотя потомъ, когда онъ изъяснилъ раскаяніе, сдѣланы облегчающія измѣненія въ статьѣ объ его анаеѡматствованіи. Такимъ образомъ, ученіе его съ тѣхъ поръ предается проклятію, что же касается имени его, то оно приводится въ церковномъ отлученіи не совсѣмъ прямо, темно и не для всѣхъ ощутительно. Ибо потомъ онъ перемѣнилъ свои мнѣнія и раскаялся въ заблужденіяхъ; отказался отъ ученія о переселеніи душъ и отъ порицанія святыхъ иконъ, ученіе же объ идеяхъ старался истолковать примѣнительно къ православному воззрѣнію ²⁾.

Другое извѣстіе объ Италѣ принадлежитъ также близкому къ его времени писателю, Никитѣ Акоминату, умершему въ началѣ XIII в. ³⁾. Его сообщенію объ Италѣ предшествуетъ интересное замѣчаніе, что со времени опубликованія Фотіемъ латинскихъ погрѣшностей затихла пустая болтовня и ни одной ереси не появлялось до времени царя Алексѣя Комнина ⁴⁾. Это замѣчаніе, не совсѣмъ точное въ историческомъ смыслѣ, вѣрно по отношенію къ Синодику, въ которомъ дѣйствительно нѣтъ слѣдовъ отлученія отъ церкви въ X и въ началѣ XI вѣковъ. Далѣе слѣдуетъ разказъ объ I. Италѣ, изложенный въ болѣе краткомъ видѣ, чѣмъ у Анны Комнины. „При царѣ Алексѣѣ жилъ въ царственномъ городѣ нѣкоторый мужъ, происходящій изъ

¹⁾ *Alexias*, 266, εἰς ἑνδεκά τινα κεφάλαια τὰ δογματισθέντα καθὼς παρὰ τοῦ Ἰταλοῦ συνεκεφαλαιώσαντο καὶ τῷ βασιλεῖ ἐξήκασταισαν.

²⁾ *Alexias*, 267, ἤρκειτο δὲ καὶ τὰς μετεμψυχώσεις καὶ τὸ ὑβρίζειν τὰς σεπτὰς εἰκόνας τῶν ἁγίων, καὶ τὸν περὶ τῶν ἰδεῶν λόγον μεθερμηνεύειν πῶς πρὸς τὸ ὀρθόδοξον ἔσκευδε.

³⁾ Оно помѣщено у *Табалы*, *Supplementa historiae ecclesiasticae graecorum*.

⁴⁾ αἱ γλωσσαλγίαι τῶν κενολόγων ἡρέμησαν, καὶ οὐδεμία τις εἰς προὔπτον ἀνέρ- ῥησεν αἵρεσις μέχρι καὶ αὐτῶν τῶν χρόνων τοῦ ἐκ Κομνηνῶν βασιλεύσαντος Ἀλεξίου.

Италиі, горячій любитель философіи. Послѣ знаменитаго Пселла, вождя всей мудрости и знатока всякой словесной науки, онъ думалъ создать себѣ величіе на аристотелевской риторикѣ ¹⁾, почему привлекъ къ себѣ всю жаждавшую образованія молодежь. Онъ надменно хвалился знаніемъ того, чего совсѣмъ не смыслилъ и утверждалъ, что раскусилъ не только всю внѣшнюю науку, но и священное писаніе, такъ что ему нѣтъ ничего темнаго въ писаніяхъ отеческихъ о Богѣ. Почему, составивъ 11 главъ о вѣрѣ, совратилъ многихъ изъ своихъ слушателей и заразилъ ихъ адомъ, одного же изъ нихъ, по прозванію Сервілія, прямо *совратилъ въ еллинство*, почему онъ, въ глухую ночь ставъ на скалу и прозвнеся слова: прими меня, Посидонъ, бросился въ глубину ²⁾. Когда же о развратномъ ученіи Итала дошло до свѣдѣнія царя и патріарха Евстратія Гариды, они сильно вознегодовали. Приглашенный въ Великую церковь и допрошенный по поводу его положеній, онъ сначала пытался оправдываться со свойственной ему варварской необузданностью; когда же мнѣнія его подвергнуты были отлученію, то пришелъ въ сознаніе долга, и раскаялся и сталъ просить прощенія. Его погрѣшности заключались въ слѣдующемъ: онъ училъ о переселеніи душъ, не воздавалъ должнаго почтенія святымъ иконамъ ³⁾, и принималъ платоновскія идеи. Кромѣ того, умышленными и коварными вопросами наводилъ на сомнѣніе ⁴⁾, какъ обожествлена плоть Господни, по положенію или по природѣ, и ставя своихъ слушателей въ затрудненіе, приводилъ ихъ къ сознанію невозможности дать отвѣтъ, между тѣмъ какъ церковь установила и опредѣлила, что обожествленіе человѣческаго брвенія было не по положенію или природѣ, но сверхъестественно и чудесно⁵⁾. Свидѣтельство Н. Авомината, очевидно, находится въ зависимости отъ Анны Комнины. Нѣкоторыя прибавки, читаемыя у Никиты, едва ли не могутъ находить себѣ объясненіе въ его же собственномъ признаніи по поводу ученія Нила: „у меня нѣтъ теперь книгъ, и изъ

¹⁾ οὗτος ἐπὶ ταῖς ἀριστοτελικαῖς τεχνολογίαις μέγας εὐδοξία εἶναι.

²⁾ ἀμέλει καὶ τὰς ἐπὶ σκοπέλου νυκτὸς ἀσπί καὶ φθεγξάμενος εἰς θάλασσαν εἶχε ἐπέσει με Ποσειδῶν, αὐτὸν ἐπαφῆκε τῷ λαίματι.

³⁾ ἦν δὲ τὰς μετεμψυχώσεις δοξάζων καὶ τὰς ἁγίας εἰκόνας οὐχ' ὡς εἶδει τιμῶν, ἀλλὰ καὶ τὰς πλατωνικὰς ἰδέας παρεδέχετο.

⁴⁾ ἡ τοῦ Κυρίου σὰρξ θεία ἢ φύσει θεώεται, συνάγων δὲ ἀρφοῖν τὸ ἄπορον καὶ πειθῶν τὸ ἀπροώμενον ἀμηχάνως ἔχειν πρὸς τὴν ἀπόκρισιν... ἢ δ' ἐκκλησία θεολογικῆ τε καὶ ἀπεφάνητο μήτε θέσει μήτε λέξει θεωθῆναι τὸ πρόσλημμα, ἀλλ' ὑπὲρ φύσιν καὶ λόγον ἅπαντα.

моей памяти улетучились подробности" ¹⁾). Самою важною прибавкой въ изложеніи Н. Акомината мы должны признать не православное ученіе Итала о божественномъ воплощеніи:

Такъ какъ приведенныя свидѣтельства Анны Комнины и Н. Акомината составляютъ, можно сказать, главнѣйшее и до настоящаго времени единственное по своей подробности извѣстіе объ І. Италѣ, то весьма понятно, что каррикатурная фигура италіанскаго философа, представленная здѣсь, неотразимо должна вліять на оцѣнку его у позднѣйшихъ писателей. Выдѣливъ изъ характеристики А. Комнины тѣ черты, которыя составляютъ собственно ея личную оцѣнку характера и научной дѣятельности Итала, остановимся здѣсь на положительныхъ признакахъ, рисующихъ только преподавательскую и ученую сторону Итала. Прежде всего, не похвально отзываясь о школьныхъ годахъ жизни Итала, Анна Комнина раздѣляетъ этотъ школьный періодъ на два отдѣла: ученіе у схоластиковъ или образованіе въ средней византійской школѣ и ученіе въ высшемъ заведеніи, гдѣ философскія науки преподавались Пселломъ. Въ средней школѣ онъ получилъ словесное образованіе, въ высшей — философское ²⁾). Что І. Италъ не терпѣлъ ученія и не могъ углубляться въ преподаваемыя науки, съ этимъ никакъ нельзя согласиться уже и потому, что мы знаемъ объ его сочиненіяхъ и вліяніи его въ высшемъ и просвѣщеннѣйшемъ кругу византійскаго общества. Важнѣе въ словахъ А. Комнины указаніе на то, что Италъ прошелъ тогдашнюю среднюю и высшую школу. О преподаваемыхъ здѣсь предметахъ лучшія извѣстія находимъ въ письмахъ Пселла, который до шестнадцатилѣтняго возраста изучалъ грамматику и піитику, а затѣмъ риторику и философію: первая образовала изящество въ языкѣ, вторая очистила его умъ ³⁾).

О научной дѣятельности Итала, въ качествѣ профессора философской кафедры, Анна также весьма не высокаго мнѣнія. Но ея словамъ, Италъ не могъ проникнуть въ сущность философіи, что можно понимать въ томъ смыслѣ, что между тѣмъ какъ Пселлъ былъ си-

¹⁾ ἀπέλιπον ἡμᾶς αἱ βιβλοὶ καὶ τῆς ἡμετέρας μνήμης ἀπέπτησαν.

²⁾ На русскомъ языкѣ есть очень хорошее извѣдываніе о византійской наукѣ и школахъ въ XI вѣкѣ профессора *Скабаланиовича* (Христіанское Чтеніе 1884 г., мартъ, май).

³⁾ *Sathas*, Biblioth. Græca IV. 120; *Скабаланиовичъ*, Христіанское Чтеніе, май, 741, 749, гдѣ приведены нужныя мѣста въ переводѣ; *И. В. Безобразовъ*, Византійскій писатель М. Пселлъ I, стр. 7.

денъ преимущественно въ логикѣ, Итала главнѣйше изучалъ діалектику. Не отрицая заслугъ Пселла по изученію логики, которыми тѣмъ больше должны быть здѣсь выдвинуты, что въ нихъ современная наука усматриваетъ весьма важный шагъ впередъ, оказавшій вліяніе на западно-европейскую мысль, мы не видимъ однако причинъ умалять значеніе Итала только за то, что онъ былъ сильнѣе въ діалектикѣ, чѣмъ въ логикѣ. По тѣмъ даннымъ, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи, можно думать, что кругъ образованія у Пселла и Итала былъ въ сущности почти одинаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, указывая на профессорскія занятія Итала и на его преподаваніе, Анна перечисляетъ тотъ же кругъ ученыхъ авторитетовъ, какой и Пселлъ въ своихъ письмахъ: Аристотель и Платонъ, Порфирій и Иммелихъ, Проклъ. Пселлъ разказываетъ съ своей стороны, что, ознакомившись съ философскими основами, онъ перешелъ къ Аристотелю и Платону, отъ нихъ къ Плотину, Порфирію и Ямвлиху, наконецъ, прибылъ къ дивному Проклу¹⁾. Въ чемъ можно усматривать отличіе Итала отъ Пселла, это развѣ въ предпочтеніи его и особенномъ вниманіи къ Органону Аристотеля. Такъ какъ съ этимъ произведеніемъ на западѣ вообще ознакомились не ранѣе второй половины XII вѣка, то во всякомъ случаѣ это обстоятельство не лишено литературнаго значенія. Оказывается, что въ Византіи въ XI вѣкѣ старались облегчить пользованіе Органономъ Аристотеля посредствомъ комментарія или объясненія его, что въ этомъ смыслѣ дѣлались предложенія Пселлу со стороны друнгарія вглы Константина Ксифилина²⁾. Трудно судить, на основаніи отвѣтнаго письма Пселла, принимался ли онъ за возложенное на него порученіе, на которое вообще смотрѣлъ какъ на задачу свыше своихъ силъ, такъ какъ для исполненія ея просилъ сотрудничества самого Ксифилина; по всей вѣроятности переложеніемъ и объясненіемъ Органона онъ не занимался. Весьма можетъ быть, что на преемника его Итала возложено было потомъ это порученіе, по крайней мѣрѣ онъ, повидимому, занимался этимъ сочиненіемъ.

Въ числѣ другихъ не сочувственныхъ качествъ ученой дѣятельности Итала Анна Комнина указываетъ съ одной стороны на его ученіе объ идеяхъ и о переселеніи душъ, съ другой—на вредное его вліяніе среди ученой молодежи, проявившееся въ томъ, что многіе его ученики оказались бунтовщиками. Оставляя въ сторонѣ послѣд-

¹⁾ *Sathas*, IV, p. 120.

²⁾ *Sathas*, Biblioth. V, p. 499.

нее обвиненіе, какъ имѣющее мало общаго съ философіей, по отношенію къ первому можемъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія. Съ перваго взгляда казалось бы нѣсколько страннымъ, что научная дѣятельность Итала, посвященная логикѣ Аристотеля и объясненію комментаторовъ, могла имѣть своими послѣдствіями догматическія уклоненія. Но въ письмахъ Пселла мы находимъ достаточныя къ тому объясненія. Высшею стадіей философскаго мышленія или первою философіей и чистымъ знаніемъ была метафизика. Къ ней обязательно приходилъ каждый, специально занимающійся философіей ¹⁾. Подготовительнымъ для нея путемъ было ученіе о безтѣлесныхъ, τῶν ἀσωμάτων θεωρία, или науки, составляющія какъ бы средній чинъ между вещественною природою и сущностями, которыя познаются чистымъ мышленіемъ и отъ которыхъ переходятъ къ поватію сверхъестественнаго. Эти средняго чина науки: ариметика, геометрія, музыка, астрономія. „А какъ, продолжаетъ Пселлъ, я слышалъ отъ совершенныхъ философовъ, что есть нѣкоторая мудрость, выше доказательствъ, которую постигаетъ только цѣломудренно вдохновенный умъ ²⁾, то я не обошелъ и ее. Усмотрѣвъ, что есть два отдѣла знаній, изъ которыхъ одинъ заключается въ риторикѣ, другой въ философіи, и что первый учитъ плавной и связной рѣчи и занимается построеніемъ частей ея, и сообщаетъ правила политическаго ораторскаго искусства, между тѣмъ какъ второй, мало заботясь о красотѣ рѣчи, ислѣдуетъ природу сущаго, представляетъ неизреченныя теоріи и возводитъ своими откровеніями не только до небесъ, но и наднебесный міръ воспѣваетъ во всѣхъ подробностяхъ,—я не могъ ограничиться искусствомъ, пренебрегая философіей, ни, наоборотъ, занявшись философіей, оставить въ пренебреженіи риторикѣ. Но и надъ этою философіей есть еще другая, которую составляетъ тайна строительства слова и этой я посвящалъ свое вниманіе“. Приведенное мѣсто весьма важно для показанія тѣсной связи занятій философскихъ и богословскихъ; оно показываетъ также, какъ трудно было философу удержаться на серединѣ метафизическаго мышленія и не впасть въ область христіанской догматики. И дѣйствительно, всякій мыслитель необходимо приходилъ къ постановкѣ богословскихъ вопросовъ. Не только онъ самъ не считалъ эти вопросы чуждыми себѣ, но отъ него даже тре-

¹⁾ *Sathas*, IV, 121; Везобразовъ, стр. 7, 125. Умозрительная философія, по ученію Н. Влеммида, дѣлится на три отдѣла: φυσιολογικόν, μαθηματικόν και θεολογικόν.

²⁾ *Ibid.* ἦν μόνος εἶδεν ὁ σαρφρόνας ἐνθουσιάζων νοῦς.

бовала публика мнѣнія по поводу волновавшихъ общество догматическихкихъ споровъ, имѣвшихъ иногда громадный общественный интересъ. Средневѣковый философъ долженъ былъ отвѣчать на всѣ вопросы по всѣмъ предметамъ. Этотъ универсальный характеръ философіи весьма хорошо можно видѣть изъ лекцій Михайла Пселла ¹⁾, посвященныхъ и риторикѣ, и богословію, и естественнымъ наукамъ, и даже праву. Отсюда можно понять, какъ трудно было философу удержаться на золотой серединѣ и не возбудить противъ себя подозрѣній въ неправославіи. Такія подозрѣнія возбудилъ противъ себя и Пселлъ, что побудило его изложить въ прекрасномъ письмѣ къ Иоанну Ксифилину, впоследствии патриарху, взглядъ свой на занятія древнею философіей ²⁾.

Возвращаясь къ упрекамъ Италу со стороны Анны Комнины, мы должны видѣть въ нихъ частью указанія на возвышенный характеръ его философіи. Какъ извѣстно, эта писательница считала Итала слишкомъ одностороннимъ и поверхностнымъ, пѣсколько разъ отмѣчаетъ, что онъ дальше диалектики—логики не пошелъ. Между тѣмъ неправославный образъ мыслей Итала не могъ обнаружиться въ этой области; очевидно, и онъ, подобно Пселлу, интересовался высшею философіей, которая ведетъ къ познанію сверхчувственнаго. Можемъ сдѣлать еще шагъ дальше и утверждать, что въ сущности Пселлъ и Италъ были весьма близки по своему философскому направленію. Тотъ и другой склонялись къ платоновскому міросозерцанію. Письмо Пселла, въ которомъ онъ оправдывается предъ І. Ксифилиномъ и защищаетъ занятія Платономъ и древними философами, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что у Пселла и его учениковъ было предпочтительно платоновское направленіе. Присоединимъ къ этому, что главные пункты, выставленные въ синодикѣ противъ Итала, сводятся къ мыслямъ, заимствованнымъ изъ Платона. Такимъ образомъ, между Пселломъ и Италомъ не оказывается того крупнаго отличія, какое можно бы предполагать на основаніи словъ Анны Комнины.

Внутреннюю связь между направленіемъ Пселла и Итала можно провести еще далѣе, если сопоставить хотя бы слѣдующія заглавія сочиненій Пселла съ пунктами обвиненій противъ Итала. Таково сочиненіе его: "Ὅτι τὰ κινῆματα τῆς φύξης εἰσὶ καὶ ταῖς τῶν οὐρανίων κί-

¹⁾ Разумѣемъ впервые напечатанную г. Везобразовымъ, стр. 133, лекцію Пселла о сущности, какъ вещи самобытной.

²⁾ *Saïhas*, V, p. 444—451; *Скабаланоичъ*, Христіанское Чтеніе, 1884 г., мартъ, стр. 359, 364; *Везобразовъ*, стр. 154, 159.

νήμασι ¹⁾), или Εἰ μνημονεύουσιν αἱ ψυχαὶ τῶν σοφιστῶν ἀπαρραγείσαι ²⁾). На основаніи нѣкоторыхъ писемъ Пселла можно далѣе заключать, что отношенія между учителемъ и ученикомъ были далеко не таковы, какими рисуется ихъ Анна. Такъ, есть похвальное слово Пселла, написанное въ честь Іоанна ³⁾), есть еще письмо къ Іоанну, написанное также не во враждебномъ духѣ ⁴⁾). Изъ изслѣдованія г. Безобразова о Михаилѣ Пселлѣ можно, наконецъ, видѣть, что занятія Платономъ вообще не прерывались въ Византіи и что Пселлу приписываютъ много чести тѣ, которые считаютъ его возстановителемъ платонизма. Учитель его Іоаннъ Мавроподъ былъ уже ревностнѣйшимъ почитателемъ Платона, котораго называлъ и по ученію, и по дѣламъ близкимъ къ законамъ Христа ⁵⁾). Извѣстно прекрасное мѣсто Анны Комнины объ уваженіи, какимъ пользовались въ царскомъ семействѣ сочиненія Максима Исповѣдника, который также долженъ быть считаемъ приверженцемъ Платона. Итакъ, извѣстіе объ І. Италѣ у Анны Комнины не можетъ быть принято безъ большихъ ограниченій.

Хотя философскій характеръ дѣятельности Итала не подлежитъ сомнѣнію, но встрѣчаются непреодолимые препятствія къ ознакомленію съ направленіемъ его мысленія. Философскія сочиненія Итала до сихъ поръ не изданы, а изъ написаннаго объ немъ другими, 11 положеній Синодика составляютъ самый лучший источникъ для характеристики его направленія. При такомъ состояніи дѣла, нельзя обойти вниманіемъ по крайней мѣрѣ заглавія его сочиненій, хранящихся въ разныхъ бібліотекахъ, по преимуществу же въ Мюнхенѣ и Мадридѣ ⁶⁾). Изъ приводимаго перечня можно убѣдиться, что Итала

¹⁾ *Sathas*, V, p. 71, № 107; ср. *Migne*, *Patrologia graeca* CXXII, col. 1075.

²⁾ *Sathas*, № 221.

³⁾ *Sathas*, V, p. 65, № 56.

⁴⁾ *Ibid.*, № 87. Εἰς τὸν λογίβαρδον Ἰωάννην καταναγκάζοντα αὐτὸν εἰς τὸ ἐρμηνεύσαι τάχιον τὰ μανήματα.

⁵⁾ *Скабланынъ*, Христ. чтеніе за мартъ 1884, стр. 349.

⁶⁾ Въ Мюнхенѣ (см. *Prantl*, *Geschichte der Logik*. IIe. S. 302, Anm. 109) находятся: 1) Ἰωάννου σοφιστῆτος ὑπάτου καὶ διδασκάλου τῶν φιλοσόφων, τοῦ Ἰταλοῦ, ἔκδοσις εἰς διάφορα ζητήματα, διὰ τὸ καὶ διαφόρους τοὺς ταῦτα προβαλλομένους. Το же сочиненіе находится въ *Национальной бібліотекѣ въ Мадридѣ*, при чемъ къ оглавленію прибавлены слѣдующія слова: εἰς τὸ τέχνη τεχνῶν καὶ ἐπιστήμη ἐπιστημῶν. По свидѣтельству *Гаге*, *Notices et extraits* IX, 2, p. 149, это не одно сочиненіе, а сборникъ, состоящій изъ 93 главъ (διάφορα ζητήματα); 2) Τοῦ αὐτοῦ ἔκδοσις εἰς τὸ Β', Γ', Δ' τῶν τοπικῶν; 3) τοῦ αὐτοῦ πρὸς τὸν βασιλεῖα κῆρ Ἀνδρόνικον ἐρωτήσαντα περὶ διαλεκτικῆς; 4) τοῦ αὐτοῦ ἔκδοσις περὶ τῆς τῶν συλλογισμῶν ὄλης καὶ τῆς συστά-

исключительно занимали научные вопросы по логикѣ и психологій, и что при томъ многія его сочиненія написаны для разрѣшенія вопросовъ, интересовавшихъ царей или лицъ изъ царской фамиліи, которымъ и посвящены были самимъ авторомъ. Очевидно, былъ періодъ, когда мѣтѣи и ученія Итала пользовались почетомъ и раздѣляемы были высшими и вліятельными лицами; такой періодъ предшествовалъ вступленію на престолъ Алексѣя Комнина.

Изъ сочиненій Итала только одно могло трактовать вопросы, собранные въ Синодикѣ въ качествѣ обвинительныхъ пунктовъ. Это—сочиненіе о душѣ, посвященное Михаилу VII Дукѣ (1072—1077); въ немъ могли быть явлены теоріи о переселеніи душъ и существованіи ихъ, равно какъ и о платоновскихъ идеяхъ, по которымъ образуется реальный міръ и которыя существовали, какъ образцы вещей, еще прежде созданія ихъ. Для будущей исторіи философскаго мышленія въ Византіи I. Италъ является опредѣленнымъ типомъ, выразителемъ направленія, которое сложилось около половины XI вѣка и противъ котораго началась реакція въ концѣ того же вѣка. Къ сожалѣнію, въ настоящее время весьма трудно опредѣлить значеніе этого направленія. Едва ли не единственный ученый, судящій о мюнхенской рукописи Итала не по описаніямъ другихъ, а по личному наблюденію, есть Прантль, авторъ извѣстнаго сочиненія по исторіи логики на западѣ ¹⁾, который, ради впрочемъ выясненія нѣкоторыхъ вопросовъ о Пселлѣ, касается и общаго значенія философіи Итала. Прантль не только признаетъ за Италомъ извѣстнаго рода оригинальность, но и *отводитъ ему значительное вліяніе на средневѣковую западную науку.*

αααα αἰτῶν; 5) τοῦ αὐτοῦ μέθοδος ῥητορικῆς ἐκδοθεῖσα κατὰ εὐνοίαν. Этотъ списокъ долженъ быть дополненъ еще слѣдующими сочиненіями, хранящимися въ Мадридѣ, Cod. 131 Национальной бібліотеки, налагающій на 168 листахъ исключительно сочиненія Итала, гдѣ находимъ, вромѣ упомянутыхъ: 6) εἰς τὸν βασιλέα κῆρ 'Ανδρόνικον ἀπορήσαντα τί ἐστὶν ὁ φησὶ "Ὀμηρὸς τῶν ἀνείρων τοὺς μὲν ἐκ κεράτων, τοὺς δὲ ἐξ ἐλεφάντων; 7) πρὸς τὸν βασιλέα κῆρ Μιχαήλ, εἰ αἱ ψυχαὶ ζητήσαντα, ὡς λέγουσι τινὲς, ἀνάσσειν δεχόνται ἀπολοθεῖσθαι τοῦ σώματος, ἐν ᾧ διδάσκειται καὶ ὅτι ἀθάνατοι; 8) πρὸς τὸν 'Αβαστὸν τὸν γραμματικὸν ἀπορίαὶ περὶ τινῶν τῆς γραμματικῆς. *Насе, Noticias IX, 2, p. 150—152* приводитъ еще сочиненіе пері ἐρμηνείας и четыре рѣчи Итала: къ Мануилу Комнину, Принцъ Дукенъ, Иоанну Комнину и на Рождество Христова. Въ моемъ сочиненіи „Образованіе втораго болгарскаго царства“, Приложение 1, приведено начало изъ сочиненія περὶ διαλεκτικῆς по *Ватиканскому списку № 316.*

¹⁾ Prantl, Geschichte der Logik, II (2-е Aufl.) 1885, S. 301—302.

Такъ какъ вопросъ о культурномъ взаимодействіи запада и востока въ средніе вѣка составляетъ далеко еще не разрѣшенную научную задачу, а появляющіяся вѣрѣдка мнѣнія о вліяніи Византіи на западъ встрѣчаются весьма недовѣрчиво, то мы позволимъ себѣ остановиться на этомъ вопросѣ. То обстоятельство, что въ XI вѣкѣ народилась въ Византіи философская школа, что Іоаннъ Италъ имѣлъ учителей и въ свою очередь самъ стоялъ во главѣ школы, которая имѣла, какъ увидимъ далѣе, многихъ послѣдователей, заставляетъ признать и допустить фактъ извѣстнаго движенія мысли. Вполнѣ оцѣнить результаты этого движенія мы еще не въ состояніи, ибо не можемъ прослѣдить первичныя стадіи движенія и тѣмъ болѣе—поставить въ связь византійское умственное развитіе съ современнымъ ему движеніемъ мысли на западѣ. А между тѣмъ въ этомъ заключается весь интересъ даннаго вопроса.

Въ смыслѣ воздѣйствія Византіи на современный западъ въ сферѣ занимающей насъ области особенно энергично и авторитетно высказался Прантль, принявъ подъ свою защиту логику Михаила Пселла и доказывая мысль, что эта логика была оригиналомъ, съ котораго дѣлались латинскіе переводы XIII и послѣдующихъ вѣковъ. Громадная важность поднятаго Прантлемъ вопроса видна изъ слѣдующаго: византійское произведеніе XI вѣка послужило источникомъ всѣхъ знаній по логикѣ и грамматикѣ въ западной Европѣ до XVI вѣка; кромѣ того, это произведеніе включаетъ въ себѣ новыя логическія и грамматическія термины, не извѣстныя древнимъ, не знакомыя на западѣ до XIII вѣка и со времени появленія перевода греческаго оригинала на латинскій языкъ получившіе всеобщее распространеніе. Еслибы мысль Прантля оказалась выше всякихъ подозрѣній въ натяжкѣ и въ преувеличеніи, то легко понять, какой важности культурно-историческій фактъ пріобрѣтенъ бы былъ въ ней для науки.

Въ мюнхенской бібліотекѣ (№ 548) есть греческая рукопись, положительно относимая Прантлемъ къ XIV вѣку, въ которой заключается логика, приписываемая Пселлу¹⁾; въ парижской національной бібліотекѣ находится логика Петра Испанскаго, впослѣдствіи папы Іоанна XXI, умершаго въ 1277 году²⁾. Между этими двумя сочиненіями оказывается такое сходство, которое не оставляетъ никакого сомнѣнія, что одно изъ нихъ послужило оригиналомъ для другаго.

¹⁾ Σύνοψις εἰς τὴν Ἀριστοτέλους λογικὴν ἐπιστήμην.

²⁾ Cod. 6657, Tractatus Summularum.

Но въ греческой или латинской рукописи признать оригиналь, — на этотъ счетъ Прантлю сдѣланы были сильныя возраженія, которыя заставили его вновь заняться сличеніемъ рукописей и подтвердить свою мысль объ оригинальности греческой логики по отношенію къ латинской въ новомъ изданіи своего сочиненія въ 1885 году. Окончательные выводы въ пользу мнѣнія Прантля или его противниковъ зависятъ отъ рѣшенія нѣкоторыхъ детальныя и при томъ весьма тонкихъ вопросовъ. Такъ, ему съ одной стороны указано было ¹⁾, что рукописная традиція приписываетъ другому лицу составленіе греческой логики, а не Пселлу, именно, что во многихъ описаніяхъ рукописей прямо называется Георгій Схоларій переводчикомъ на греческій языкъ діалектики Петра Испанскаго. Но это возраженіе, по существу весьма важное, устраняется временемъ происхожденія мюнхенской, прежде аугсбургской, рукописи; если она написана, какъ утверждаетъ Прантль, въ XIV вѣкѣ, то не можетъ принадлежать Г. Схоларію, который тогда или еще не родился, или былъ въ дѣтскомъ возрастѣ. Допустимъ, далѣе, весьма сомнительный случай, что Схоларій перевелъ уже переведенную съ греческаго работу Петра Испанскаго, мы немного этимъ выиграемъ для рѣшенія вопроса объ авторствѣ Пселлы, ибо въ литературной исторіи можно указать не мало случаевъ подобнаго рода яко бы заимствованія изъ иностранныхъ языковъ своихъ же оригинальныхъ сочиненій.

Болѣе рѣшительный характеръ имѣютъ возраженія, сдѣланныя французскимъ ученымъ Туро ²⁾, мнѣніе котораго оказало, между прочимъ, вліаніе на Ибервега, автора Исторіи философіи, который въ 6-мъ изданіи своего труда высказался противъ Прантля, то-есть, за оригинальный характеръ латинской логики Петра Испанскаго сравнительно съ такъ называемой пселловской ³⁾. Возраженія Туро имѣютъ двойной характеръ. Во-первыхъ, онъ утверждаетъ, что сличеніе греческаго и латинскаго текста ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія оригинальный характеръ латинскаго по отношенію къ греческому, какъ переводу. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, чтобы тотъ, кто способенъ переводить съ греческаго вообще весьма правильно, могъ остановиться вмѣсто правильной этимологіи слова *dialectica* на совершенно ошибочной, свидѣтельствующей о полномъ

¹⁾ *Rose, Hermes, II, S. 146.*

²⁾ *Thurot, De la Logique de Pierre d'Espagne, Revue archéologique, Nouvelle série, Juillet à Décembre 1864, p. 267—281; Revue critique 1867, 1, p. 195.*

³⁾ *Ueberweg, Geschichte der Philosophie, 6-e Aufl., II, S. 179.*

невѣжествѣ: „*dua*“ — два и „*logos*“ или „*lexis*“. Подразумѣваемое мѣсто, которымъ начинается сочиненіе по логикѣ, дѣйствительно весьма важно для рѣшенія вопроса о томъ, въ греческомъ или латинскомъ изложеніи видѣть оригиналь, но изъ него нельзя извлечь рѣшительнаго довода въ доказательство мысли Туро. Мѣсто это читается такъ:

<p>λέγεται δὲ ἡ διαλεκτικὴ ἀπὸ τῆς <i>διαλέξεως</i>, ἡ δὲ ἀπὸ τῆς „<i>δια</i>“ τῆς <i>σημειουούσης</i> τὸ „<i>μεταξὺ</i>“ καὶ τοῦ <i>λέγειν</i>, ἐν’ ᾧ ὁ <i>δοῦν</i> μεταξὺ τῶν ἀ- <i>κρίτων λόγος</i>.</p>	<p>Dicitur autem <i>dyalectica</i> a „<i>dua</i>“ <i>quod est duo</i>, et „<i>logos</i>“ <i>sermo</i> <i>vel „lexis“ ratio</i>, quasi <i>duorum</i> <i>sermo vel ratio</i>.</p>
---	--

Приведенное мѣсто свидѣтельствуетъ только о капризной этимологiи, допущенной въ латинскомъ текстѣ, но не объясняетъ ни ошибку этой этимологiи изъ терминовъ греческаго текста, ни, наоборотъ, правильности греческой этимологiи изъ латинскаго текста. Если уже необходимо смотрѣть на одинъ текстъ какъ на переводный съ другаго, то съ бѣльшей степенью вѣроятности переводнымъ можно считать латинскій, а не греческій. Прежде всего, пусть кто-нибудь попытается составить правильную греческую фразу посредствомъ перевода латинскаго текста на греческій: думаемъ, что это будетъ весьма трудно. Далѣе, составъ греческаго и латинскаго предложенія можетъ дать нѣкоторыя основанія въ сужденію о томъ, которое изъ нихъ самостоятельно и которое зависимо отъ другаго. Въ греческомъ обращаетъ вниманіе выраженіе ἡ διαλεκτικὴ ἀπὸ τῆς *διαλέξεως*, — повсннительное слово ἀπὸ τῆς *διαλέξεως* ничуть не оправдывается и не вызывается латинскимъ текстомъ. Строй латинской фразы очень легко объясняется сокращеніями или пропусками нѣкоторыхъ выраженій греческаго подлинника и описательными выраженіями, допущенными для передачи одного слова. Въ частности слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что „*dyalectica*“, производимое отъ „*duo*“, легко можетъ находить себѣ объясненіе въ выраженіи „*δοῦν*“, находящемся въ греческомъ текстѣ; два слова „*sermo vel ratio*“ являются описаніемъ глагольной формы „*λέγειν*“, — еслибы греческій текстъ былъ переводнымъ съ латинскаго, то не было бы нужды здѣсь въ глаголѣ при существованіи совершенно подходящихъ существительныхъ „*λέξις*“ или „*λόγος*“. Такимъ образомъ, есть возможность объяснить самыя ошибки латинскаго текста тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ или неискусно сократилъ греческій оригиналь, или имѣлъ подъ руками неисправный списокъ.

Воторыхъ, Туро находятъ рядъ внутреннихъ невѣроятностей, извлекаемыхъ изъ содержанія логики, которая никоимъ образомъ не позволяютъ приписывать греку составленіе ея. Такъ, онъ указываетъ какъ на странное для грека XI вѣка, писавшаго логику для своихъ соотечественниковъ, приемы употреблять для примѣровъ латинскія имена вмѣсто греческихъ (Катонъ, Цицеронъ), равно какъ приводятъ мѣста изъ западныхъ писателей (Воэцій, Присцианъ), обходя болѣе авторитетныя греческія имена. Не менѣе важныя возраженія замѣствуетъ Туро изъ сравнительной исторіи развитія логики и грамматики на востокѣ и западѣ. Именно, онъ считаетъ невозможнымъ объяснить въ логикѣ Пселла такіе термины и опредѣленія, которые встрѣчаются только въ этомъ произведеніи и не находятся у другихъ византийцевъ, между тѣмъ какъ являются весьма обычными въ логикахъ и грамматикахъ западныхъ въ XII и XIII вв. ¹⁾

На представленные возраженія Прантль даетъ отвѣтъ въ повомъ изданіи своего сочиненія. Вновь отстаивая авторство Пселла и переводный характеръ логики Петра Испанскаго, пѣмочкій ученый дополнилъ свои доказательства новыми открытіями и соображеніями. Изученіе рукописнаго матеріала парижской бібліотеки привело его къ „поразительному“ открытію ²⁾, что Петръ Испанскій не былъ первымъ переводчикомъ логики Пселла, но что нѣсколькими десятилѣтіями раньше его греческій учебникъ логики введенъ былъ въ школьныя латинскія руководства другими учеными: Ламбертомъ Оксерскимъ и Вильгельмомъ Шпресвудомъ. Благодаря только тому авторитету, который получилъ Петръ Испанскій въ западной церкви въ качествѣ папы римскаго, его логика имѣла продолжительное господство на западѣ и мало по малу совершенно отодвинула на задній планъ другія руководства, составленныя раньше и также замѣстоуемыя изъ Византіи.

Что касается внутреннихъ, яко бы реальныхъ невѣроятностей, не позволяющихъ приписать греку XI вѣка составленіе логики, то страницы, написанныя Прантлемъ въ опроверженіе этого положенія, превосходятъ все, что сказано было доселѣ во всѣхъ литературахъ по

¹⁾ *Thurot*, p. 270. C'est d'abord un ensemble de règles assez compliquées pour enseigner à démêler l'ambiguïté des termes, quand elle provient de l'étendue différente dans laquelle peut être prise la signification d'un substantif; et ensuite l'emploi de vers techniques pour graver dans la mémoire toutes les règles essentielles de la logique (далее идетъ рѣчь о Suppositiones въ средневѣковой логикѣ)

²⁾ *Prantl*, *Geschichte der Logik* II, 2-e Aufl. 1885, S. 266.

исторіи византійской культуры. Здѣсь автору нужно было коснуться общихъ вопросовъ о литературныхъ заимствованіяхъ и о зависимости научныхъ построений отъ притока новаго матеріала, и въ этой области онъ является глубокимъ мыслителемъ. Употребительные въ югикѣ примѣры, взятые изъ Римской исторіи, равно какъ цитаты изъ латинскихъ писателей вмѣсто греческихъ, свидѣлствуютъ лишь объ общности источника, изъ котораго исходитъ какъ византійское, такъ и средневѣковое западное развитіе. Сдѣланныя Прантлемъ указанія на то, что Присцианъ могъ быть извѣстенъ въ Византіи такъ-же, какъ и на западѣ, ибо жилъ въ Константинополѣ, что Боецій могъ быть популярнымъ именемъ въ византійскихъ школахъ, могутъ быть дополнены многочисленными фактами, свидѣлствующими о латинскихъ преданіяхъ въ Византіи. Самый крупный и рельефный фактъ—это монеты съ латинской надписью, продолжавшіяся до конца XI вѣка. Съ не меньшимъ основаніемъ можно сослаться на латинизмы въ судебной практикѣ, въ юриспруденціи, въ военномъ устройствѣ и въ административной терминологіи, такъ явно отиѣченные въ сочиненіи Константина Порфиророднаго *De Ceremoniis*. Въ сущности возраженія съ точки зрѣнія латинизмовъ не могутъ имѣть серьезнаго значенія, такъ какъ внушены неправильными теоріями о происхожденіи и развитіи византинизма, противъ которыхъ въ самое послѣднее время выступилъ Крумбахеръ въ Исторіи Византійской литературы ¹⁾. Переходя къ разсмотрѣнію терминологіи и сравнительной исторіи логики на западѣ и востокѣ, Прантль указываетъ мѣста въ *Summula* Петра Испанскаго, въ которыхъ грамматическая и логическая неправильность тѣмъ однимъ и можетъ быть объяснена, что они составляютъ переводъ съ греческаго, при чемъ латинскій не представлялъ достаточно точныхъ словъ, соответствующихъ оригиналу, напримѣръ *talis, alter* = *τοιοῦτος, ἄτερος* и др. ²⁾. Далѣе, онъ ссылается на то, что у трехъ латинскихъ писателей Шпресвуда, Ламберта и Петра Испанскаго неожиданно встрѣчается примѣненіе четырехъ гласныхъ А, Е, I, О для обозначенія четырехъ родовъ категорическихъ сужденій. Принимая же въ соображеніе, что введенные Пселломъ для всѣхъ родовъ категорическаго заключенія ивемоническіе термны съ тѣми же гласными въ основѣ имѣютъ форму

¹⁾ *Krumbacher, Geschichte der Byzantinischen Literatur, München 1881, Einleitung.*

²⁾ *Prantl, s. 269, Anm. 4 g.*

предложеній, представляющихъ извѣстный смыслъ ¹⁾, между тѣмъ какъ латинскіе термины имѣютъ значеніе отдѣльныхъ словъ, которыя безъ всякаго вниманія къ смыслу ихъ подобраны для образованія гексаметра ²⁾, онъ дѣлаетъ заключеніе къ оригинальности греческихъ мнемоническихъ терминовъ и подражательному характеру латинскихъ ³⁾. Еслибы ходъ дѣла былъ обратный, то-есть, еслибы латинскіе термины были оригиналомъ для греческаго переводчика, то въ послѣднемъ они должны бы были получить совершенно другую форму. Наконецъ, никто не можетъ отрицать того очевиднаго факта, что у всѣхъ упомянутыхъ выше западныхъ писателей въ одно и то же время, то-есть, въ первой трети 13-го столѣтія, сразу оказывается новый литературный источникъ, который ими или воспроизведенъ дословно или переработанъ. Этотъ совершенно новый источникъ по отношенію къ тогдашней логикѣ касался той области, которая впоследствии получила названіе *Terminorum proprietates*, то-есть, ученія о *Suppositio*, *Ampliatio*, *Restrictio*. Возможно предполагать для образованія этого обширнаго новаго матеріала троякій путь: или онъ явился самостоятельно среди латинскаго запада, или заимствованъ изъ византійской литературы, или, наконецъ, пришелъ отъ арабовъ. Но въ доступной латинскому западу арабской литературѣ не находится даже и слѣда этой вѣтви логики. По отношенію же къ западу нужно сказать, что онъ представлялъ всегда и во всѣхъ отношеніяхъ такую зависимость отъ внѣшняго матеріала, что этимъ исключается всякая мысль о неожиданномъ изобрѣтеніи вполнѣ новаго ученія, котораго слѣдовъ или зачатковъ даже нельзя подозрѣвать въ предыдущемъ развитіи ⁴⁾. Остается единственный путь — путь заимствованія новыхъ источниковъ изъ Византіи, относительно которой все же можно указать нѣкоторыя нити, связывающія систему Пселла съ предыдущимъ развитіемъ. Еслибы, заключаетъ Прапль, мы не имѣли и той единственной рукописи, въ которой сохранилось сочиненіе Пселла, и тогда мы бы оказались въ необходимости предположить какой-нибудь неизвѣстный греческій источникъ для трехъ латинскихъ писателей; но

¹⁾ Γράμματα ἑταίρε ἑταίρε τεσσάρων.

²⁾ Barbara Celarent Daril Ferio.

³⁾ Неподатливость еоризъ латинскаго языка, говоритъ онъ, заставила переводчика отказаться отъ составленія осмысленныхъ фразъ и удовольствоваться стихомъ.

⁴⁾ Съ чѣмъ, впрочемъ, согласны и противники Прапля, см. *Thilogot*, *Revue critique* 1867, I p. 202.

такъ какъ сохранившійся греческій текстъ есть оригиналъ для перевода Петра Испанскаго, то на немъ и можно остановиться какъ на образцѣ византійской логики ¹⁾).

Логика Пселла господствовала на западѣ два вѣка, и въ этомъ главное значеніе доказываемаго Прантлемъ положенія. Онъ подробно анализируетъ затѣмъ содержаніе сохранившейся части сочиненія Пселла и пытается, на сколько это возможно при настоящемъ состояніи знаній, показать источники его. Вся эта часть ²⁾ имѣетъ громадный научный интересъ и приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ о логикѣ Пселла по отношенію къ ея источникамъ. Пселлъ несомнѣнно заимствовалъ основную часть своего труда у стоиковъ и изъ средневѣковыхъ грамматиковъ и риторовъ. Между тѣмъ какъ стоическая философія непрерывно развивалась на языкѣ Византійской имперіи, западъ довольно долго ограничивался только переводами. Но, будучи основана на началахъ стоической философіи, логика Пселла отличается привнесеніемъ новыхъ и оригинальныхъ элементовъ, которые однако никоимъ образомъ не могли быть заимствованы отъ запада. Эти новые элементы Прантль усматриваетъ въ ученіи о гипотетическомъ сужденіи и силлогизмѣ. Между грамматиками и риторами, заключаетъ онъ ³⁾, и трудомъ Пселла должна однако еще стоять богатая литература логики, историческое развитіе которой остается— а можетъ быть и навсегда останется неизвѣстнымъ.

Если мысль о воздѣйствіи византійской учености на западное развитіе можетъ быть допускаема въ XI вѣкѣ въ сферѣ изученія логики, то въ этомъ получился бы важный культурно-историческій фактъ, который не долженъ оставаться безслѣднымъ въ дѣлѣ изученія Византіи. Но нельзя болѣе ограничиваться подборомъ фактовъ, которые сами по себѣ еще не составляютъ науки, нужно стремиться къ группировкѣ фактовъ по ихъ смыслу и содержанію, къ уразумѣнію историческаго преемства между отдѣльными проявленіями мысли, къ постиженію, наконецъ, общности законовъ развитія между востокомъ и западомъ. Намъ кажется, что эта простая сама по себѣ мысль— общность законовъ развитія, приложенная къ изученію Византійской имперіи, осветитъ многое изъ того, что представлялось доселѣ единичнымъ или загадочнымъ, и дастъ сильный толчокъ къ такому на-

¹⁾ Вглядѣ Прантля раздѣляютъ *Erdmann Grundr. der Gesch. der Phil.* 3 Aufl. 1878, I. S. 371; *Kopp, Gesch. der Chemie*, II, S. 156.

²⁾ *Prantl*, II. S. 271—294.

³⁾ *Ibid.* II. S. 300.

учному движенію, которое одинаково будетъ плодотворно какъ для занатій Византіей, такъ и западнымъ средневѣковьемъ.

Возвращаясь къ оцѣнкѣ значенія I. Итала, мы должны прежде всего взглянуть на него, какъ на мыслителя, представляющаго собой продуктъ философскаго движенія въ Византіи. Будучи младшимъ современникомъ Пселла, онъ самъ является во главѣ цѣлой школы учениковъ, которые далѣе развиваютъ его теоріи ¹⁾). Назначенный правительствомъ для преподаванія философіи въ высшей константинопольской школѣ, Италъ подвергся церковному осужденію за тѣ изъ своихъ выводовъ, которые оказались въ противорѣчій съ догматикой. Итакъ, нужно различать ту сторону въ дѣятельности I. Итала, которою онъ соприкасается съ философскимъ движеніемъ XI вѣка, отъ той, которая привела его къ церковной карѣ. Относительно первой мы ограничимся выводами Прантля, по отношенію ко второй — воспользуемся изученіемъ матеріала, даваемого Синодикомъ. Прантль видитъ въ нашемъ философѣ представителя перипатетической діалектики, сочиненія котораго ограничиваются изложеніемъ содержанія тогдашней логики. Въ этомъ отношеніи Италъ весьма близко соприкасается съ Пселломъ, хотя сравненіе сочиненій того и другаго привело Прантля къ наблюденію, что въ ученіи о силлогизмахъ Италъ не пользуется мнемоническими терминами, въ первый разъ встрѣчающимися въ логикѣ Пселла; но, съ другой стороны, изъ Итала оказывается возможнымъ пополнить пробѣлъ, находимый у самаго Пселла. Именно, въ посвященномъ Андронику сочиненіи находится трактатъ о той части Аналитики, которая трактуется въ латинскихъ руководствахъ послѣдующаго времени подъ заглавіемъ: „de potestatibus syllogismoꝝ“. Такъ какъ этого отдѣла нѣтъ въ логикѣ Пселла, то, по всей вѣроятности, онъ заимствованъ непосредственно изъ Итала. Оригинальною также прибавкой у Итала считаетъ Прантль то извѣстіе, по которому Галенъ принималъ четыре фигуры силлогизмовъ ²⁾).

Для сужденія объ Италѣ у насъ имѣется въ распоряженіи матеріалъ, которымъ Прантль не пользовался. Осужденіе Итала и внесе-

¹⁾ Prantl, II. S. 302, Anmerk. 109 едмалъ любопытное наблюденіе въ Мюнхенской рукописи, что сочиненіе Итала *Διάφορα Ζητήματα* есть собственно обработка мыслей учителя одного изъ учениковъ, ибо въ одномъ мѣстѣ читается: Ἰωάννης ὁ φιλόσοφος ὁ Ἰταλός, ὁ ἡμέτερος διδάσκαλος οὕτως...

²⁾ Prantl, S. 302, Anmerk. 112. Въ сочиненіи *Διάφορα Ζητήματα*... Τὰ δὲ σχήματα τῶν συλλογισμῶν ταῦτα ὁ Γαληνὸς δὲ καὶ τέταρτον ἐπὶ τοῦτοις ἔφασκεν εἶναι, ἐναντίως πρὸς τὸν Σταγειρίτην φερόμενος...

ніе его имени въ Синодикѣ нужно разсматривать въ связи съ распоряженіемъ, изданнымъ въ началѣ царствованія Алексѣя Комнина, по которому свобода философскаго мышленія ограничена была высшимъ авторитетомъ священнаго писанія и святоотеческихъ твореній. Въ силу этого распоряженія, терпимымъ могло быть только такое ученіе, которое находило себѣ подтвержденіе въ божественныхъ книгахъ ¹⁾. Это краткое указаніе Анны Комнины равноблачаетъ многое въ занимающемъ насъ вопросѣ. Царь Алексѣй Комнинъ, очевидно, пытался задержать потокъ новыхъ идей, который данъ былъ философскимъ движеніемъ предыдущаго времени; православное византійское царство, возобновляя въ концѣ XI вѣка ²⁾ свой протестъ противъ увлеченій еллинскою философіей, засвидѣтельствовало знаменательный фактъ въ исторіи византійской культуры. Этимъ насильственнымъ ограниченіемъ свободы изслѣдованія и подчиненіемъ философскихъ выводовъ цензурѣ церковнаго авторитета, во первыхъ, осуждалось антибогословское направленіе въ философіи, во вторыхъ, узаконялось служебное положеніе философіи къ богословію.

Мы уже видѣли, что собранныя въ Синодикѣ положенія противъ Итала сводятся въ сущности къ немногимъ ученіямъ, имѣющимъ приложеніе къ христіанской догматикѣ. Изъ самой редакціи этихъ положеній, а равно изъ той роли, которая принадлежала I. Италу среди образованныхъ людей тогдашняго общества, можно видѣть, что осужденіе простиралось не только лично на Итала, но и на раздѣляющихъ его взгляды, иначе говоря, на его школу. Чтобы придать характеръ наглядности и убѣдительности дальнѣйшимъ выводамъ, считаемъ необходимымъ возвратиться къ положеніямъ Синодика ³⁾.

Философское движеніе XI вѣка подкапывалось подъ основной христіанскій догматъ о воплощеніи Спасителя:

<p>τοὺς ἐπιχειροῦσαι ζητεῖν... οἷον τρό- πῳ αὐτὸς ὁ Θεὸς λόγος τῷ ἀνθρώπινῳ φράματι ἦνωται καὶ τὴν προσληφθεῖ- σαν σάρκα κατὰ τίνα λόγον ἐθέσασε καὶ λόγοις διαλεκτικοῖς φύσιν</p>	<p>συνελογίζετο δὲ καὶ οὕτως πάν- χακοῆθως καὶ ἐπιβούλως ἐπιβάλλον ταῖς πύσεσιν, ἢ τοῦ Κυρίου σὰρξ θεοῦ ἢ φύσει θεθεῶται... καὶ ὁ μὲν δολερῶς οὕτω συνελογίζετο· ἢ δὲ</p>
--	---

¹⁾ *Alexias*, p. 265... προηγεῖσθαι δὲ τὴν τῶν θεῶν βιβλῶν μελέτην τῆς ἑλληνικῆς παιδείας ἐπέτρεπε.

²⁾ Имѣю въ виду соответствующее распоряженіе Юстиніана въ 529 году, касающееся египетской школы въ Афинахъ.

³⁾ При этомъ особенно рекомендуемъ вниманію читателя терминологию Синодика и изложеніе ученія Итала у Никиты Акомината, въ началѣ XIII вѣка.

καὶ θέσιν ἐπὶ τῆς ὑπὲρ φύσιν καινο-
τομίας τῶν δύο φύσεων τοῦ Θεοῦ
καὶ ἀνθρώπου λογομαχεῖν κεραι-
μένοις.

ἐκκλησια δεδογματικῆ τε καὶ ἀπεφη-
νατο, μήτε θέσει μήτε φύσει θεωθῆναι
τὸ πρόβλημα.

Что именно догматъ вностаснаго соединенія во Христѣ двухъ естествъ, божескаго и человѣческаго, былъ тѣмъ камнемъ преткновенія и соблазна, который обратилъ вниманіе церкви на современную философію, доказывається цѣлымъ рядомъ отлученій, произнесенныхъ противъ другихъ лицъ, стоявшихъ съ Италомъ въ болѣе или менѣе близкихъ сношеніяхъ. Полиѣе и яснѣе формулируетъ уклоненіе въ этомъ догматѣ отъ церковнаго ученія Анна Комнина въ разказѣ объ еретикѣ Нилѣ ¹⁾. Изъ перечня сочиненій I. Итала можно видѣти, что спеціально догматическими вопросами онъ не занимался, слѣдовательно, уклоненія отъ церковной догматики сдѣланы имъ были въ той области, которая составила его спеціальность, то-есть, въ философскихъ сочиненіяхъ, — для нагляднаго обоснованія этого вывода мы и подчеркнули въ приведенныхъ текстахъ нѣкоторыя выраженія.

Точно также нѣтъ между сочиненіями Итала такого, которое бы прямо ставило и разрѣшало вопросъ объ идеяхъ, о твореніи міра изъ предвѣчной матеріи и о вѣчности мученій ²⁾. Необходимо поэтому допустить, что и эти уклоненія отъ церковнаго ученія, во-первыхъ, выводились изъ его философскихъ трактатовъ и положеній, во-вторыхъ, рассматривались какъ заключенія, вытекающія изъ общаго его направленія. Въ самомъ дѣлѣ, въ 10 положеніяхъ Синодика противъ I. Итала мы можемъ усматривать разрозненныя звенья одной системы, которая еще до нѣкоторой степени удобовозстановима, по крайней мѣрѣ въ той части, гдѣ она соприкасалась съ церковною догмой. Волѣе важными положеніями нужно считать слѣдующія:

1) τοὺς τὴν ἄνθρωπον καὶ τὰς ἰδέας
ἢ σύναρχον τῆ δημιουργίᾳ πάντων καὶ Θεῶν
δογματίζουσι καὶ ὅτι περ οὐρανὸς καὶ γῆ
καὶ τὰ λοιπὰ τῶν κτισμάτων ἄβια τε καὶ
ἀνάρχα καὶ διαμένουσι ἀναλλοίωτα...

учащимъ о веществѣ безначальномъ
и идеяхъ или собозначальномъ творцу
всѣхъ вещей Богу и что небо и земли
и прочія твари вѣчны и безначальны
и пребываютъ неизмѣнными.

2) τοὺς μετὰ τῶν ἄλλων μυθικῶν πλασ-
μάτων ἀφ' ἑαυτῶν καὶ τὴν καθ' ἑμᾶς πλά-
σιν μεταπλάττουσιν καὶ τὰς πλατωνικάς

по аналогіи съ другими мифче-
скими самообразоваціями передѣлы-
вающимъ и наше происхожденіе и

¹⁾ *Alexias*, II. p. 2. Мѣсто приводимъ ниже, когда будемъ говорить о Нилѣ.

²⁾ О воскресеніи умершихъ упоминается въ предисловіи къ сочиненію о діалектикѣ, посвященному царю Андронику.

ιδεας ως ἀληθεῖς δεχομένοις καὶ ως αὐθι-
 πότερον τὴν ὀλην παρὰ τῶν ιδεῶν μορ-
 φοῦσθαι λέγουσι...

3) τοῖς λέγουσι, ὅτι ἐν τῇ τελευταίᾳ
 καὶ κρινῇ ἀναστᾶσι μεθ' ἑτέρων σωμάτων
 οἱ ἄνθρωποι ἀναστήσονται καὶ κριθήσονται
 καὶ οὐχὶ μεθ' ὧν κατὰ τὸν παρόντα βίον
 ἐπολιτεύσαντο ὅτα τούτων φηαιρομένων
 καὶ ἀπολλομένων.

принимающимъ платоновскія идеи за
 истинныя и утверждающимъ, что суб-
 станціальное вещество образуется по
 идеямъ.

говорящимъ, что въ послѣднемъ и
 общемъ воскресеніи люди воскрес-
 нуть и будутъ судимы въ другихъ тѣ-
 лахъ, а не въ тѣхъ, съ коими они
 провели настоящую жизнь, ибо эти
 тѣла тѣсны и разрушимы.

Въ приведенныхъ положеніяхъ заключаются сохраненныя Сино-
 дякомъ части міровоззрѣнія или философской системы І. Итала. Легко
 видѣть, что центръ тяжести въ его системѣ лежитъ въ ученіи о
 вѣчности и самобытности матеріи: вещество или матерія образуетъ
 реальный міръ по идеямъ, какъ образцамъ вещей. Этимъ уже пред-
 рѣшается вопросъ о сотвореніи міра и человѣка, о роли божества
 въ твореніи и т. д. Очевидно, нужно найти логическую связь этой
 части системы съ тою, которая касалась соединенія во Христѣ двухъ
 естествъ. Сами по себѣ положенія противъ Итала объясняютъ только
 его погрѣшности предъ судомъ церкви, защищающей установленный
 и канонизованный догматъ, но поставленныя во взаимную связь и
 дополненныя въ недостающихъ частяхъ эти положенія должны от-
 крыть исходные моменты ученія, объяснить вытекающія изъ нихъ
 заключенія и практическія приложенія, словомъ указать мѣсто уче-
 нію Итала въ общемъ философскомъ движеніи. Но возможно ли за-
 даться подобной цѣлью при отсутствіи матеріала? — Можно пожа-
 лѣть, что подобную задачу не принялъ на себя Прантль, ибо не-
 сомнѣнно, что нашъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ на почвѣ срав-
 нительнаго изученія философскаго мышленія на западѣ и востокѣ.

Подмѣчая общность культурныхъ теченій на западѣ и въ Ви-
 зантійской имперіи, нельзя вычеркивать изъ исторіи развитія фи-
 лософской мысли на востокѣ того характернаго періода, который на-
 зывается схоластическимъ. Конечно, при недостаточномъ знакомствѣ
 съ византійскимъ развитіемъ и при маломъ изученіи философскихъ
 трактатовъ, которые при томъ же часто остаются не изданными, было бы
 съ нашей стороны большой притязательностью утверждать, что мы
 имѣемъ въ І. Италѣ представителя византійской схоластики. Огра-
 ничиваемся пока несмѣлою попыткой дать освѣщеніе ученію Итала
 при помощи системъ западныхъ схоластиковъ. Какъ бы ни были не-
 достаточны добытые нами въ этомъ отношеніи результаты, они во

всякомъ случаѣ могутъ обнаружить несостоятельность ходячихъ воззрѣній на такую важную въ культурной жизни народа область, какова философія ¹⁾).

Прежде всего замѣтимъ, что мы не допускаемъ произвола въ обозначеніи тогдашней византійской философіи терминомъ „схоластическая“, а заимствуемъ это обозначеніе у Анны Комнины ²⁾; не можетъ быть далѣе сомнѣнія, что латинскіе и греческіе писатели понимаютъ подъ схоластиками учителей семи извѣстныхъ наукъ (septem artes liberales): грамматики, діалектики, реторики, арифметики, геометріи, музыки и астрономіи (trivium и quadrivium),—это вполне подтверждается приведенными выше мѣстами изъ писемъ М. Пселла. Если съ понятіемъ схоластики соединяется тотъ періодъ философскаго мышленія, когда оно стояло въ подчиненіи къ церковному ученію и когда философствовать значило истолковывать древнихъ философовъ согласно съ господствующею догмой, то и въ этомъ отношеніи мы стоимъ на твердой почвѣ, перенося схоластику въ Византію, такъ какъ распоряженіемъ Алексѣя Комнина ³⁾ философія поставлена въ служебное положеніе къ священному писанію и твореніямъ отцовъ церкви. Наконецъ, первый періодъ схоластики, идущій отъ IX до начала XIII вѣка, характеризуется на западѣ именно тѣми чертами, которыя такъ полно выражены въ дѣятельности І. Итала и въ осужденіи его ученія церковью: попытки соединенія аристотелевской логики и неоплатонизма съ церковнымъ ученіемъ. Въ началѣ схоластическаго періода, говоритъ Ибервегъ ⁴⁾, философское мышленіе еще не было приведено въ полное подчиненіе церковному ученію, извѣстнаго рода соглашеніе достигается лишь постепенно и послѣ жаркой борьбы. Когда съ середины XIII вѣка, преобразованная аристотелевская философія уже поставлена была въ прочную связь съ вѣроученіемъ, и тогда эта связь ограничена была условіемъ, что *основныя христіанскіе догматы о троичности, воплощеніи и воскресе-*

¹⁾ *Krumbacher*, Geschichte der Byzantinischen Literatur, München 1891, S. 170—171. Въ особенности не верна слѣдующая мысль. Als sich im XI Jahrhundert das philosophische Interesse wieder zu regen begann, und durch die Stiftung der Stelle eines *βρατος φιλοσόφου*, die zuerst Psellos bekleidete, auch äusserlich gefördert wurde, waren es vornehmlich die propädeutischen Fächer, die ohne direkte Beziehung zur Theologie betrieben wurden.

²⁾ *Alexias*, p. 258 και ἀνδράσι ὀμίλησας σχολαστικοῖς.

³⁾ *Alexias*, p. 265.

⁴⁾ *Ueberweg*, Grundriss der Geschichte der Philosophie, 5-e Auflage, II, S. 113.

сеніи тѣла не могутъ быть постигнуты разумомъ ¹⁾, какъ сверхъестественныя и потому неподлежащія доказательствамъ разума ²⁾.

Служебное положеніе философіи состояло въ томъ, что свободѣ философской мысли поставленъ былъ непреодолимый предѣлъ въ твердости церковнаго догмата и что основной принципъ истинности и ложности въ вопросахъ, одинаково интересующихъ богословіе и философію, постановленъ былъ не въ самомъ наблюденіи и мышленіи, но въ церковномъ ученіи; вслѣдствіе этого аристотелевское ученіе передѣлываемо было схоластиками частію въ космологіи, напримѣръ, ученіе о вѣчности міра, частію въ психологіи, какъ ученіе о воѣс его отношеніи къ низшимъ частямъ души, между тѣмъ какъ философски не постигаемыя догмы не становились предметомъ философскаго разсмотрѣнія.

Изъ предъидущаго можно понять, къ какой философской системѣ относятся осужденныя церковныя мнѣнія I. Итала. И ученіе о двухъ естествахъ во Христѣ, и ученіе о вѣчной и безначальной матеріи, о душѣ, о воскресеніи—не суть случайныя и безъ системы выбранныя положенія, но оказываются характерными и общими чертами, заимствованными изъ схоластической философіи. Въ Синодикѣ внесены именно такіа положенія, въ которыхъ оказалась разность между философіей и ученіемъ церковнымъ, въ Синодикѣ, слѣдовательно, сохранился документъ большой историко-культурной важности, позволяющій установить общность развитія между Западомъ и Византіей.

Если, такимъ образомъ, въ оцѣнкѣ ученія I. Итала мы пришли къ выводу, что сохранившіеся изъ его системы отрывки могутъ быть понимаемы только въ связи съ современнымъ ему направленіемъ схоластической философіи на западѣ, то нельзя ли сдѣлать еще шагъ въ этомъ направленіи и до нѣкоторой степени восстановить его систему, обнаруживъ ея исходныя моменты?

Что касается общихъ вопросовъ, стоящихъ въ связи съ изученіемъ схоластики, они поставлены довольно ясно и отчетливо въ западной литературѣ и могутъ быть примѣнены къ разъясненію памят-

¹⁾ Dass die specifisch christlichen Dogmen von der Begründbarkeit durch die Vernunft ausgenommen werden müssen.

²⁾ Что выражено въ извѣстіи Н. Аюкината по поводу заблужденій Итала: ἡ δ' ἐκκλησία θεοουμάτικέ τε καὶ ἀπεφύρατο μήτε θίσει μήτε φύσει θεσθῆναι τὸ πρόβλημα, ἀλλ' ὑπὲρ φύσιν καὶ λόγον ἄπαντα. Проступки Абелира формулированы были такъ: transgreditur fines, quos posuerunt patres nostri.

никовъ византійской схоластики ¹⁾). Замѣчено, говоритъ Орто, что если не всѣ схоластическіе философы, то большая часть изъ нихъ были духовныя лица, то-есть, богословы. Изъ этого наблюденія заключали, что единственная задача ихъ философіи состояла въ изученіи и методическомъ изложеніи таинствъ вѣры. Возражая противъ мнѣнія, будто средневѣковая философія была только одною изъ формъ богословія, онъ утверждаетъ, что на самомъ дѣлѣ никогда не существовало границъ между философіей и богословіемъ, что, напримѣръ, *Meditationes* Декарта безъ значительныхъ измѣненій могли бы быть внесены въ первую часть сочиненія Тома Аквината *Summa Theologiae*. Итакъ, если подъ богословіемъ разумѣть науку, которая занимается изслѣдованіемъ или изученіемъ вѣчныхъ вещей, то эта наука, имѣющая однѣ и тѣ же задачи съ метафизикой, разрабатываема была въ средніе вѣка большинствомъ философовъ, точно также какъ она была предметомъ изученія древнихъ и новыхъ философовъ. Какъ бы ни называть этихъ ученыхъ, философами или богословами, всѣ они отправляются отъ Аристотеля и отъ его толкователей, всѣ являются представителями той философіи, которая изучаема была въ средневѣковыхъ школахъ. Особенно важною эпохой въ развитіи мышленія нужно признать то обстоятельство, что изъ всѣхъ предметовъ обученія, подразумеваемыхъ въ *trivium* и *quadrivium*, главнѣйшее мѣсто получила діалектика или логика ²⁾, при посредствѣ которой пытались разрѣшить постепенно назрѣвавшіе вопросы о сущемъ, или вопросы онтологическіе. Какъ происходило въ Византіи это движеніе въ пользу преобладанія діалектики, мы не беремся рѣшить, но несомнѣнно оно уже было закончено у Пселла и Итала, такъ какъ тотъ и другой въ область діалектики вводятъ ученіе о сущемъ, тотъ и другой считаютъ возможнымъ съ помощію діалектики рѣшать метафизическія проблемы. Ученіе о безтѣлесномъ—*τὸν ἀσώματων ὄντων*, или наука, которая „изслѣдуетъ природу сущаго и возводитъ своими откровеніями не только до небесъ, но и наднебесный міръ воспѣваетъ во всѣхъ подробностяхъ“, несомнѣнно есть то направленіе философской мысли, которое называется схоластическимъ ³⁾.

¹⁾ Имятъ въ виду главнѣйше: *Rousselot*, *Études sur la philosophie dans le Moyen-Âge*. Paris. 1840; *Hauréau*, *De la philosophie scolastique*. Paris. 1850; *Ueberweg*, *Grundriss der Geschichte der Philosophie*, 5-e Auflage. Berlin. 1876.

²⁾ Тождество понатій установлено у *Ремюза*, *Abélard* t. 1, p. 300 и сл.

³⁾ *Rousselot* I, p. 12: partout on la (επισκοπία) voit, pour ainsi dire, en face de l'infini qu' elle regarde étonnée, qu' elle veut embrasser de son premier coup-

Въ періодъ господства этого направленія научное любопытство сосредоточивалось около одного капитальнаго вопроса, разрѣшеніемъ котораго предполагалась возможность проникнуть въ тайны сущаго. Такимъ вопросомъ было ученіе о родахъ и видахъ (περί γένων τε καὶ εἰδῶν), изложенное Порфиріемъ и разработанное въ знаменитомъ спорѣ двухъ школъ—номиналистовъ и реалистовъ¹⁾. Когда я говорю „родъ человѣческой“, „видъ человѣческой“, не обозначая при этомъ всѣхъ видовъ и всѣхъ отдѣльныхъ людей, то что можетъ представлять собой мое слово, взятое какъ общая мысль,—реальную сущность или же простое отвлеченіе ума,—существуютъ ли роды и виды въ дѣйствительности (τὸ μὲν εἶτε ὑφέστηκεν), или только въ умѣ (εἶτε ἐν νόῳ φησὶ φιλοσοφία ἐπινοία καὶ ταῖς)? Если роды и виды не только мыслятся, но и существуютъ какъ вещи, то тѣлесны они или безтѣлесны; наконецъ, роды и виды существуютъ ли внѣ чувственныхъ предметовъ, или находятся въ нихъ и нераздѣльны съ ними? Эти три положенія были существеннымъ предметомъ занятій схоластической философіи, такъ что разработка мысли Порфирія можетъ быть признана характернымъ признакомъ схоластическаго періода. Что византійская схоластика разрабатывала кругъ тѣхъ же идей, какъ западная, и что положенія Порфирія и здѣсь были руководящимъ принципомъ, видимъ изъ примѣненія его началъ въ XII вѣкѣ къ опредѣленію ученія о двухъ естествахъ во Христѣ²⁾.

Выясненіе природы родовъ и видовъ, сведенное къ ученію объ универсалияхъ, послужило матеріаломъ для философской производительности среднихъ вѣковъ. Разность направленій въ разработкѣ этого вопроса опредѣляетъ школы номинализма и реализма. Но этотъ вопросъ, говоритъ Кузенъ, во всѣ времена волновалъ и оплодотворялъ человѣческой духъ и былъ виновникомъ всѣхъ школъ. Принимая на себя всѣ цѣта времени, онъ всегда остается однако основаніемъ, изъ котораго исходятъ и къ которому возвращаются философскія изслѣдованія. По внѣшности это вопросъ, касающійся лишь психологій

d'oeil, expliquer de son premier mot, et comprendre à priori, sans d'abord se douter même de cette sage retenue qui conduit à pas lents, mais plus sûrs à la vérité, objet des travaux de l'homme; ср. *Hauream* I. p. 32.

¹⁾ На русскомъ языкѣ изложеніе вопроса можно находить въ сочиненіи *Владиславска*, *Логика*. С.-Петербургъ, 1881, Приложение 2-е, стр. 64.

²⁾ *Tafel*, *Supplementa historiae ecclesiasticae graecorum*: εἰ τις μὴ μετὰ πάσης εὐλαβείας τῇ κατὰ φιλοσοφίαν ἐπινοίαν διαίρεσει χρῆται πρὸς δῆλων μόνην τῆς ἑτερότητος τῶν ἐσθραμουσῶν ἐν Χριστῷ δύο φύσεων,—то же самое можно находить въ *Синодикѣ*.

и логики, по существу же онъ господствуетъ надъ всею философіей; ибо нѣтъ задачи, которая бы не заключала въ себѣ и слѣдующаго вопроса: все видимое нами есть ли комбинація нашего ума, или имѣетъ свое основаніе въ природѣ вещей ¹⁾). Это значитъ, что всякая онтологическая или психологическая доктрина необходимо должна считаться съ вопросомъ объ универсаліяхъ.

Было бы излишнимъ входить здѣсь въ подробности наложенія системъ номинализма и реализма. Для предположенной нами цѣли гораздо важнѣе остановиться вниманіемъ на тѣхъ ученіяхъ, которые выразились въ западно-европейской философій во время жизни Г.Итала, чтобы отсюда сдѣлать заключенія къ той школѣ, которую основалъ и оставилъ послѣ себя этотъ итальянскій уроженецъ, дѣйствовавшій въ Византіи. Пока не разъяснены обстоятельства воспитанія и обученія Іоанна и сношенія его съ Италией, крайне трудно рѣшать вопросъ о томъ, сколько было въ его философской системѣ привнесеннаго отъ его учителей и сколько оригинальнаго, принадлежавшаго лично ему. Но важность этого вопроса усматривается еще съ точки зрѣнія исторіи номинализма на западѣ. Дю-Вуль ²⁾ сообщаетъ любопытное, хотя и весьма темное, извѣстіе объ исторіи диалектики, называя основателемъ ея нѣкоего Іоанна. Кто былъ этотъ Іоаннъ, послѣдователемъ котораго былъ, между прочимъ, и Росцеллинъ, это рѣшается различно и вообще неудовлетворительно до такой степени, что основатель знаменитой школы на западѣ остается совершенно неизвѣстнымъ ³⁾. Не имѣя пока фактическихъ данныхъ, чтобы углубляться въ этотъ вопросъ, мы останавливаемся на имени Росцеллина, какъ философа, современнаго Іоанну Италу, и какъ выразителя довольно важной стадіи мышленія на западѣ.

Какъ извѣстно, свѣдѣнія объ учоніи Росцеллина заимствуются изъ свѣдѣтельствъ объ немъ другихъ лицъ. Существенной стороною его мировоззрѣнія была мысль объ универсаліяхъ какъ о *flatus vocis* ⁴⁾.

¹⁾ *Hauréau*, 1, p. 41—45.

²⁾ *Du Boulay*, *Historia univers. paris. t. I*, p. 443: *in dialectica hi potentes existere sophistae: Iohannes, qui eadem artem sophisticam vocalem esse dissevit, Robertus Parisiensis, Roscelinus, Arnulphus, hi Iohannis fuerunt sectatores.*

³⁾ Догадки *Орео I*, p. 172 и *Ирантъ II*, S. 76 далеко не убѣдительны. *Uebersieg. II*, S. 121, отвергая эти догадки, говоритъ: *ist schwerlich Iohannes Scotus unter dem Iohannes zu verstehen, sondern ein im Uebrigen uns unbekannter späterer Dialektiker*

⁴⁾ *Hauréau* 1, 176 приводитъ слова Оттона Фрейзингенскаго: *Roscellinum quemdam, qui primus nostris temporibus sententiam vocum instituit in logica.*

Это значитъ, что въ дѣйствительности существуютъ только вещи или индивидуальныя предметы, универсаліи же, то-есть, виды и роды, качества и части—суть не что иное, какъ абстракціи, логическія построения, продукты ума. Этимъ воззрѣніемъ характеризуется школа номинализма въ ея противоположности къ реализму, усматривающему въ универсаліяхъ реальныя сущности. Росцеллинъ навлекъ на себя обвиненіе со стороны противоположной школы въ еретичествѣ и былъ осужденъ на соборѣ 1092 года (въ Суассонѣ). Камнемъ преткновенія послужило для него примѣненіе его теоріи къ догмату о Троицѣ. Собственно говоря, и здѣсь мы не можемъ въ точности восстановить ходъ его мыслей, а должны довѣриться тому, какъ излагали его воззрѣнія его современники и ближайшіе ученики. „Росцеллинъ, заключаетъ Орео ¹⁾ на основаніи этихъ показаній, не усумнился подвергнуть исследованію разума тайну о Троицѣ. Онъ могъ не видѣть въ этомъ преступности, ибо Св. Августинъ и послѣ него знаменитѣйшіе отцы церкви подвергали логическимъ доказательствамъ непостижимыя догматы символа вѣры, самый вопросъ о Троицѣ обсуждался различными школами до времени Томы Аквината. Росцеллинъ предложилъ слѣдующее толкованіе. Логика учитъ, что домъ не есть ни крыша, ни фундаментъ, ни стѣны: въ качествѣ дома онъ есть домъ и не имѣетъ реальныхъ частей, а номинальнныя. Если приложить этотъ принципъ къ тайнѣ Троицы, то найдемъ, что Богъ не есть Отецъ, Сынъ и св. Духъ, а есть только Богъ. Существовать и составлять одно—два термина синонимныя, единство и бытіе принадлежать только индивидуальности. Кто не принимаетъ этихъ заключеній и настаиваетъ на мнѣніи, что существуютъ въ дѣйствительности три лица божескія, тотъ долженъ допустить, что съ сыномъ воплотились Отецъ и св. Духъ ²⁾).

При оцѣнкѣ значенія Росцеллина нельзя терять изъ виду, что изъ его системы сохранились лишь небольшіе отрывки, которые далеко не въ состояніи познакомить ни съ общей его теоріей, ни съ ближайшими выводами. Что онъ положилъ основаніе къ новому и оживленному движенію въ области мысли введеніемъ въ діалектику онтологическихъ вопросовъ, это признаютъ за нимъ лучшіе автори-

¹⁾ De la philosophie scolastique I, 189; ср. Rousselot I, 159—160; Ueberweg II, 133—134.

²⁾ Si tres personae sunt una tantum res et non sunt tres per se, sicut tres angeli, aut tres animae, ita tamen ut voluntate et potentia omnino sint idem, ergo Pater et Spiritus sanctus cum Filio incarnatus est.

теты по изученію схоластической философіи. Борьба его противъ теоріи, признававшей за универсалиями субстанціальное значеніе, конечно, должна была вызывать его на критику положеній реалистической школы, и въ этомъ отношеніи особенно можно пожалѣть, что не сохранилось указаній, какъ онъ училъ объ идеяхъ, о душѣ, вообще, какова была его космологическая система, сопоставленіе которой съ ученіемъ І. Итала могло бы разрѣшить культурную проблему высокой важности ¹⁾. Противники Росцеллина находили себѣ сильную поддержку въ ученіи неоплатониковъ, при чемъ платоновскія идеи нашли себѣ примѣненіе въ космологическихъ и психологическихъ построеніяхъ.

Въ этомъ отношеніи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе система Бернарда Шартрсакаго, изложенная въ сочиненіяхъ его: *Megacosmus* и *Micocosmus*. Въ основаніи его системы лежатъ три главныхъ начала Платона: 1) два первичныхъ и совѣчныхъ элемента—матерія и идея, 2) идеи, какъ типы всѣхъ вещей, 3) предсуществованіе душъ. Матерія (*ὕλη*) и форма или идея — вотъ два вѣчныхъ принципа. Идеальный міръ предшествуетъ чувственному, для созданія послѣдняго необходимо воздѣйствіе идеи на матерію, вслѣдствіе чего матерія одушевляется и принимаетъ форму. Божественный умъ содержитъ въ себѣ типы вещей (*imagines vitae viventis*), вѣчные образцы, предопредѣленное знаніе имѣющихъ образоваться предметовъ. Какъ въ чистомъ зеркалѣ, тамъ отражается весь реальный міръ, предопредѣленный къ бытію: тамъ изображены роды, виды, индивидуальности и все то, что можетъ произвести матерія, міръ и элементы. Міръ вѣченъ, такъ какъ онъ божественной природы ²⁾, обладаетъ совершенствомъ и неизмѣнностью. Въ микрокосмѣ Бернардъ занимается сотвореніемъ человѣка и развиваетъ теорію предсуществованія душъ. Въ области созвѣздія Рака видна безчисленная толпа душъ съ лицами, обращенными къ небу, и со слѣдами страданій и слезъ, ибо, провѣдая жизнь въ небесныхъ пространствахъ, онѣ съ ужасомъ замѣтили тѣ тѣла, которыя должны имъ служить грубою оболочкой³⁾. Относительно метемпсихозы у Бернарда не находимъ почти никакихъ данныхъ, душа по освобожденіи отъ тѣла возвращается въ небесныя пространства (*redibit ad astra*).

¹⁾ *Hauréau*, I, p. 188, p. 270 si Roscelin lui-même nous était mieux connu... il est vraisemblable qu'il ne nous semblerait pas très-éloigné d'accepter toutes les conséquences du conceptualisme.

²⁾ *Rousselot* I, p. 299: *idem natura cum Deo, nec substantia est disparatum.*

Во многихъ пунктахъ можно находить также сходство въ ученіи Абеяра съ ученіемъ І. Итала. Абеяръ (1079 — 1142 г.) дважды былъ осужденъ церковнымъ судомъ за философскіе выводы. Главное его значеніе усматривается именно въ систематическомъ приложеніи философскихъ выводовъ къ догматамъ¹⁾. Идеи онъ понимаетъ какъ образцы вещей въ божественномъ умѣ, какъ субъективныя понятія божественнаго духа, который, содержа въ себѣ вѣчныя идеи, образовалъ по нимъ видимый міръ²⁾.— Не останавливаясь на изложеніи системы Абеяра, замѣтимъ еще нѣкоторые пункты совпаденія его міровоззрѣнія съ византійскимъ философомъ. Абеяръ смотрѣлъ на Сократа какъ на спятаго и сравнивалъ его съ христіанскими мучениками; отрицалъ первородный грѣхъ со всеми его послѣдствіями; признавалъ за воплощеніемъ Христа не ту цѣль, чтобы освободить людей отъ рабства діаволу, но чтобы просвѣтить ихъ свѣтомъ своего ума и примирить съ Богомъ, ибо человекъ не виновенъ въ первородномъ грѣхѣ³⁾. Не могъ онъ не касаться и догмата Троицы. „Метафизикъ Абеяръ, говоритъ Руссело⁴⁾, не могъ избѣгнуть встрѣчи съ этою тайной, на которую наткнулись, увлекаемые естественнымъ ходомъ вещей, многіе изслѣдователи: въ самомъ дѣлѣ, какую бы ни взять онтологическую доктрину, первое приложеніе ея къ вѣроученію необходимо будетъ на догматѣ о Троицѣ. Объясненіе, даваемое этому догмату Абеяромъ, показываетъ, что въ немъ богословъ и философъ были въ тѣсномъ союзѣ, отсюда громадная разница между нимъ и Росцеллиномъ. Послѣдній не допускалъ универсалій ни подъ какою формою, признавая только индивидуальности, и при томъ безъ частей, вслѣдствіе чего онъ отрицалъ троичность. Абеяръ не доходитъ до отрицанія частей, признаетъ одну всеобщность какъ основу бытія и отсюда отирается въ объясненіи догмата о Троицѣ. Выставленное противъ него обвиненіе по этому вопросу заключалось въ слѣдующемъ: имена Отца, Сына и Св. Духа не обозначаютъ именъ Божіихъ, но описываютъ полноту верховнаго блага. Прилагая эту мысль къ Св. Духу, онъ училъ, что *Духъ есть міровая душа*,— въ

¹⁾ Cousin, Ouvrages inédits d'Abélard. Introduction p. 6.

²⁾ Ueberweg II. S. 153: ad hunc modum Plato formas exemplares in mente divina considerat, quas ideas appellat et ad quas postmodum quasi ad exemplar quoddam summi artificis providentia operata est;—generales et speciales formas rerum intelligibiliter in mente divina constituisse antequam in corpora prodirent.

³⁾ Rousselot II p. 80—81.

⁴⁾ Etudes sur la philosophie II. p. 83—84.

этомъ и заключалось его всеобщее. За эту послѣднюю мысль онъ подвергался наибольшимъ порицаніямъ. И между тѣмъ, св. Бернарда могъ бы съ одинаковымъ правомъ обратитъ свои укоризны противъ Григорія Навіанзина, Кирилла Александрійскаго и почти противъ всѣхъ отцовъ церкви первыхъ вѣковъ христіанства; онъ могъ бы сказать и объ нихъ то же, что говорилъ объ Абельарѣ: „въ особенномъ стараніи сдѣлать христіаниномъ Платона онъ самъ показываетъ себя язычникомъ“¹⁾.

Въ заключеніе замѣтимъ, что дальнѣйшій шагъ въ исторіи развитія западно-европейскаго мышленія сдѣланъ былъ въ XIII вѣкѣ и что этому расширенію кругозора способствовало, по общепризнанному мнѣнію, ознакомленіе западнаго міра съ арабскими философскими системами и переводами Аристотеля. Въ арабскихъ системахъ развито ученіе о *самопроизвольномъ зарожденіи* и постепенномъ развитіи человѣка, о соединеніи человѣка съ божествомъ въ умоизступленіи, у арабовъ же даны начала пантеизма²⁾.—Весьма можетъ быть, что непосредственная роль арабовъ въ сообщеніи западу новаго матеріала будетъ съ теченіемъ времени значительно ограничена, если наука овладѣетъ въ достаточной мѣрѣ тѣми данными, которыя представляетъ Византія въ концѣ XI вѣка. Можетъ оказаться, что изученіе философскихъ системъ Псалла, Итала и ихъ учениковъ приведетъ къ заключенію о тѣсной зависимости западной схоластической философіи отъ матеріала, доставляемаго прямо изъ Византіи. На сколько въ этомъ отношеніи даже лучшіе руководители по части обмѣна литературнаго матеріала между западомъ и Византіей находятся подъ вліяніемъ укоренившейся традиціи, можно видѣть изъ объясненій, даваемыхъ Ибервегомъ очень ясно переданному факту, имѣвшему мѣсто въ Парижѣ въ 1209 году³⁾. „На этихъ дняхъ читались сочиненія нѣкоторыя, принадлежащія, какъ говорятъ, Аристотелю и посвященныя метафизикѣ, недавно принесенныя изъ Константинополя и переведенныя съ греческаго на латинскій. Такъ какъ эти сочиненія соvertsи уже Амальрика и могутъ ввести въ соблазнъ другихъ, то опредѣлено предать ихъ сожженію и запрещено подъ страхомъ отлученія отъ церкви переписи-

¹⁾ dum multum sudat quomodo Platonem faciat christianum, se probat ethnicum.

²⁾ *Ueberweg* II. 179—180 (Ibn Tophail); *ibid.* S. 182 по ученію Аверроеса die individuelle Existenz unseres voû; auf die Zeit bis zu unserm Tode hin beschränkt ist und nur dem Einem voû; die Ewigkeit zukommt.

³⁾ *Rousselot*, II. 110.

вать ихъ, читать или имѣть у себя¹⁾. Ибервегъ²⁾, рассматривая ученіе Амальрика, ссылается однако въ объясненіе его на заимствованія отъ арабовъ, какъ будто въ приведенномъ выше текстѣ не указанъ прямо источникъ еретическихъ мнѣній: книги, недавно принесенныя изъ Константинополя. Ближе къ правдѣ стоитъ Орео³⁾, думающій, что парижскій соборъ осудилъ въ 1209 году подъ именемъ Аристотеля какое-либо апокрифическое сочиненіе. Ибо оказывается, что Амальрикъ и его ученики „по внушенію діавола распространяли страшную ересь: они говорили, что въ евхаристіи мы вкушаемъ не тѣло Христово, а обыкновенный хлѣбъ; отрицали воскресеніе тѣла, не признавали ни рая, ни ада; называли идолопоклонствомъ поклоненіе святымъ иконамъ и почитаніе мощей святыхъ угодниковъ; богохульствовали противъ Духа Святаго, утверждая, что человекъ не можетъ грѣшить, такъ какъ божественный духъ обитаетъ въ немъ“⁴⁾. Всѣ эти данныя приводятъ Орео къ убѣжденію, что ни въ физикѣ, ни въ метафизикѣ Аристотеля не могъ быть источникъ подобныхъ еретическихъ мнѣній, ибо Аристотель не былъ защитникомъ теоріи, *Omnia inquit, quia quicquid est est Deus*.

Не будемъ настаивать на томъ, что отмѣченныя направленія въ западно-европейской схоластикѣ представляютъ собою заимствование изъ византійскихъ системъ. Мы утверждаемъ только, что кругъ идей, въ которомъ вращалось европейское мышленіе въ періодъ отъ XI до XIII вѣка, тотъ же самый, какой находимъ въ Византіи. Сопоставляя отреченныя мнѣнія, изложенныя въ 11 положеніяхъ противъ Итала и тѣ философскіе выводы, которые сдѣланы были его ученикомъ въ XII вѣкѣ и нашли себѣ мѣсто въ Синодикѣ—съ метафизическими и психологическими построеніями латинскихъ и арабскихъ схоластиковъ, нельзя сомнѣваться въ общности философскаго направленія на западѣ и востокѣ, которая не ограничивается методологическими приемами, но простирается на самое содержаніе выдвигаемыхъ отвлеченнымъ мышленіемъ вопросовъ. Объясняется ли это литературнымъ обменомъ и заимствованиями латинскаго запада отъ греческаго востока, или общимъ источникомъ, изъ котораго черпали византійскіе и западные мыслители свои матеріалы, это можетъ быть рѣшено не прежде, какъ будутъ изданы и изучены византійскія философскія системы.

¹⁾ *Geschichte der Philosophie* II S. 163, 199.

²⁾ *Hauréan*, II p. 403.

³⁾ *Hauréan* II p. 398.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя предложенная выше экскурсія въ область средневѣковой схоластики, ознакомивъ съ волновавшими защитниковъ чистоты церковнаго ученія вопросами, дала намъ до нѣкоторой степени возможность установить опредѣленный взглядъ на заключающійся въ Синодикѣ матеріалъ, но этимъ далеко еще не разрѣшены трудности при детальномъ изученіи матеріала. Такъ, если бы мы попытались распределить на группы статьи Синодика и на основаніи ихъ вывести основныя положенія системы I. Итала, то встрѣтились бы при этомъ съ довольно важными затрудненіями, изъ которыхъ не всѣ могутъ быть объяснены цѣлю и назначеніемъ изучаемаго памятника. Въ Синодикѣ пашли мѣсто лишь тѣ выводы изъ системы, которые прямо противоположны церковному ученію; тутъ, слѣдовательно, нѣтъ мѣста ни основнымъ посылкамъ, ни доказательствамъ, подтверждающимъ выводы. До нѣкоторой степени упомянутая краткость и отрывочность возмѣщается повтореніями, которыя представляютъ одно и то же противощерковное мнѣніе съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ неодинаковомъ освѣщеніи. Но если вдуматься въ эти повторенія, то едва ли не слѣдуетъ придти къ заключенію, что въ 11 главахъ противъ Итала предается осужденію не одна философская система съ ея выводами, а нѣсколько направленій, нѣсколько системъ, что, впрочемъ, находитъ себѣ внѣшнее оправданіе въ самой редакціи занимающихъ насъ положеній ¹⁾). Возьмемъ для примѣра ученіе о душѣ или о душахъ человѣческихъ: объ немъ упоминается въ трехъ главахъ, изъ коихъ двѣ относятся между собой какъ противоположныя системы.

..τὰς μετεμψυχώσεις τῶν ἀνθρώπων
ψυχῶν ἢ καὶ ὁμοίως τοῖς ἀλόγοις ζῴ-
οις ταύτας ἀπόλλυσθαι καὶ εἰς τὸ μη-
δὲν χωρεῖν δεχομένοις, καὶ διὰ τούτων
ἀνάστασιν καὶ κρίσιν καὶ τὴν τελευ-
ταίαν τῶν βεβιωμένων ἀναπόδοσιν
ἀτεθοῦσιν.

τοῖς δεχομένοις... ὅτι τε προῦπαρξίς
ἔστι τῶν ψυχῶν καὶ οὐκ ἐκ τοῦ μη-
δόντος τὰ πάντα ἐγένετο καὶ παρήχ-
θησαν, ὅτι τέλος ἐστὶ τῆς καλᾶσεως...
καὶ τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν λυ-
μένην πάντως καὶ παράγουσαν εἰσά-
γουσιν.

Мы не желаемъ настаивать на томъ, что философская теорія, от-
правляющаяся въ космологическѣхъ построеніяхъ изъ принципа пред-
существованія душъ, необходимо признаетъ и душепереселеніе и пе-

¹⁾ Все положенія редактированы такъ, что предполагаютъ многихъ приверженцевъ неправильнаго мнѣнія: τοῖς ὄλοῖς ἐπιχειροῦσι;—τοῖς λέγουσι;—τοῖς δεχομένοις и проч.

реходъ души человѣка въ животное ¹⁾),—не наставляемъ въ виду неясности этого вопроса въ ученіи самого Платона ²⁾); но не должны оставлять безъ вниманія то обстоятельство, что I. Италъ или признавалъ воскресеніе и судъ, или отрицалъ его. Если онъ признавалъ въ одномъ сочиненіи, а отрицалъ въ другомъ, то не было нужды въ Синодикѣ выставлять противъ него обвиненіе по тому и другому мнѣнію.—Если при этомъ сошлемся еще на то положеніе, которымъ предается осужденію мнѣніе, что ересіархи, осужденные семью вселенскими соборами, *сочтутся на будущемъ судѣ* выше благочестивыхъ и православныхъ мужей, то едва ли потребуются новыя доказательства въ подтвержденіе высказанной нами мысли о непринадлежности одному Италу тѣхъ заблужденій, которыя выражены въ 11 главахъ.

Итакъ, чтобы имѣть данныя къ сужденію о направленіи I. Итала, нужно выдѣлить изъ собранныхъ въ Синодикѣ обвиненій такія, которыя бы представлялись выводомъ изъ одного философскаго принципа. Задача эта облегчается частью тѣми выводами, которые сдѣланы были имъ по отношенію къ догмату о воплощеніи Бога-Слова, частію указаніемъ историковъ на его основныя воззрѣнія. Самый важный богословскій выводъ, заимствованный изъ ученія Итала, изложенъ въ первой главѣ Синодика и приведенъ выше вмѣстѣ съ параллельнымъ изложеніемъ того же самаго ученія у Н. Акомината. Что это ученіе взято изъ философскаго трактата по діалектикѣ, въ этомъ убѣждаемся изъ выраженій: λόγος διλεκτικός, συνολογίστο и т. п., указывающихъ на способъ изложенія догмата. Какимъ же образомъ Италъ приведенъ былъ къ постановкѣ этого ученія? Конечно, тѣмъ же, какимъ латинскіе схоластики приводимы были къ необходимости ставить и рѣшать вопросъ о воплощеніи, какъ философскую проблему. Мы видѣли случай подобнаго рода съ Росцеллиномъ, который, признавая за универсальными лишь понятія, мыслимыя нашимъ умомъ, а не реальныя сущности, пришелъ къ противоцерковному заключенію о Троицѣ. Ходъ мыслей I. Итала въ разсужденіи неправильнаго ученія о лицѣ Иисуса Христа можетъ быть восстановленъ при посредствѣ параллельныхъ мѣстъ.

Анна Комнина, излагая еретическія мнѣнія никейскаго архіепископа Евстратія и монаха Нила, свидѣтельствуетъ, что ихъ главное заблужденіе состояло въ признаніи ученія: φύσις τειθέσται τὸ πρὸς-

¹⁾ Что можно наблюдать, напримѣръ, у Платина; см. *Владиславлевъ*, *Философія Платина*, стр. 119.

²⁾ *Ueberweg* I. S. 149.

λημμα ¹⁾; въ изложеніи ереси Итала у Н. Акомината ²⁾ обращено вниманіе на софистическій характеръ въ доказательствахъ: Италъ ставилъ послышки и выводилъ изъ нихъ необходимыя послѣдствія, злонамѣренно и коварно забрасывалъ вопросамъ и ставилъ слушателя въ крайнее недоразумѣніе по поводу догмата — *какъ обожествилась плоть Христа по положенію или по природѣ*. Изъ приведенныхъ мѣстъ можно видѣть, что въ Синодикѣ собственно не указывается, какое ученіе проповѣдывалъ Италъ; лишь на основаніи того, что онъ придерживался превратнаго мнѣнія, можно думать, и то при помощи приведенныхъ параллельныхъ мѣстъ, что по его ученію плоть Христова обожествлена по природѣ. Противоположное же ученіе заключалось въ обратномъ мнѣніи: плоть Христа обожествлена τῆ θεσει или κατὰ τὴν θέσιν. Это ученіе, не смотря на прямое заявленіе Н. Акомината, что по опредѣленію церкви „плоть обожествлена не по положенію и не по природѣ, а сверхъестественно“, должно разсматриваться какъ приближающееся къ церковному, по крайней мѣрѣ, такимъ оно было въ началѣ XII вѣка. Известно, что Евстратій, осужденный именно за такое же ученіе о воплощеніи, какъ Италъ, передъ смертію изложилъ это ученіе примѣнительно къ требованіямъ церкви и истолковалъ обожествленіе плоти κατὰ τὴν θέσιν. „Плоть возвышена, говоритъ онъ, отъ самаго воплощенія, съ того именно момента, когда воспринята была творцомъ, такъ что стала то же самое съ создавшимъ, *не по природѣ, но по положенію и чести и превосходству божества*“ ³⁾.

Италъ, догматическая часть вволновавшаго церковь ученія І. Итала состояла въ формулѣ: ὁ Θεὸς λόγος φύσει ἐθέσασε τὸ πρόκλημμα. Эту формулу можно понимать такъ, что воспринятая Христомъ чело- вѣческая природа не сдѣлалась по существу божественною, но имѣла усовершенстваться и приближаться къ божеству вслѣдствіе божественнаго воздѣйствія. Этимъ ученіемъ, съ одной стороны, раздвоилось второе лицо Св. Троицы, съ другой, — подрывался догматъ единосуц-

¹⁾ *Alexias* II, p. 2—3, въ текстѣ мы обратили только зависящее предположеніе въ прямое (τῆ φύσει θεωθῆναι...).

²⁾ *Tafel*, Supplementa historiae ecclesiasticae.

³⁾ *Tafel*, Supplementa. Здѣсь мы нашли возможнымъ исправить явно ошибочное чтеніе Табеля и предлагаемъ читать οὐ κατὰ φύσιν, ἀλλὰ κατὰ τὴν θέσιν (имѣсто δέξιν или δεκτικὴν) καὶ τὴν τιμὴν καὶ τὴν ὑπεροχὴν τῆς θεότητος. Евстратій если не заимствовалъ свое объясненіе изъ отцовъ церкви, во всякомъ случаѣ стоялъ на той же почвѣ. См. *Ueberweg* II, s. 59 о Павлѣ Самосатскомъ, Оригенѣ (II, S. 68) — ἐκ προκοπῆς ταυτοποίηται или μετοχῆ τῆς ἐκείνου θεότητος θεοποιούμενον.

ности всѣхъ лицъ въ Троицѣ ¹⁾). Какъ ближайшій выводъ изъ этого ученія о воплощеніи, нужно принять рационалистическій взглядъ на „предивныя чудеса“, касающіяся Спасителя, Богородицы и святыхъ, и стремленіе или отрицать ихъ какъ невозможныя, или объяснять при помощи разума ²⁾). Если мы попытаемся провѣрить выведенную формулу съ точки зрѣнія вопроса объ универсалияхъ, то найдемъ, что она объясняется изъ принципа: универсалии не суть реальныя сущности, а понятія нашего ума, *universalia post rem*.

Космологическія и психологическія построенія; выраженныя въ II главахъ противъ I. Итала, составляютъ приложеніе теорій платоновскаго реализма. Видимый міръ произошелъ изъ безначальной матеріи (ἡ ὄλη ἀρχή); такъ какъ эта матерія по существу вѣчна, то и всѣ твари вѣчны, безначальны и неизмѣнны. Человѣкъ, какъ видъ творенія, также есть произведеніе первоначальнаго вещества. Относительно процесса образованія вѣшняго міра главная роль падаетъ на платоновское ученіе объ идеяхъ: субстанціальное вещество образуется по идеямъ (ἀποκόπεται ἡ ὄλη κατὰ τῶν ἰδεῶν μορφοῦται), постепенность перехода отъ однихъ формъ къ другимъ можно предполагать въ выраженіи *μολιχὰ πλάσματος ἀφ' ἑαυτῶν* (самозарожденіе).

Въ какомъ отношеніи стоитъ міръ идей къ міровой душѣ или къ душамъ, это не вполне выясняется изъ изложенныхъ въ синодикѣ положеній. Основной пунктъ здѣсь есть ученіе о переселеніи душъ. Нужно допустить извѣстнаго рода совпаденіе между понятіемъ идеи и души, тогда видимый міръ является истеченіемъ міровой души, ученіе—въ своихъ выводахъ ведущее къ пантеизму. Что касается конечной судьбы видимаго міра, то мы уже имѣли случай отмѣтить довольно странную непослѣдовательность, которую можно объяснить развѣ тѣмъ, что Синодикъ опровергаетъ не одну философскую систему. Безконечность міра, немислимость послѣдняго суда и воздаяніа за дѣла—есть прямой выводъ изъ теорій самозарожденія и эманации; но въ нѣкоторыхъ положеніяхъ Синодика трактуется о всеобщемъ воскресеніи съ неизмѣнными тѣлами, мыслится возможнымъ послѣдній судъ. Эти послѣднія положенія, которыя утверждаютъ, „что въ послѣднемъ и всеобщемъ воскресеніи съ другими тѣлами люди восста-

¹⁾ Толкованіе заимствуемъ изъ изложенія Никитію Акоминатомъ ереси Евстратія.

²⁾ Замѣчаніе *Н. Акомината* καὶ τὰς ἀγίας εἰκόνας οὐχ' ὡς ἰδέαι τιμῶν нужно толковать не въ смыслѣ иконоборства, а только ограниченія изображаемыхъ на иконахъ предметовъ.

вуть и будутъ судимы, а не съ тѣмъ, въ коихъ провели земную жизнь", находящіяся въ противорѣчїи съ другими частями, получаютъ особенный интересъ при сравненїи съ ученїемъ о душѣ у Тома Аквината. Толкуя мысль Аристотеля объ активномъ разумѣ, Тома понимаетъ этотъ разумъ какъ принадлежность души (*quod hic intellectus sit aliquid animae*), но онъ не есть какая-либо матеріальная способность и можетъ дѣйствовать безъ матеріальнаго органа, то-есть, безъ тѣла, привожди въ него извнѣ и оставаясь дѣятельнымъ по разрушенїи тѣла. Безсмертіе души выводитъ онъ изъ ея нематеріальности: Формы, свойственныя матерїи, разрушаются съ уничтоженїемъ самой матерїи, какъ души животныхъ съ разрушенїемъ тѣла. Но человѣческая душа можетъ существовать безъ матерїи и потому не уничтожается послѣ разрушенїя тѣла, съ которымъ была соединена. Безсмертіе свойственно не только мыслительной способности души, но также и низшимъ силамъ ея, такъ какъ всѣ онѣ принадлежать той же субстанціи, какъ мыслительная сила, будучи обусловлены тѣлеснымъ органомъ не въ своемъ существованїи, а только во вѣншей дѣятельности. Но какъ эта мыслящая и чувствующая душа есть въ то же время формирующее начало тѣла, то она образуетъ себя по смерти, при посредствѣ присущихъ ей силъ, новое тѣло подобное прежнему¹⁾.

Съ точки зрѣнїя сходства отреченныхъ мнѣнїй, осуждаемыхъ одинаково западною и восточною церковью, не лишена интереса еще слѣдующая статья, направленная противъ І. Итала: „утверждающимъ, что еллинскіе мудрецы и первые ересіарки, отлученные семью вселенскими соборами и просїавшими въ благочестїи православными отцами, стоятъ гораздо выше и здѣсь, и на будущемъ судѣ по сравненїю хотя и съ благочестивыми мужами, но погрѣшившими или по страсти человѣческой, или по неразумїю“. Не можетъ быть сомнѣнїя, что изъ еллинскихъ мудрецовъ подразумѣваются здѣсь Платонъ и Сократъ, защита которыхъ навлекла сильную укоризну на Абелара; но какими доказательствами обставляли свои выводы въ этомъ отношенїи І. Италь и его современники, объ этомъ нельзя судить по заключающимся въ Синодикѣ даннымъ. Замѣтимъ однако, что по исходнымъ моментамъ философіи Итала трудно допустить, чтобы онъ

¹⁾ *Ueberweg II, S. 221. Da eben diese denkende und empfindende Seele zugleich das formgebende Princip des Leibes ist, so bildet sie sich vermöge eben dieser Kraft nach dem Tode einen neuen Leib an, der dem früheren gleichartig ist (Summa c. gent. IV, p. 79).*

могъ давать мѣсто будущему суду и возданію за дѣла. Такимъ образомъ, приведенное положеніе можетъ свидѣтельствовать только о томъ, что въ концѣ XI вѣка существовали уже равнообразныя системы и ученія, которыя имѣли найдти себѣ выраженіе въ послѣдующихъ частяхъ Синодика.

Закачивая этимъ разборъ положеній, направленныхъ противъ I. Итала, мы далеко не исчерпали подлежащихъ научному изслѣдованію вопросовъ. Посредствомъ какихъ предыдущихъ стадій развитія византійское мышленіе пришло къ постановкѣ метафизическихъ проблемъ, каковъ былъ ходъ мышленія, давшій въ результатъ ученія, сохранныя въ Синодикѣ, — отвѣтъ на это можетъ получиться посредствомъ изученія литературныхъ произведеній IX и X вв. Что же касается вліянія, какое движеніе XI вѣка обнаружило въ послѣдующее время, то въ этомъ отношеніи мы стоимъ на твердой почвѣ и можемъ утверждать, что философскія идеи XII вѣка составляютъ дальнейшую разработку и примѣненіе принциповъ, выставленныхъ I. Италомъ и его школой.

Въ ближайшее время, послѣ отлученія отъ церкви I. Итала, вниманіе ревнителей благочестія обратили на себя два лица, принадлежавшія къ духовенству: монахъ Нилъ и никейскій архіепископъ Евстратій. Съ первымъ поступлено было по всей строгости церковныхъ правилъ, такъ что имя Нила внесено въ Синодикъ и читается послѣдъ за перечисленіемъ 11-ти главъ противъ Итала, второй же успѣлъ оправдать себя противъ обвиненія въ неправославіи, и имени его не находимъ въ Синодикѣ. Но при изслѣдованіи религіознаго движенія въ концѣ XI и въ началѣ XII вѣка нельзя обходить дѣло Евстратія никейскаго уже и потому, что онъ считается ученикомъ Итала и можетъ быть причисленъ къ лицамъ того направленія, которое осуждено въ 11-ти главахъ противъ Итала.

Въ синодикѣ о Нилѣ ничего не находимъ, кромѣ его имени. Нѣсколько чертъ сообщаетъ объ немъ Анна Комнина ¹⁾, но достоинство ея извѣстій по отношенію къ лицамъ не церковнаго образа мыслей мы уже могли оцѣнить на основаніи характеристики Итала. Нилъ выступаетъ съ своимъ „зловреднымъ ученіемъ, увлекшимъ многихъ въ пучину его ереси, искорѣ послѣ осужденія Итала“ ²⁾. О происхожденіи его писательница ничего не можетъ сказать, характери-

¹⁾ *Alexias*, ed. Reifferscheid, II, p. 1 — 4.

²⁾ μετ' οὗ πολὺ τῆς τῶν τοῦ Ἰταλοῦ δογμάτων καθαιρέσεως.

зуетъ же его какъ человѣка искуснаго въ притворствѣ, преданнаго изученію священныхъ книгъ, не посвященнаго въ еллинскую, то-есть, явическую науку. Онъ не проходилъ никакой школы, былъ совсѣмъ несвѣдущъ въ искусствѣ логики и, какъ самоучка, погрѣшилъ въ толкованіи смысла писаній. Здѣсь умѣстно было бы вспомнить, что Нилъ именно является выразителемъ того направленія, которое желалъ закрѣпить царь Алексѣй Комнинъ, рекомендуя не полагать образованія въ еллинской мудрости, а ставить на первый планъ священныя книги и учителей церкви. Нилъ имѣлъ большую извѣстность какъ учитель въ знатныхъ домахъ, внушая къ себѣ почетъ и уваженіе. Недостатки его образованія обнаружались въ высказываемыхъ имъ взглядахъ на природу „тайнства ипостаснаго соединенія“: онъ не могъ достаточно понять ни въ чемъ состоитъ соединеніе, ни что такое ипостась, ни какъ обожествилось человѣческое естество. Вопреки церковному ученію, онъ пришелъ къ мысли, что „человѣчество обожествлено по естеству“¹⁾.

Безъ сомнѣнія, Нилу не было безызвѣстно, что весьма незадолго передъ тѣмъ церковь изъела этотъ вопросъ изъ обращенія, угрожая отлученіемъ тѣмъ, кто бы осмѣлился вновь поднять его. Первая глава соборнаго опредѣленія противъ Итала предусматривала именно то, что случилось съ Ниломъ. „Всѣмъ пытающимся вводить новыя изслѣдованія и ученія о неизреченномъ строителствѣ воплощенія Бога Слова, какимъ образомъ Богъ—Слово „человѣческому смѣшенію соединися“ и какъ „обожи“ пріятую плоть... анагема“.

У Анны Комнины встрѣчаемъ далѣе указаніе на любопытныя обстоятельства, способствовавшія распространенію лжеученія Нила. „Въ столицѣ, говорятъ она, было тогда много Армянъ, среди которыхъ ученіе Нила нашло приверженцевъ, начались постыпныя состязанія съ тѣмъ извѣстнымъ Тиграномъ и Арсакомъ, которыхъ особенно увлекли мнѣнія Нила“. Въ названныхъ здѣсь именахъ мы должны, конечно, усматривать не представителей армянской національности, но выразителей того противоцерковнаго ученія, которое принято называть армянскимъ и которое имѣетъ связь съ распространенными на востоцѣ тайными ученіями и сектами. Созванный царемъ Алексѣемъ соборъ имѣлъ цѣлью поставить предѣлы распро-

¹⁾ *Alexias*, II. p. 2 τὴν καθ' ὑπόστασιν ἕνωσιν τοῦ καθ' ἡμᾶς ἀγνοήσας μυστηρίου μὴθ' ὅπως ἐθεώθη τὸ πρόσημα παρὰ τῶν ἀγίων διδασκόμενος, πάρρη τοῦ ὄντος ἐξενεχθεὶς φύσει τοῦτο θεωθῆναι ἐδόξαζεν ἀπατῶμενος. Но ясно, что это та же ересь, въ которой обличали Итала: ἢ τοῦ Κυρίου εἰρὴ θείας ἢ φύσει τεθείωται.

сравненію какъ армянской ереси, такъ и ученію Нила, ибо во взглядѣ на догматъ таинства воплощенія Нилъ сошелся съ Армянами ¹⁾. Мы не предполагаемъ вдаваться здѣсь въ богословскія тонкости по поводу этого важнаго вопроса христіанской догматики, отсылая читателя къ болѣе авторитетному богословскому сочиненію ²⁾. На соборѣ осуждены были не только Нилъ и Армяне, но и еще нѣкто Влахернитъ, придерживавшійся ереси *Ентусіастовъ* ³⁾. Такъ какъ послѣдняя имѣетъ связь съ Богомилами, то можно заключать, что церковь въ одно и то же время наносила ударъ въ лицѣ Нила и всѣмъ упоминаемымъ еретическимъ ученіямъ. Ограничимся пока сдѣланными указаніями, отмѣтивъ себѣ слѣдующія наблюденія: 1) Нилъ слѣдуетъ за Италомъ въ ближайшей хронологической связи, на соборѣ противъ него предсѣдательствовалъ патріархъ Николай III, преемникъ Евстратія Гариды; 2) первая глава опредѣленія противъ I. Итала несомнѣнно касается самой существенной стороны ученія Нила; 3) въ изложеніи Анны Комнины ересь Нила поставлена въ связь съ ученіями армянской и богомильской ереси. Эти наблюденія должны приготовить читателя къ тому, чтобы не смотрѣть на ученіе Итала какъ на явленіе совершенно особо стоящее въ религіозной и философской жизни византійскаго государства. Но независимо отъ того они представляютъ интересъ въ связи съ нижеслѣдующими фактами.

Въ 23 книгѣ сочиненія Н. Акомината *Orthodoxiae Thesaurus* есть, между прочимъ, разказъ объ архіепископѣ Никейскомъ Евстратіи. Это былъ одинъ изъ виднѣйшихъ архіереевъ въ царствованіе Алексѣя Комнина, онъ пользовался личнымъ расположеніемъ царя, былъ извѣстенъ философскимъ и богословскимъ образованіемъ и особенно отличался ораторскимъ талантомъ ⁴⁾. Царь Алексѣй имѣлъ его въ своей свитѣ въ 1114 г., находясь въ Филиппополѣ съ цѣлю обращенія къ православію Армянъ и Павликианъ. Никита Акоминатъ ⁵⁾ прямо называетъ Евстратія ученикомъ I. Итала и

¹⁾ *Alexias*, p. 3. τὰ τοῦ Νείλου καὶ τῶν Ἀρμενίων ἐπιπλεκόμενα καὶ ἀπανταχῇ τῷ φῶσι θεωρεῖται τὸ πρόβλημα λαμπρῶ φωνῇ χρητιτόμενον.

²⁾ *Троицкій*, Изложеніе вѣры церкви армянекіи; С.-Петербургъ 1875, стр. 137 и слѣд.

³⁾ Въ основаніи эта ересь исходитъ изъ того положенія, что вступленныи или вдохновенныи умъ можетъ постигать высшія тайны.

⁴⁾ *Alexias* XIV, 8 (p. 301) ἀνὴρ τὰ τε θεῖα σοφός καὶ τὰ θύραθεν, αὐτῶν ἐπιταῖς διαλέξασιν μᾶλλον ἢ οἱ περὶ τὴν στοάν καὶ ἀκαδημίαν ἐνδιατρίβοντες.

⁵⁾ *Migne*, *Patrologia*, t. 140 col. 135; *Tafel*, *Supplementa historiae ecclesiasticae*.

также знакомить съ разнообразными его подвигами въ пользу православія. „Онъ неоднократно съ царской кафедры состязался съ латинянами объ опрѣснокѣхъ и о Св. Духѣ, но въ письменномъ изложеніи того, что самъ говорилъ и что слышалъ отъ противника, допустилъ неправильныя и непохвальные выраженія о Св. Духѣ. Разъ же въ Филиппополѣ, въ присутствіи царя, ведя преніе съ Арминіномъ о двухъ естествахъ Христа, безстыдно высказалъ неизвѣстно откуда заимствованное нечестивое мнѣніе ¹⁾, за что арминіицъ назвалъ его цѣаколомъ, чтѣ на армянскомъ обозначаетъ скотоложца, а, бывшіе при этомъ ученые царскіе мужи высказали Евстратію порицаніе за еретическій образъ мыслей. Немного спустя онъ лишенъ архіерейства какъ виновникъ новой ереси“.

Объ этомъ ученомъ епископѣ начала XII вѣка мы можемъ въ настоящее время составить довольно полное сужденіе, благодаря тому обстоятельству, что часть его сочиненій появилась въ печати ²⁾. Семь изданныхъ сочиненій Евстратія имѣютъ полемическій характеръ, изъ нихъ три трактуютъ о происхожденіи Святаго Духа, одно объ опрѣснокѣхъ. Указанныя сочиненія направлены противъ латинянъ и главнѣйше противъ миланскаго архіепископа Петра, бывшаго въ Константинополѣ и вступавшаго въ пренія съ греческими учеными. Кромѣ того два сочиненія касаются вопроса поклоненія святымъ иконамъ и одно написано въ опроверженіе тѣхъ, кто признавалъ въ Христѣ одну природу. Какъ видно, Евстратій писалъ о самыхъ живыхъ вопросахъ того времени, и хотя старался не уклониться отъ принятаго церковью ученія, но не избѣгъ подозрѣній въ неправославномъ образѣ мыслей. Объ этомъ сохранилось извѣстіе самого же Евстратія. Въ апрѣлѣ 1117 г. онъ долженъ былъ представить исповѣданіе вѣры, въ которомъ чистосердечно извинялся въ допущенныхъ имъ погрѣшностяхъ, проси у патріарха и собора прощенія. Этотъ любопытный документъ заключается въ слѣдующемъ ³⁾. Занимаясь опроверженіемъ ереси армянъ, писалъ Евстратій, я имѣлъ случай ознакомиться съ книгою, въ которой были слова св. Кирилла, одно произнесенное передъ царями,

¹⁾ ἐναίδως ἐφθέγγετο καὶ πρότερον καὶ οὖν τῷ Πατρὶ λατρεύειν τοῦ Κυρίου τὸ πρόβλημα.

²⁾ *Demetrioscorius*, Bibliotheca ecclesiastica, t. 1, Lipsiae 1866. Архимандритъ Димитракопуло издалъ соч. Евстратія по рукописи Московской синодальной библиотеки.

³⁾ Напечатано въ первый разъ у Димитракопуло, во введеніи, стр. 11, по рукописи Ватиканской библиотеки.

другое въ Ефесѣ на начальныя слова евангелія отъ Іоанна; тамъ и здѣсь пла рѣчь о поклоненіи. Кромѣ того, въ этой книгѣ было изложено мнѣніе св. отцовъ перваго вселенскаго собора. Не вполнѣ удачно понявъ заключающіяся въ этой книгѣ выраженія ¹⁾, я истолковалъ себѣ ихъ въ томъ смыслѣ, что воспринятое Христомъ человѣческое естество находится въ служебномъ и подчиненномъ отношеніи къ божескому. Для большаго выясненія этой мысли я составилъ два слова въ опроверженіе армянской ереси, въ которыхъ воспользовался вышеуказанными выраженіями. Но я не предавалъ публичности мои сочиненія, а удержалъ ихъ у себя, имѣя намѣреніе снова разсмотрѣть ихъ и исправить, а въ случаѣ пужды и уничтожить. Видитъ Богъ, какъ я боялся обнаруживать ихъ, ибо находилъ въ нихъ много сомнительнаго. Не знаю какъ случилось, что кто-то безъ моего вѣдома взялъ ихъ у меня и переписавъ передалъ другимъ, вслѣдствіе чего на меня пало подозрѣніе въ неправомысліи. Случилось по грѣхамъ хонимъ еще и другое, что когда я опасался за свои слова о поклоненіи и не вполнѣ выяснилъ себѣ, нѣтъ-ли въ нихъ чего ошибочнаго и нуждающагося въ исправленіи, въ это время пропали составленныя мною слова, такъ что теперь мнѣ могутъ приписывать и такое, что я совсѣмъ не писалъ. Разговоры объ этомъ сдѣлались всеобщими, и меня ожидаетъ великая скорбь, чтобы мнѣ не быть виновникомъ вреда для множества христіанъ. Дабы прекратить соблазнъ и показать, что я не намѣренъ отстаивать невѣрныя мнѣнія, прибѣгаю къ его императорскому величеству, къ святѣйшему вселенскому патріарху и къ священному собору и перець всѣмъ отрицаю и анаѣмствую таковыя мнѣнія, какъ чуждыя православію (слѣдуютъ мѣста изъ словъ, которыя онъ признаетъ своими). Отпосательно же другихъ выраженій и мѣстъ прошу предъявить мнѣ самны мои слова, которыя давно уже пропали у меня, чтобы я могъ видѣть ихъ и сказать, дѣйствительно ли мной написаны и не вставлены ли кѣмъ другимъ, или не вкрались по ошибкѣ переписчика, или по крайней мѣрѣ позволить мнѣ объяснить что я разумѣю въ этихъ мѣстахъ, если только признаю ихъ своими. Итакъ, отрицаюсь отъ вышеприведенныхъ мнѣній, какъ написанныхъ по невѣдѣнію и недостаточной внимательности и прошу явиненія во вниманіе къ тому, что мои слова пропали у меня прежде

¹⁾ ὁλον εἶναι προσκυνούμενον τὸν Χριστόν, ἀλλ' οὐ καθὸ ἀνθρώπου, καὶ ὁλον εἶναι προσκυνούντα, ἀλλ' οὐ καθὸ Θεόν.

чѣмъ подверглись тщательному разсмотрѣнію и исправленію". Слѣдуетъ подпись.

Слова Евстратія, подавшія поводъ къ обвиненію его въ неправославномъ образѣ мыслей, какъ онъ самъ говоритъ, написаны были въ опроверженіе армянской ереси ¹⁾. Уже на основаніи тѣхъ обстоятельствъ, которыя изложены въ исповѣданіи вѣры, можно сомнѣваться въ томъ, сохранились ли эти слова. И дѣйствительно, въ числѣ изданныхъ архимандритомъ Дмитракопуло произведеній Евстратія только одно послѣднее направлено противъ армянина Тиграпа ²⁾, но это слово едва ли не составлено уже послѣ 1117 года, потому что въ немъ нѣтъ тѣхъ еретическихъ мнѣній, которыя указаны въ исповѣданіи вѣры. У Никиты Акомината ³⁾, въ слѣдъ за словами: „Евстратій лишенъ епископства, какъ виновникъ новой ереси“ находимъ прибавку, которая, по нашему мнѣнію, можетъ относиться къ упомянутому сейчасъ произведенію противъ Тиграпа. Именно, Никита говоритъ, что по смерти Евстратія нашли у него сочиненіе, составленное въ свидѣтельство перемены его воззрѣній на тотъ предметъ, о которомъ онъ раньше неправильно училъ.

Приводимыми Н. Акоминатомъ отрывками изъ этого сочиненія Евстратія мы пользовались выше при объясненіи ученія Итала о тѣлнствѣ воплощенія, при чемъ имѣли случай исправить явную ошибку въ изданномъ Тафелемъ текстѣ. Евстратій толкуетъ здѣсь обоженствленіе принятой Христомъ плоти не κατὰ φύσιν, а κατὰ θέσιν καὶ τὴν τιμὴν καὶ τὴν ὑπεροχὴν τῆς θεότητος. Эта богословская проблема составляетъ центральное мѣсто всего философскаго движенія XII вѣка, на рѣшеніи ея споткнулись многіе ученые византийцы, и мы неоднократно встрѣтимся съ нею въ послѣдующемъ объясненіи и изложеніи отреченныхъ мнѣній. Оправдываясь въ неправославномъ мнѣніи, Евстратій старается установить путемъ логическихъ доказательствъ догматъ ипостаснаго соединенія во Христѣ двухъ естествъ. Съ точки зрѣнія школы, къ которой онъ принадлежалъ, τὸ πρόσωπον могло также постепенно усовершенствоваться и возвышаться до божества, какъ ὄλη подъ воздѣйствіемъ идей создаетъ постепенно усовершенствующіяся формы. Если же принятая Христомъ плоть подвержена постепенному усовершенствованію, то Христосъ воплотившійся не равенъ Отцу. Что таково было

¹⁾ *Demetracopulus*, p. 12 προέλογος: πρὸς δὲ πλείονα τοῦ ὑποληφθέντος ἐξέτασιν καὶ δύο λόγους ἐπέθετα, ἀνατραπὴν μὲν ποιούμενος τῆς τῶν Ἀρμενίων αἰρέσεως.

²⁾ *Ibid.* p. 160.

³⁾ *Tafel*, *Supplementa*.

возвръненіе его, противъ котораго теперь самъ же вооружался, видно изъ слѣдующихъ положеній: человѣческая плоть не могла допускать усовершенствованія, ибо какъ совершенствоваться Богу, существу совершенному; Сынъ есть существо совершенное и нѣтъ различія въ Троицѣ ¹⁾). Для церковнаго ученія была большая опасность въ томъ положеніи, котораго придерживались І. Италъ и Евстратій. Если тѣло Христово не было божественнымъ, то подрывается ученіе о безкровной жертвѣ, о таинствѣ евхаристіи, о чудесахъ совершенныхъ Христомъ въ земной жизни,—подобныя не православныя мнѣнія и обнаружатся вскорѣ въ XII вѣкѣ. Пока, во время Евстратія, помянутые выводы еще не были, повидимому, сдѣланы, противъ него главное обвиненіе формулировалось такъ: неосторожно раздѣлилъ человечество Христа надвое, безстрашно отдѣлилъ отъ Христа тѣло Его ²⁾).

Въ Синодикѣ сохранились, между прочимъ, двѣ статьи, хотя и не носящія имени Евстратія, но несомнѣнно составленныя противъ него. Такъ какъ приуроченіе безыменныхъ статей къ опредѣленнымъ періодамъ и лицамъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ изученія нашего памятника и такъ какъ преемство въ развитіи тѣхъ же идей можетъ служить лучшимъ подтвержденіемъ умственнаго движенія въ Византіи, то не излишне будетъ привести здѣсь эти статьи. Н. Акоминатъ ³⁾), очевидно, имѣлъ подѣ руками Синодикѣ, когда писалъ объ Евстратіѣ, и даже пользовался соборными актами по дѣлу Евстратія, но безспорно вслѣдствіе предпочтенія сохраненному Синодикомъ матеріалу передъ изложеніемъ Н. Акомината.

τοῖς εἰσαγοοοσιν ἐπὶ τῆς ἀρρήτου ἐν-
σάρκου οἰκονομίας τοῦ κυρίου καὶ Θεοῦ
καὶ Σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ κε-
νοφωνίας τινὰς καὶ λέγουσι ἢ φρονοῦσι
προσκυβεῖν τὸ ἀνθρώπινον τοῦ Χρισ-
τοῦ τῇ ἀπροσίτῳ θεότητι δουλικῶς
καὶ τὴν δουλείαν αἰδιον κεκτῆσται ὡς
οὐσιώδη καὶ ἀναπόβλητον, ἀνάθημα.

τοῖς μὴ μετὰ πάσης εὐλαβείας χρω-
μένοις τῇ κατ' ἐπίνοιαν διακρίσει πρὸς

у Никиты Акомината: διαίρων τὸ
πρόσλημα διαμπᾶξ καὶ λατρεύειν αὐ-
τὸ λέγων τῷ θεῷ καὶ πατρὶ.

εἰ τις μὴ μετὰ πάσης εὐλαβείας τῇ
κατὰ ψιλὴν ἐπίνοιαν διακρίσει χρῆται

¹⁾ τοῖς δὲ λέγουσιν, ὅτι τὸ πρόσλημα ἐπίεται προκοπῆς, ἀνάθημα· ποῦ γὰρ καὶ προῆξει ὁ Θεὸς ὢν τέλειος, τέλειος γὰρ ἐστὶν ἐκ τελείου ὁ υἱὸς ἐκ τοῦ πατρὸς...

²⁾ ὁ διαχωρίζων τὸ σῶμα τοῦ Κυρίου ἀνοποστόλως ἐξ αὐτοῦ, διαίρων πρόσλημα διαμπᾶξ.

³⁾ *Tafel, Suppléments.*

δηλωσιν μόνον τῆς ἑτερότητος τῶν ἐν Χριστῷ συνδραμουσῶν δύο φύσεων καὶ ἐν αὐτῷ ἀσυγχύτως καὶ ἀδιαφέντως ἠνωμένων, ἀλλὰ καταχρωμένοις τῇ τοιαύτῃ διαίρεσει καὶ λέγουσι τὸ πρὸς λημμα οὐ τῇ φύσει μόνον ἕτερον, ἀλλὰ καὶ τῇ ἀξίᾳ καὶ ὅτι λατρεύει Θεῷ καὶ ὑπηρεσίαν προσφέρει δουλικήν καὶ τιμὴν τὴν προσήκουσαν ἀπονεύει ὡς ὀφειλὴν, καθάπερ τὰ λειτουργικὰ πνεύματα τῷ Θεῷ ὑπηρετοῦντα τε καὶ λατρεύοντα δουλικῶς, καὶ ἰδίᾳ τὸ πρόσλημμα ἀρχιερέα μέγαν εἶναι διδάσκουσι καὶ οὐχὶ τὸν θεὸν λόγον, ὅτι γέγονεν ἄνθρωπος, ὡς διὰ τούτων τὸν ἕνα Χριστὸν τὸν κύριον ἡμῶν καὶ Θεὸν διαίρειν τολμῶσιν ὑποστατικῶς, ἀνάθεμα.

πρὸς δηλωσιν μόνην τῆς ἑτερότητος τῶν συνδραμουσῶν ἐν Χριστῷ δύο φύσεων, ἀλλὰ καταχρωμένος αὐτῇ λέγει τῆς αὐτῆς ὑποστάσεως τοῦ Χριστοῦ τὸ μὲν εἶναι δεσπότην, τὸ δὲ δοῦλον, ἀνάθεμα.

εἴ τις τὸν ἕνα Χριστὸν μετὰ τὴν ἔνωσιν διαίρει, ἰδίᾳ καὶ ἀνά μέρος τιθεὶ τὸν θεὸν λόγον, καὶ ἰδίᾳ τὸ πρόσλημμα, ἀλλ' οὐχὶ ἕνα τοῦτον δοξάζει τῇ ταυτότητι τῆς δόξης καὶ τῆς ἀξίας διὰ τὴν καθ' ὑπόστασιν ἔνωσιν, καὶ ἕνα ὄιον μετὰ τὴν ἐνανθρώπησιν, ἐκπέσει τῆς ὑιοθεσίας...

Независимо отъ того, что текстъ Н. Акомината не вполне исправно изданъ Тафелемъ, сравненіе его съ Синодикомъ убѣждаетъ еще въ томъ, что Никита довольно свободно относился къ матеріалу, передавая его недостаточно точно.

Нужно думать, что имя Евстратія было очищено отъ подозрѣній въ еретичествѣ послѣ подачи имъ исповѣданія вѣры въ 1117 году. Въ пользу его говорило не только искреннее раскаяніе, но и положительныя заслуги его передъ церковью. Онъ уже пользовался въ то время извѣстностью за свои полемическія сочиненія противъ латинянъ, посвященныя вопросу объ опрѣсновахъ и о происхожденіи Св. Духа. Ученая его дѣятельность падаетъ на самое начало XII вѣка, такъ какъ составленное имъ около 1112 года слово противъ архіепископа Миланскаго ¹⁾ позволяетъ заключать, что Евстратій тогда не впервые выступалъ на литературное поприще, такъ какъ миланскій архіепископъ въ своихъ нападкахъ на восточную церковь имѣлъ, между прочимъ, въ виду и его прежнія сочиненія ²⁾. Что дѣйстви-

¹⁾ Δημητρακοπουλος, Bibl. ecclesiastica p. 84 ἐκθεσις τῆς γαγονίας διαλέξεως ἐνώπιον τοῦ αυτοκράτορος κυρίου Ἀλεξίου τοῦ Κομνηνοῦ πρὸς Γροσολάνον ἀρχιεπίσκοπον Μεδιολάνων.

²⁾ Что слѣдуетъ заключать изъ словъ Евстратія (Bibl. eccles. p. 85) ἃ δ' οὗτος προσθεῖναι δοκεῖ ἄρτι πρὸς ἡμᾶς μαχεσάμενος, ταῦτα φροντίδος ἀξιοῦνται τινος.

тельно имя Евстратія было обѣлено, доказывается тѣмъ, что церковный писатель Николай Меѳонскій упоминаемъ о немъ въ такихъ выраженіяхъ, какія нельзя было допустить по отношенію къ лицу, осужденному соборомъ за еретическій образъ мыслей и не прощенному. Дальнѣйшее тому доказательство находимъ въ актахъ собора 1158 года, гдѣ приводится, наряду съ святоотеческими писаніями, одно мѣсто изъ сочиненія Евстратія περί Ἀζόρων въ подтвержденіе церковнаго мнѣнія ¹⁾.

При оцѣнкѣ ученой дѣятельности Евстратія не слѣдуетъ упускать изъ вниманія то обстоятельство, что богословско-полемическими сочиненіями не исчерпывается его производительность. Онъ посвящалъ свое вниманіе и чисто философскимъ занятіямъ; ему принадлежатъ комментаріи къ Никомаховой этикѣ и ко 2 книгѣ II Аналитики Аристотеля ²⁾. Эти труды имѣютъ важное значеніе для философскаго развитія латинскаго запада, первые латинскіе переводы ихъ сдѣланы около 1240 года ³⁾. Рукописныя данныя открываютъ, что въ началѣ XII вѣка не одинъ Евстратій продолжалъ философскія занятія, пущенныя въ ходъ Пселломъ и Италомъ. Въ комментаріяхъ къ этикѣ и аналитикѣ принимаетъ участіе М. Ефесскій; товарищемъ и сотрудникомъ Евстратія на поприщѣ богословско-философской полемики былъ также ученый монахъ Іоаннъ Фурни, игуменъ обители Гана. Ему принадлежитъ нѣсколько сочиненій и, между прочимъ, опроверженіе милаискаго архіепископа. Имя Фурни и тѣмъ еще достойно упоминанія, что по нѣкоторымъ даннымъ можно заключать объ участіи его въ составленіи догматической панопліи Зигавина ⁴⁾.

¹⁾ Часть сочиненій Николая Меѳонскаго издавъ Voestel въ 1825 году, другую часть Δημητράκοπουλος, Νικόλαου ἐπισκόπου Μεθώνης λόγοι δυο (Лейпцигъ, 1865) и въ Bibliotheca ecclesiastica (Лейпцигъ, 1866). Упомянутое объ Евстратіи находится въ сочиненіи Николая Ἀνάτολις τῆς θεολογικῆς στοιχειώσεως Πρόβλου πλατωνικοῦ φιλοσόφου и заключается въ слѣдующемъ: τοῦτο δὲ τὸ τοῦ σοφωτάτου μάρτυρος Εὐστρατίου περί τῶν πολλῶν θεῶν προβληθὲν ζήτημα.—Данныя собора 1158 года изданы ар. *Migne, Patrologia*, t. 140 col. 173.

²⁾ *Ueberweg*, II. s. 165—166. Рукописный матеріалъ показываетъ, что эта работа исполнена въ сотрудничествѣ съ М. Ефесскимъ.

³⁾ *Ross*, Über die griechischen Comment. zur Ethik des Aristoteles (Hermes, V s. 65—67).

⁴⁾ Парижская національная библиотека, Supplem. graecum № 407, fol. 140 Προκλήτου ἐπισκόπου Μεδιολάνων λόγος πρὸς τὸν βασιλέα κύρ Ἀλέξιον τὸν Κομνηνόν;— fol. 144 πρὸς τὰ ὑπὸ Μεδιολάνων ῥηθέντα καὶ ὅτι οὐκ ἐκπορεύεται ἐκ τοῦ Ἰησοῦ τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον Ἰωάννου μοναχοῦ τοῦ Φουρνῆ; — fol. 149 Εὐστρατίου μητροπολίτου Νικαίας πρὸς τὸν αὐτὸν λόγος. — Въ Оксфордѣ, какъ видно изъ *Coxe, Catalogi so-*

Такимъ образомъ, можно установить извѣстнаго рода научное преданіе, идущее отъ XI вѣка и воспринятое Ниломъ, Евстратіемъ, М. Ефесскимъ, Фурни и др. Въ свою очередь и эти послѣдніе не останутся безъ учениковъ и почитателей. Однимъ изъ нихъ былъ Н. Меоонскій, дѣятельность котораго относится ко второй четверти XII вѣка и будетъ разсмотрѣна ниже, о другомъ, какъ о современникѣ, скажемъ здѣсь же, въ ближайшей связи съ Евстратіемъ.

Халкидонскій митрополитъ Левъ, по своей научной дѣятельности и воззрѣніямъ, долженъ быть признанъ весьма близкимъ къ Евстратію мыслителемъ. Припомнимъ, что Евстратій обратилъ на себя вниманіе ревнителей чистоты церковнаго ученія главнѣйше неосторожными выраженіями о природѣ соединенія во Христѣ двухъ естествъ. Его обвинили за то, что онъ признавалъ человѣческое естество ниже божественнаго, говоря, что по человѣчеству Христосъ *λατρεῖται τῷ Θεῷ*, воздастъ ему рабскую честь и поклоненіе—*ὡς πρεσβύται προσφέρει δουλικήν*—подобно служебнымъ духамъ, рабски повинующимся Богу. Левъ Халкидонскій борется съ тою же самой проблемой, перенесъ ея приложеніе въ болѣе широкую область: „какое прилично поклоненіе иконѣ Христа, служебное какъ Богу, или относительно?“—Вопросъ возгорѣлся по слѣдующему поводу.

Царь Алексѣй Комнинъ, во время войны съ Робертомъ Гвискаромъ (около 1082 года), затрудняясь пріискать средства на уплату жалованья войскамъ, рѣшился наложить руку на церковныя сокровища и приказалъ, съ согласія, впрочемъ, церковной власти, перелить въ монету нѣкоторыя церковныя украшенія и, между прочимъ, халкопратійскія двери, на которыхъ были изобразены двѣнадцать господскихъ праздниковъ¹⁾. Это обстоятельство сопровождалось значительными и продолжительными волненіями. Халкидонскій митрополитъ Левъ съ особенной энергіей выступилъ противъ царскаго распоряженія, приравнявъ его къ иконоборству. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ онъ порицалъ правительство, доказывая незаконность посягательства на священныя предметы и возбуждая умы. Свѣтская власть нашлась въ

dicum manuscriptorum Bibl. Bodlejanae, p. 170, № 101, существуетъ рукопись, содержащая пренія между архіепископомъ миланскимъ и греческими учеными, изъ послѣднихъ одинъ не названъ, а другой есть I. Фурни, подъ анонимомъ слѣдуетъ разумѣть Евстратія.—Объ участіи Фурни въ составленіи Паноупіи, см. Δημήτρησ ποῦλος, введене p. 9—10.

¹⁾ Anna Comnena, *Alexia*, l. p. 228 (lib. V. c. 2); *Tafel*, Supplementa; *Zachariac*, *Jus Graecoromanum* III. 355.

необходимости положить конецъ соблазну. Поводъ подалъ самъ Левъ, употребившій нѣсколько неосторожныхъ выраженій въ письмѣ, которое попалося императору и передано имъ было на судъ собора. У Анны Комнины и въ замѣткѣ Н. Акмината сообщено кратко, что Левъ обвиненъ былъ въ ереси относительно поклоненія святымъ иконамъ и присужденъ къ низложенію ¹⁾. Но къ счастью, мы можемъ возстановить это дѣло на основаніи другихъ матеріаловъ. Прежде всего, сохранились дѣянія собора, разбиравшаго этотъ вопросъ ²⁾. Изъ нихъ видно, что царь Алексѣй Комнинъ, руководившій преніями, по прочтеніи того мѣста Синодика, которое говоритъ о поклоненіи святымъ иконамъ, предложилъ вопросъ: „какъ вамъ кажется, *σχετικῶς* или *λατρευτικῶς* слѣдуетъ поклоняться икопѣ Спасителя нашего?— Всѣ отвѣтили *σχετικῶς*. Царь спросилъ далѣе: какія иконы разумѣете, вещество ли, изъ котораго сдѣлана икона, или изображеніе?— Отвѣтили: написанныя на веществѣ изображенія. — Затѣмъ царь еще предложилъ вопросъ: на веществѣ написанное подобіе Христа есть ли божественная природа? — Конечно, нѣтъ, отвѣтили всѣ, ибо божественная природа неопиcуема. Въ заключеніе вопросъ формулированъ былъ слѣдующимъ образомъ: святымъ какъ слугамъ Христа мы приносимъ поклоненіе по причинѣ Христа и приближенія ихъ къ Нему; Христу же поклоняемся какъ Богу и владыкѣ, то-есть, ради Его самого, а не другаго; такъ что иконы святыхъ какъ слугъ Христовыхъ чтимъ *относительно* (*σχετικῶς*) ради Него ³⁾, самихъ же ихъ по причинѣ приближенія ихъ къ общему владыкѣ нашему, самому же Христу приличествуетъ *λατρευτικὴ ἢ προσκύνησις*, ибо поклоняясь ему поклоняемся Богу и Духу Святому⁴.

Соборный актъ показываетъ, что здѣсь обойдено было самое существенное, именно не подвергалось обсужденію то обстоятельство, которое произвело соблазнъ и вызвало Льва Халкидонскаго на протестъ. Съ другой стороны, и самая постановка поднятаго Львомъ вопроса значительно измѣнена. Философская сторона этого вопроса

¹⁾ *Alexias*, p. 230 *λατρευτικῶς* οὐ *σχετικῶς* δὲ *προσκυνεῖσθαι* τὰς ἀγίας εἰκόνας *παρ' ἡμῶν* ἐδογματίσεν, — ἐξακριβοῦν γὰρ ἀσφαλῶς τὸν λόγον οὐκ εἶχεν, ὅτι λογικῆς μαθήσεως ἀμέτοχος ὑπῆρχε παντάπασιν. — По словамъ Никиты ἀνὴρ τῶν μὲν λογικῶν παιδεύσεων οὐκ ἐραστὴς ἀκρότατος, ἀρετῆς δ' ἀπάσης κενὸν ἀκριβέστατος καὶ ζήλου τοῦ κατὰ θεὸν ἐμπλεως.

²⁾ *Montfaucon*, *Bibliotheca Coisliniana* p. 103—110.

³⁾ *Montfaucon*, p. 109 ὥστε τῶν μὲν ἀγίων τὰς εἰκόνας *προσκυνούμεν* — *σχετικῶς* δι' αὐτούς; — это послѣднее реченіе требуетъ исправленія — δι' αὐτόν.

раскрывается въ двухъ сочиненіяхъ, принадлежащихъ Евстратию ¹⁾, изъ которыхъ одно, написанное въ формѣ діалога, воспроизводитъ впечатлѣніе, произведенное соборнымъ опредѣленіемъ и имѣетъ для насъ особенный интересъ въ приложеніи къ нѣкоторымъ статьямъ Синодика. Діалогъ ведется между двумя лицами, названными Φιλοσοφήθης и Φιλαλήθης. Первый возвращается изъ дворца, гдѣ было публичное рассмотрѣніе догматическаго вопроса. Второй спрашиваетъ его: что новаго произошло и что вызвало такое собраніе? Филосиниѣ удивляется, какъ его собесѣдникъ не знаетъ о такомъ важномъ дѣлѣ, которое всѣхъ такъ волнуетъ, и объясняетъ, что рѣчь шла о божественномъ догматѣ. — Что ты говоришь, отвѣчаетъ Филалиѣ, ужели кто привноситъ новый догматъ и хочетъ повредить божественное преданіе? — Нѣтъ, отвѣчаетъ Филосиниѣ, но нѣкоторые пытаются изобличить въ нечестивомъ мнѣніи того, на кого мы привыкли смотрѣть уже издавна какъ на предстоятеля церкви и собора и кто по общему мнѣнію превосходитъ всѣхъ словомъ и добродѣтелью ²⁾. — Такъ выясняются роли собесѣдниковъ, изъ коихъ Филосиниѣ поддерживаетъ мнѣніе Льва Халкидонскаго, а Филалиѣ защищаетъ церковное ученіе, восторжествовавшее на соборѣ. Какъ объясняется, свѣтская и церковная власть судила Льва не за то, что онъ, возгорѣвъ ревностью патріарха Никифора и Θ. Студита, называлъ иконоборствомъ посягательство царя на священные предметы, а за допущенныя имъ въ одномъ письмѣ „неловкія и неосмотрительныя“ выраженія. Діалогъ и занимается объясненіемъ этихъ выраженій, дополняя въ этомъ отношеніи и иллюстрируя толкованіе соборныхъ актовъ ³⁾. Левъ отстаивалъ ту мысль, что вещество, изъ котораго дѣлаются священныя изображенія, остается священнымъ предметомъ даже и послѣ того, какъ уничтоженъ ликъ угодника или Христа; такое мнѣніе равносильно было порицанію правительства царя Алексѣя за употребленіе на государственныя нужды церковныхъ пред-

¹⁾ Δημητράκοπος, Bibl. ecclesiastica I. p. 127, 151. Первое сочиненіе мы разбираемъ въ текстѣ, второе названо *силлогистическимъ* доказательствомъ въ пользу покловенія св. иконъ.

²⁾ p. 129 Ἐν περὶ διὰ χρόνου πλείστον τῆς ἐκκλησίας καὶ τῆς Συνόδου πρωτεύοντα ἔσχημεν, καὶ λόγῳ καὶ ἀρετῇ προέχον ἐκρίναμεν τῶν ἀπάντων, οὐκ τοῦτον ὡς διαβεβῶς τις τοῦ θεοῦματος ἔχοντα διαλέγουσιν περὶ πάντας.

³⁾ На сколько однако вопросъ этотъ занималъ общество и самого царя, свидѣтельствуемъ новелла, помѣщенная у *Цахаріе*, III, p. 355. Левъ являющійся въ 1086 г. и былъ подъ запрещеніемъ до 1088 года, — этимъ опредѣляется хронологія Діалога. См. В. Г. Васильевскій, *Журн. Мин. Нар. Пр.*, декабрь, 1872, стр. 262.

метовъ ¹⁾). Итакъ, переведенный на догматическую почву вопросъ, поднятый Львомъ, сводится и въ Діалогѣ къ опредѣленію понятій *συγκρίως* и *λατρεύσιως*. Въ концѣ спора выясняется, что *λατρεύσιω* примѣнимо только къ несоданному божеству, а какъ человѣческая плоть сотворена, то, очевидно, она не можетъ принимать божескаго поклоненія. А какъ на иконѣ Христосъ изображается только по человѣчеству, ибо по божеству неопишумъ, то воздаваемая иконѣ честь переходитъ къ прототицу, что и составляетъ „отношеніе“, ибо перенесеніе или возношеніе иконы къ прототицу есть „*σχέσις*“. Итакъ, честь, возносимая черезъ икону къ ея прототицу, есть относительная честь ²⁾). Поклоненіе Христу по божеству и въ изображеніи существенно различно: въ первомъ случаѣ поклоняемся ему непосредственно, во второмъ—при посредствѣ подражанія; тамъ служебное поклоненіе какъ Богу, здѣсь—относительное чрезъ посредство иконы, имѣющей къ нему отношеніе.

Изъ сказаннаго можно усматривать, что вся серія дѣятелей конца XI и начала XII вѣка примыкаетъ къ одному направленію: въ приложеніи къ догматикѣ, возрѣніи I. Итала, Евстратія, Нила и Льва оказываются еретическими, ибо всѣ они погрѣшили въ объясненіи таинства соединенія во Христѣ двухъ естествъ. Тема I. Итала трактуется его учениками, не смотря на запрещеніе касаться ея подѣ страхомъ отлученія отъ церкви. Мы видѣли выше, при изложеніи основныхъ теченій въ западно-европейской схоластикѣ, что церковное ученіе о Троицѣ было камнемъ преткновенія для большинства схоластиковъ и что къ этому вопросу приходили они какъ бы невольно, увлекаемые естественнымъ ходомъ мыслей. По отношенію къ латинской схоластикѣ, ни одинъ историкъ философіи не можетъ колебаться въ принятіи того положенія, что богословскія проблемы тамъ имѣли значеніе логическихъ выводовъ изъ философскихъ системъ, стремящихся постигнуть природу сущаго. Далеко не такъ стоитъ дѣло по отношенію къ византійской схоластикѣ, гдѣ матеріалы для оцѣнки системъ еще не опубликованы и гдѣ не установлена зависи-

¹⁾ *Tafel*, Supplementa. τὴν γὰρ ὄλην καὶ μετὰ τὴν τοῦ σχήματος ἀφανίσιν εἰκόνας Χριστοῦ καὶ τῶν ἁγίων παραβόλως ἀπεφαίνετο εἶναι.

²⁾ *Demetriosopolita*, *Bibl. eccles.* I. p. 148—149. ὅτι ἡ τιμὴ τῆς εἰκόνης διαβαίνει πρὸς τὸ πρωτότυπον, πῶς οὐ σχέσις παρίσταται; ἡ γὰρ διάβασις καὶ ἀναφορά τῆς εἰκόνης πρὸς τὸ πρωτότυπον οὐδὲν ἕτερον ἢ σχέσις ἐστίν. Συγκριτικὴ ἄρα καὶ ἡ διὰ τῆς εἰκόνης πρὸς τὸ οἰκίον πρωτότυπον παραεκπομένη τιμὴ, ὡς διὰ τοῦ σχέσις ἔχοντος, πρὸς ὃ ταύτην ἔχει, παραεκπομένη.

мость между ученіями и направленіями. Что касается I. Италя, то метафизическая основа его теорій піроздавія не можетъ быть осна- риваема, такъ что не подлежитъ сомнѣнію методъ, которымъ онъ пришелъ къ постановкѣ богословской проблемы—какъ обожествлена принята Христомъ плоть. По отношенію къ болѣе видному его уче- ннику Евстратію, правда, нельзя высказаться съ такою же положитель- ностью, ибо его философскіе труды не наданы, полемическія же сочиненія писаны въ доказательство разныхъ сторонъ церковнаго ученія. Но стоитъ всмотрѣться въ его сочиненіе „О поклоненіи святымъ ино- намъ“, въ которомъ вся система доказательствъ основывается на силлогизмахъ¹⁾, чтобы составить себѣ представленіе о началахъ, изъ которыхъ отправляется научная его дѣятельность, и усмотрѣть основанія, изъ которыхъ исходило отвергнутое церковью мнѣніе. „По- клоненіе само въ себѣ приличествуетъ божеству. Одно божество — Св. Троица, итакъ поклоненіе прилично одной Троицѣ. Что одному божеству поклоненіе должно быть воздаваемо, объ этомъ свидѣтель- ствуетъ и писанный законъ и еще больше духовный, которые учить, что не должно воздавать поклоненія ничему изъ произведеннаго или сотвореннаго, а одному Богу Отцу и Сыну и Святому Духу. Въ увѣ- ренности, что не можетъ ничего сказать противъ этого положенія ни одинъ христіанинъ, кромѣ развѣ такого, кто только прикрывается христіанскимъ именемъ, но убѣжденіемъ же елиминствуетъ и прини- маетъ многобожіе, или обожествляетъ тварь паче создавашаю, будемъ продолжать далѣе. Хотя человѣчество соединилось съ Словомъ Бо- жіимъ ипостасно, но различно отъ послѣдняго по существу, это ис- повѣдуется всѣми православными, но доступно и доказательствамъ силлогизма“.—Весьма любопытно, что Евстратій разсматриваетъ во- просъ съ точки зрѣнія родовъ и видовъ, то есть универсалій. При- нимая во вниманіе, что во Христѣ есть отличительныя черты Сына Божія и сына человѣческаго, что первыми отличается онъ отъ Отца и Духа по ипостаси, вторыя же заимствованы отъ матери и отъ про- чихъ людей, Евстратій задаетъ вопросъ: „эти вторыя особенности со- ставляютъ ли сущность²⁾ или привходящее, случайное? Возьмемъ для примѣра такія черты: извѣстный цвѣтъ, величина, сутуловатость, способъ ношенія волосъ, складъ щекъ, зубъ, глазъ и cadaго члена

¹⁾ Δημητριάκοπουλος р. 151,—скажетъ тотъ же, что и въ Діалогѣ, но система донавательствъ другая,

²⁾ р. 155, οὐσία ἢ οὐμβεβηχός—реальность, дѣйствительное бытіе или отвле- ченіе ума.

по ви́шнему его виду, то есть, такіа черты, которыя, будучи переданы въ изображеніи, позволяютъ намъ признать чей, образъ написанъ на иконѣ, такъ если вотъ эти черты назовешь сущностью, то овѣ или у всѣхъ будутъ тѣ же самыя, или у каждаго различныя. Если будутъ тѣ же самыя у всѣхъ, то какъ мы распознаемъ каждый отдѣльный образъ, не видя въ нихъ никакого различія; если же у каждаго различныя, то отсюда слѣдуетъ, что сущность изображаемыхъ людей не одинакова у всѣхъ, что нелѣпо, ибо одна природа у всѣхъ людей, и если отнимешь какое либо изъ существенныхъ свойствъ природы, то измѣнишь по существу и видѣ, мало того, долженъ будешь принять, что Спаситель въ воплощеніи не тотъ же самый по природѣ. Если же отвергнешь это какъ нелѣпность и невозможность и назовешь случайными на иконахъ изображаемыя черты, а между тѣмъ хочешь воздавать имъ божеское поклоненіе, отдѣляя ихъ отъ вещества и мысленно представляя ихъ въ умѣ, то отсюда слѣдуетъ заключеніе, что ты покланяешься случайнымъ чертамъ (συμβεβηκόσι), отвлеченіямъ ума, что уже нелѣпнѣй еллинскаго міеосложенія⁴. Не будемъ продолжать далѣе: и приведеннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что вся богословская борьба времени Алексѣя Комнина исходитъ изъ онтологическаго принципа и что занимающая насъ серія ученыхъ суть представители схоластики. Настоящій трактатъ Евстратія показываетъ, что богословскія проблемы и въ Византіи возникали и обрабатывались на почвѣ философской. Отставая здѣсь церковную точку зрѣнія, нашъ философъ, если примѣнить къ нему западно-европейскій терминъ, оказывается представителемъ того направленія, которое исходило изъ принципа: *universalia in se* ¹⁾. Слѣдовательно, затронутый нами вопросъ представляетъ глубокую культурную важность и вызываетъ потребность внимательнаго изученія пренебрегаемыхъ доселѣ матеріаловъ по византійской философіи.

Ф. Успенскій.

¹⁾ p. 159, σχήματα γὰρ καὶ ἀριθμοὶ ἕτεροις ἑστὶν ἐνοπόστατα, καθ' ἑαυτὰ δὲ οὐχ ὀφίσταται.

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

ЧАСТЬ ССЛХХVII.

1891.

ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Наб. Екатерининскаго кан., № 80.

1891.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственные распоряженія	25
Объ устройствѣ именныхъ химико-техническихъ училищъ и объ организаціи въ нихъ учебнаго дѣла	1
О. Н. Успенскій. Богословское и философское движеніе въ Византии XI и XII вѣковъ (окончаніе)	283
Л. Абдановъ. Повѣсти о Вавилонѣ и „Оказаніе о князѣхъ Владиміровичахъ“ (окончаніе).	325
А. И. Марковичъ. Избраніе на царство Михаила Теодоровича Романова (окончаніе).	369
П. Н. Милуковъ. Государственное хозяйство Россіи въ связи съ реформой Петра Великаго (продолженіе).	408
М. Н. Березиковъ. Планъ завоеванія Крыма, составленный Юріемъ Крижаневичемъ	483

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

М. А. Дьяконовъ. <i>Georg Stachr. Ueber Ursprung, Geschichte, Wesen und Bedeutung des russischen Artels.</i> Dorpat. 1891	518
Г. С. Дестунисъ. <i>Восстаніе.</i> Очерки, матеріалы и замѣтки по византийскимъ древностямъ. Д. Ф. Бяллова	532
П. А. Сырку. <i>Житіе Св. Савы Освященнаго, составленное Св. Кирилломъ Сквепольскимъ.</i> Издавъ Н. В. Помяловскій. С.-Пб. 1891.	547
А. Н. Веселовскій. <i>Король-книгоцѣль</i>	551
А. О. Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. В. П. Сукачевъ. Москва. 1891	568
А. О. Харузинъ, <i>А. Биргизы Букеевской орды.</i> Москва. 1891	572
— <i>Книжныя новости</i>	574
— <i>Наша учебная литература (разборъ 6 книгъ)</i>	17

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕТОПИСЬ.

— Романо-германское отдѣленіе филологическаго общества при Императорскомъ О.-Петербургскомъ университетѣ	13
— Некрологъ: I. Михаилъ Осиповичъ Колясовичъ	33
II. Сергій Егоровичъ Рождественскій	39

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

О. А. Шеборъ. Критическія замѣтки	1
В. Е. Ель Аристофану	10
Н. Н. Ланге. „Первая аналитика“ Аристотеля (продолженіе)	11

Редакторъ В. Васильевскій.

(Вышла 1-го октября).

БОГОСЛОВСКОЕ И ФИЛОСОФСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ВЪ ВИЗАНТИИ XI И XII ВѢКОВЪ ¹⁾.

Переходимъ къ разсмотрѣнію послѣдняго отдѣла въ Синодикѣ, относящагося ко времени царя Алексѣя Комнина. Этотъ отдѣлъ, состоящій изъ пяти статей, хотя и имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ раниѣ занимавшимъ часть вопросовъ, но въ то же время характеризуется своими спеціальными чертами, ясно выражающими восточное вліяніе. Главный характеръ его—*космологическая система, построенная на началъ дуализма.*

Появленіе этого отдѣла въ Синодикѣ въ царствованіе Алексѣя Комнина должно находить себѣ объясненіе въ томъ, что въ XI и началѣ XII вѣка византійская церковь весьма энергично преслѣдовала секты восточнаго происхожденія, распространившіяся съ теченіемъ времени и въ западныхъ провинціяхъ. Главнѣйше это были павликіане и богомилы. Правда, въ Синодикѣ не названы по именамъ эти ереси, но тѣ положенія, которыя въ немъ приводятся, несомнѣнно заимствованы изъ метафизическихъ построеній павликіанъ и богомиловъ. Такъ какъ и большинство статей Синодика, происшедшихъ при Мануилѣ Комнинѣ, имѣютъ связь съ означенными метафизическими построеніями, то намъ необходимо остановиться на выясненіи этого элемента, частью философскаго, частью богословскаго который занимаетъ такое важное мѣсто въ изучаемомъ памятникѣ. Имѣя, далѣе, въ виду, что богомилство въ XII вѣкѣ преобладаетъ надъ всѣми другими ересями и что ему суждено было прочно организовать на Балканскомъ полуостровѣ, мы склонны думать, что тѣ же самыя дуалистическіе элементы, которіе замѣтны въ XI вѣкѣ,

¹⁾ Окончаніе. См. сентябрьскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

будутъ давать себя знать и въ послѣдующихъ частяхъ Синодика, до самаго конца развитія сохранившихся редакцій его ¹⁾).

Въ XI вѣкѣ система дуализма сосредоточена была въ ученіи павликіанъ. Особенное значеніе эта секта приобрѣла въ глазахъ правительства въ X вѣкѣ, когда І. Цимискій переселилъ павликіанъ массами въ Филиппопольскую область. Царь Алексѣй Комнинъ обратилъ вниманіе на политическое значеніе павликіанъ, которые не всегда были ему вѣрны во время борьбы его съ Гвискаромъ на Балканскомъ полуостровѣ, и вознамѣрился истребить еретиковъ. Но въ то же время въ этой области развивается другое ученіе, имѣющее связь съ павликіанствомъ,—богомилское, которое продолжаетъ дѣйствовать во весь періодъ существованія Византійской имперіи. Сущность ученія павликіанъ и богомиловъ по отношенію къ мірозданію заключается въ слѣдующемъ.

Богъ есть творецъ высшаго міра и не имѣетъ власти въ нашемъ земномъ мірѣ, который созданъ злымъ началомъ, богомъ сего міра, безрадѣльно господствующимъ надъ нимъ. Этотъ диміургъ созданъ изъ мрака и огня, зло существуетъ отъ вѣчности въ матеріи или блг, изъ которой и развилось въ самосознающую личность. Какъ видимый міръ, такъ и человѣческое тѣло есть произведеніе злаго бога, но душа человѣческая создана добрымъ началомъ и заключена какъ бы въ темницу въ чуждое ей по происхожденію тѣло. Павликіане отвергали ветхій завѣтъ, законъ и пророковъ, какъ откровеніе диміурга, пророковъ называли обманщиками и ворами. Христосъ пришелъ освободить людей изъ рабства диміургу. Мать его была не дѣва Марія, чрезъ которую онъ прошелъ въ своемъ эфирномъ тѣлѣ какъ чрезъ каналъ, но вышній Іерусалимъ, царство добраго бога. Страданія Христа не признавали дѣйствительными, но только кажущимися, и самое вочеловѣченіе Христа объяснили въ смыслѣ сообщенія высшаго знанія и наученія. Отвергали поклоненіе кресту, какъ орудію наказанія за преступленіе и какъ знаменіе проклятій и орудіе диміурга. Тайинства отвергали, ибо вода, масло, хлѣбъ—принадлежатъ царству сатанаила.

Во многихъ отношеніяхъ съ павликіанами соприкасаются богомилы. Ученіе богомиловъ основаніями своими держится на ереси месса-

¹⁾ Общій очеркъ о павликіанахъ и богомилахъ заимствуемъ изъ Παπαρρηγόπουλος, Ιστορία του Ελληνικου έθνους, III, р. 437 и слѣд., IV, р. 505, въ особенности же изъ *Döllinger*, Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters, München, 1890, въ двухъ томахъ (новые матеріалы для исторіи альбигойцевъ).

ліанъ или евхитовъ, которые признавали, что въ каждомъ человѣкѣ вмѣстѣ съ душою соприсутствуетъ демонъ, котораго можно изгнать только извѣстными молитвами. Съ этимъ соединяется квіетическое ученіе о такомъ безстрастномъ состояніи, въ которомъ являются не нужными всѣ таинства, всѣ удовольствія безвредными и въ которомъ происходитъ чувствами ощущаемое соединеніе съ божествомъ. Эти евхиты въ X вѣкѣ также поселены были во Фрикіи; въ половинѣ XI вѣка приверженцы этого ученія сильно распространились въ западныхъ областяхъ имперіи. Михаилъ Пселль въ своемъ сочиненіи *περί ἐνεργείας δαιμόνων* ¹⁾ говоритъ объ евхитахъ, какъ объ очень сильной сектѣ на западѣ. По ученію ихъ, три существа раздѣляютъ между собой господство надъ міромъ: отецъ правитъ областью надъ небесной, младшій сынъ его царствуетъ на небѣ, старшій, Сатанайлъ, на землѣ. Послѣдніе находятся между собой во враждѣ, хотя иногда и живутъ мирно, какъ дѣти одного отца. Часть евхитовъ отдаетъ обоимъ обладателямъ неба и земли одинаковую честь, между тѣмъ другіе признаютъ только властителя неба, третьи, напротивъ, поклоняются только старшему сыну, Сатанайлу, творцу видимаго міра. Въ концѣ XI вѣка между славянскимъ населеніемъ Балканскаго полуострова ученіе евхитовъ породило новую секту богомиловъ. Въ 1111 году эта секта обращаетъ на себя вниманіе Алексѣя Комнина, который началъ противъ нея преслѣдованіе. Вождемъ богомиловъ оказался пѣкто врачъ Василій, который уже 50 лѣтъ занимался распространеніемъ новаго ученія. Анна Комнина подробно разказываетъ, какъ ей отецъ, притворившись приверженцемъ этого ученія, воспользовался сообщительностію Василія и выведалъ у него главные пункты его ученія, затѣмъ предалъ его суду и пыткамъ. Страшное преслѣдованіе и смертныя казни не уничтожили однако новую секту. Ей суждено было получить сильное развитіе среди славянскаго населенія Балканскаго полуострова.

По ученію богомиловъ, божество имѣетъ челоуѣкообразный видъ, но тѣло его создано изъ тонкаго вещества. Богъ не отъ вѣчности триниченъ въ лицахъ, Сынъ и Духъ произошли отъ Отца, подобно лутамъ отъ глазъ его, и опять возвратились къ нему. Такимъ образомъ, Сынъ и Духъ по этому ученію суть только различныя, сдѣлавшіяся личностями, проявленія Отца. У Бога есть однако перворожденный сынъ, по имени Сатанайлъ, во всемъ подобный отцу, воссѣ-

¹⁾ Ed. *Boissonade*, Nürnberg, 1838.

дающій по правую его сторону и имѣющій власть надъ всѣмъ міромъ. Но Сатанаилъ, надмеваясь властью и высокимъ положеніемъ, задумалъ отпаденіе и старался увлечь за собой часть служебныхъ духовъ. Нѣкоторые ангелы, обманутые его обѣщаніями, стали на его сторону, за что всѣ подверглись изгнанію съ неба. Сверженный на землю, которая еще не имѣла устройства, Сатанаилъ держалъ совѣтъ съ ангелами, товарищами его возмущенія, и внушалъ имъ мужество. Сохранивъ еще частицу творческой силы, онъ рѣшился, какъ второй богъ, создать новое небо и дать устройство землѣ. Украсивъ свою землю растеніями и животными, Сатанаилъ образовалъ изъ глины и воды тѣло человѣка, при чемъ стекавшая на землю влага черезъ большой палецъ ноги приняла на землѣ видъ змѣи. Затѣмъ, желая одушевить человѣческое тѣло, Сатанаилъ вдохнулъ въ него свой духъ, но рыхлое тѣло не задержало дыханія, которое и сообщилось образу змѣи, воодушевивъ его, отчего змѣя и стала умнымъ животнымъ, ибо въ ней духъ Сатанаила. Диміургъ долженъ былъ признать свою неспособность дать жизнь образованному имъ тѣлу; по его просьбѣ добрый духъ послалъ изъ пиромы искру жизни, которая одухотворила созданную Сатанаиломъ форму. Такимъ же образомъ получила жизнь и первая жена, созданная изъ мужа.

Человѣкъ оказался двойнымъ по своему происхожденію и природѣ, ибо тѣло свое получилъ отъ злаго существа, а душу отъ добраго. Сатанаилъ обѣщалъ человѣку, что онъ будетъ принадлежать одинаково тому и другому міру и что потомство его наполнить мѣста низверженныхъ съ неба ангеловъ. Но потомъ его стала свѣдать зависть къ преимуществамъ человѣка, и онъ задумалъ погубить его. Принявъ образъ змѣи и обманувъ Еву, онъ соединился съ ней тѣлесно, дабы сѣмя его возобладало надъ сѣменемъ Адама. Зачавъ отъ него, Ева родила Каина и Каломену. Отъ Адама же она имѣла Авеля, котораго убилъ Каинъ. За это добрый богъ лишилъ Сатанаила божественнаго образа, отнял у него творческую силу и божественное имя, и съ тѣхъ поръ Сатанаилъ, мрачный и злобный, властвуетъ по допущенію божію надъ своимъ міромъ и созданными имъ существами. Когда же ангелы узнали, что мѣста ихъ на небѣ предназначено занять сынамъ человѣческимъ, они соединились съ дочерьми людей, взявъ ихъ себѣ въ жены, дабы сѣмя ихъ возвратилось на небо и дабы сыны заняли мѣста отцовъ. Отъ этихъ браковъ произошелъ родъ гигантовъ, которые возстали на Сатанаила и защищали человѣческую родъ. Разгнѣванный Сатанаилъ навелъ

на землю потопъ, истребившій людей и всѣ живыя созданія. Спасся только Ной въ ковчегѣ, ибо у него не было дочери, и онъ оставался вѣрнымъ Сатанайлу.

Надо всѣмъ человѣческимъ родомъ тяготѣть иго Сатанаила, который стремится отчуждать людей отъ добраго бога. Наконецъ, богъ сжалился надъ родомъ человѣческимъ: въ 5500 году онъ послалъ божественный Логосъ, или своего сына, который называется также архангеломъ Михаиломъ или ангеломъ высшаго совѣта. Божественное Слово сошло съ неба, прошло черезъ правое ухо дѣвы и приняло видимую форму, подобную человѣческому тѣлу, хотя по существу оно принесло тонкое духовное тѣло, достойное божества, въ какомъ и вышло изъ дѣвы. Исполняя возложенную на него миссію, Слово творило и учило по изложенному въ евангеліи, призрочно участвовало въ человѣческихъ страданіяхъ и страстяхъ, призрочно умерло и воскресло. Сатанайлъ былъ побѣжденъ и закованъ въ тартарѣ, отъ имени его отнята послѣдняя частица и онъ сталъ называться сатана. Возвратившись къ отцу, Слово заняло мѣсто по правую его сторону, принадлежавшее прежде Сатанайлу. Христосъ хотѣлъ уничтожить власть надшихъ духовъ въ мірѣ, но богъ не допустилъ этого. Онъ оставилъ демонамъ созданныя человѣческими руками храмы, въ которыхъ воздается имъ поклоненіе; они обладаютъ также сильною властью на все злое; ни Христосъ, ни св. Духъ не могутъ противостоять имъ.

Демоны живутъ въ каждомъ человѣкѣ, и собственно они суть виновники всѣхъ преступныхъ дѣяній, совершаемыхъ человѣкомъ; даже по смерти остаются они въ тѣлѣ, или въ гробу, въ ожиданіи воскресенія, ибо они должны участвовать и въ наказаніи вмѣстѣ съ тѣломъ, въ которомъ жили. Демоны избѣгаютъ только богомилловъ, держась отъ нихъ на разстояніи пущенной изъ лука стрѣлы, ибо только богомиллы суть истинно вѣрующіе, въ которыхъ живетъ не демонъ, но св. Духъ, рожденный Сыномъ, и потому каждый богомилъ по праву называется θεοτόκος. Этимъ объясняется, что богомиллы не умираютъ подобно всѣмъ прочимъ людямъ, но лишь измѣняются, какъ бы во снѣ сбрасывая безъ болѣзней тѣлесное одѣяніе и облакаясь во Христа, плъ принимая то эфирное тѣло, въ которомъ Онъ жилъ на землѣ. Такимъ образомъ, богомиллы подобны Христу по тѣлу и по виду (ὁμοῦσται καὶ ὁμορφοί).

Богомиллы отвергаютъ таинства крещенія, причащенія, брака. По ихъ ученію, храмы суть обиталища демоновъ; Сатанайлъ сначала

избралъ своимъ пребываніемъ іерусалимскій храмъ, потому св. Софію въ Константинополѣ; Богъ живеть на небѣ, а не въ созданныхъ людьми храмахъ. Поклоненіе кресту отвергаютъ, иконъ не почитаютъ.

Изъ предыдущаго изложенія можно видѣть, что вообще нѣтъ недостатка въ данныхъ для характеристики метафизической системы богомиловъ и уклоненій отъ православія въ вѣроученіи ихъ. Пять главъ Синодика противъ богомиловъ представляютъ интересъ не въ томъ отношеніи, что на основаніи ихъ можно бы прибавить двѣ-три черты къ общей характеристикѣ богомильства, на этой сторонѣ мы не будемъ настаивать; значеніе ихъ должно оцѣниваться, вопервыхъ, съ точки зрѣнія времени происхожденія редакціи Синодика, вторыхъ, съ точки зрѣнія точности и официальности изложенія богословской ихъ доктрины. Что касается перваго, то нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь мы имѣемъ редакцію положеній времени Алексѣя Комнина; важность этого обстоятельства тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что главы противъ богомиловъ не печатаются въ греческихъ постныхъ триодяхъ, не встрѣчались намъ въ переводныхъ русскихъ синодикахъ, а, слѣдовательно, сохранились лишь въ нѣкоторыхъ рукописныхъ спискахъ. Относительно выясненія втораго обстоятельства достаточно сослаться на тотъ хорошо извѣстный фактъ, что Бесѣда пресвитера Козмы на богомиловъ, которая относится къ числу древнѣйшихъ и первостепенныхъ источниковъ въ настоящемъ вопросѣ, „обращаетъ больше вниманія на виѣшнюю сторону ереси, на практическія слѣдствія основныхъ положеній ея и мало касается догматическихъ началъ“¹⁾. Итакъ, если въ Синодикѣ мы имѣемъ официально фиксированными именно догматическія начала богомильства и не имѣемъ никакихъ указаній на виѣшнія черты поведенія богомиловъ и на практическіе выводы изъ ихъ вѣроученія, то ясно, что главы Синодика должны восполнять Бесѣду и, въ свою очередь, быть иллюстрируемы этою послѣднею. Полагаемъ, что достаточно будетъ привести нѣкоторыя сопоставленія, чтобы указать важность совмѣстнаго изученія главъ Синодика и Бесѣды пресвитера Козмы.

Почему, напримѣръ, въ самомъ началѣ Бесѣды нашъ пресвитеръ приводитъ текстъ о хулѣ на Духа Святаго? Изъ перваго положенія противъ богомиловъ, читаемаго въ Синодикѣ, видимъ, что они не признавали единосущной Троицы, но принимали *ἐπίσηκτον τινὰ ἄγγελον Ἄρθῳ λεγόμενον τὸν Ἰδὸν, ἐξ ἑτέρας πάλιν ἐλάττωτος φύσεως τὸ Πνεῦμα τὸ Ἅγιον*.

¹⁾ *Православный Соборникъ*, 1864, часть I, стр. 483, и часть II, *passim*.

Вторая глава Синодика направлена противъ дуалистической системы богомиловъ: τὸν ἀντικείμενον λέγοσιν ἄρχοντα καὶ ποιητὴν τοῦ παντός καὶ πλάστην τῆς ἀνθρωπίνης φύσεως. У пресвитера Козмы въ нѣсколькихъ мѣстахъ находимъ указаніе на эту часть ученія богомиловъ: „Како бо хотятъ кому быти милн, аще и тмаи стражутъ, діавола творца нарицающе челоуѣкомъ и всей твари Божіи, и отъ многия грубости ихъ ниже ангела отпадша наричють ѿ, друзіи же уконома неправеднааго творять и“¹⁾. И далѣе: „Коего бо словесе книжнааго не развратиша? Что ли не похулиша въ мірѣ семь устроенааго Богомъ? Неже на земли точю, но и на высоту хулу вѣщають, глаголюще по діаволи воли суще вся, небо, солнце, звѣзды, воздухъ, земля, челоуѣка, церкви, кресты, и вся Вожіа діаволу предають, и просто вся движущейся на земли, и съдушная и бездушная діавола зовуть“.

Третья глава Синодика имѣетъ въ виду ученіе богомиловъ о воплощеніи Бога Слова и о причащеніи; противъ этой части направлены многія мѣста Бесѣды „о комканіи и о литургіяхъ“. Святое комканіе пѣсть простое брашно, якоже вы мните (ὡς ἄρτος ψιλὸς καὶ βρώμα κοινόν—въ Синодикѣ).

Четвертая осуждаетъ ученіе богомиловъ о крестѣ, который они признавали ὡς τυραννικὸν ἔκλον. У Козмы опровергается это ученіе въ нѣсколькихъ мѣстахъ²⁾. Пятая, наконецъ, глава осуждаетъ богомиловъ за отрицаніе ими поклоненія святымъ иконамъ Христа, Богородицы и угодниковъ. Козма, конечно, не могъ оставить безъ опроверженія этого важнаго вопроса: „И еще же надъ всѣмъ зломъ и се сіи окалпѣи творять: преславныя бо и пречистыя Богоматере не чтуть, но много о ней блядутъ, ихъ же рѣчи и грѣдости нельзѣ писати въ книги сіа“³⁾. Въ этой части обличенія Козмы мы приписываемъ большую цѣну слѣдующимъ, между прочимъ, словамъ: „Видиши ли, еретиче, яко словеса твоя лжа суть и прелестна, еже глаголеши рекый: подобни суть еллиномъ кланяющеися иконамъ“. Важность этого мѣста усматривается въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ иконоборческой періодъ такъ именно формулировано было главное обвиненіе противъ иконопочитателей, послужившее точкой отправления для иконоборцевъ.

Для будущиыхъ изслѣдованій о началѣ иконоборства и о богомиль-

¹⁾ Православный Собесѣдникъ, 1864, часть II, стр. 97 и 100.

²⁾ Часть I, стр. 494—497.

³⁾ Часть II, стр. 90, 92—93.

скомъ ученіи позволимъ себѣ сдѣлать еще замѣчаніе. У пресвитера Козмы встрѣчаемъ статью „о пророцѣхъ“, которая направлена противъ отрицанія богомилами пророчества и прообразованій о лицѣ І. Христа. Далѣе у него же есть отдѣлъ, въ которомъ богомильское ученіе изложено въ краткихъ положеніяхъ, напоминающихъ по формѣ положенія Синодика ¹⁾). Въ этомъ послѣднемъ останавливаются на себѣ вниманіе слѣдующія положенія: „Иже святыхъ пророкъ не творить Святимъ Духомъ пророчествована, но о своемъ умѣ, да будетъ проклятъ. Иже не творить Богомъ богоданнаго Моисіемъ закона, о себѣ нѣкакъ блудеть, да будетъ проклятъ“. Всѣ главы пресвитера Козмы, касающіяся пророковъ и ветхаго завѣта, могли бы представляться странными по отношенію къ богомиламъ, такъ какъ объ этомъ Синодикъ не упоминаетъ ни единымъ намекомъ. Но весьма любопытно, что значительная часть положеній противъ иконоборцевъ занимается именно выясненіемъ, съ точки зрѣнія церковнаго ученія, отношенія ветхозавѣтныхъ обѣтованій къ новозавѣтному исполненію. Если въ этой части богомилы близко сходились съ иконоборцами, то можно бы полагать, что главы о пророкахъ, будучи помѣщены въ отдѣлъ Синодика противъ иконоборцевъ, оказались не вставленными въ отдѣлъ о богомилахъ для избѣжанія повтореній. Но если представлять себѣ ходъ дѣла такимъ образомъ, то возникаетъ предположеніе о томъ, нѣтъ ли другихъ точекъ соприкосновенія между иконоборствомъ и богомильствомъ, и нельзя ли оба эти движенія связать вмѣстѣ и изучать одно при помощи другаго. Но это—задача будущаго изслѣдованія по иконоборческому вопросу, которой здѣсь не беремъ на себя.

Время царя Мануила было богато религіозными спорами, поставивъ на очередь важныя догматическіе вопросы, въ толкованіи коихъ не могли согласиться греческіе богословы. Вопросъ о лицѣ Іисуса Христа и о безкровной жертвѣ, принесенной Богочеловѣкомъ за грѣхи всего міра и ежедневно совершаемой въ таинствѣ евхаристіи, явился камнемъ преткновенія для многихъ. Результаты церковныхъ споровъ выразились въ наслоеніяхъ редакціи Синодика, который къ концу XII вѣка получилъ весьма значительное приращеніе. За попытку выяснить значеніе догмата о лицѣ Христа по отношенію къ Богу Отцу подверглись отлученію въ разное время слѣдующія лица: 1) Миха-

¹⁾ *Православный Собесѣдникъ*, II, стр. 88, 324 — 325. Между прочимъ, слѣдуетъ сдѣлать поправку въ текстъ: не можетъ стоять „разлучимую Троицу“, а неразлучную (ἀδιαίρετον).

илъ, магистръ риторовъ, діаконь Великой церкви; 2) Никифоръ Василяки, діаконь Великой церкви; 3) Евставій, митрополитъ Драча; 4) Сотирихъ, діаконь, избранный въ патриархи Антіохіи, прозванный Пантевгенъ; 5) Іоаннъ Иреникъ; 6) Константинъ, митрополитъ Керкирскій. Уже перечисленіе этихъ именъ показываетъ, что въ XII вѣкѣ господствующему ученію угрожала весьма серьезная опасность, потребовавшая всей энергіи царя Мануила и всей строгости церковнаго суда. Въ XII вѣкѣ Синодикъ внесъ на свои страницы 6 новыхъ именъ; на сколько извѣстно, послѣ XII вѣка такого приращенія Синодикъ не получалъ, ибо позднѣйшія редакціи присоединяютъ только еще три имени: Варлаама, Акиндина и Исаака Аргира. Для историческаго и литературнаго изученія содержанія Синодика наслоенія XII вѣка имѣютъ особую важность, такъ какъ сохранились соборные акты, въ которыхъ изложены обстоятельства дѣла съ довольно значительною полнотой. На основаніи соборныхъ актовъ является возможность выяснитъ не только ученіе лицъ, подвергшихся анаеміи, но—что въ особенности важно—форму церковнаго суда и отношеніе синодика къ официальному акту, то-есть: въ какой формѣ вносились въ Синодикъ новыя статьи, какъ онѣ редактировались, кто ихъ составлялъ и т. п. Словомъ, получается возможность рѣшить до нѣкоторой степени вопросъ объ личномъ авторствѣ или о субъективномъ творчествѣ въ Синодикѣ. Само собой разумѣется, еслибы оказалось, что каждая новая статья вносится въ Синодикъ на основаніи соборнаго постановленія, и вносится въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ записано въ протоколахъ собора, то въ этомъ уже мы имѣли бы достаточное основаніе къ утверженію, что и тѣ статьи синодика, для которыхъ не можетъ быть подыскано соборное опредѣленіе, тѣмъ не менѣе должны считаться имѣющими авторитетъ соборный. Какъ видно будетъ ниже, вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ именно въ томъ смыслѣ, что все содержаніе синодика основывается на соборномъ авторитетѣ.

Но, прежде чѣмъ входить въ доказательства, позволимъ себѣ бросить общій взглядъ на религіозное движеніе второй половины XII вѣка, которое, какъ оказывается, волновало умы чуть ли не въ той же степени, какъ и вопросъ о почитаніи иконъ. Если разсматривать въ отдѣльности всѣ случаи осужденія не правомыслящихъ въ царствованіе Мануила Комнина и въ ближайшее затѣмъ время, то получимъ довольно односторонній взглядъ на самую сущность умственнаго и религіознаго движенія. И прежде всего, за догматическими положеніями, выста-

вленными въ протоколахъ соборовъ, мы не усмотримъ мотивовъ, которые привели осужденныхъ къ неправымъ мнѣніямъ, затѣмъ рискуемъ, по примѣру православныхъ современниковъ ихъ и ревистелей о чистотѣ ученія, оставить безъ вниманія всѣ философскія основанія, которыми подтверждались отвергнутыя церковью религіозныя ученія; наконецъ, потеряемъ историческую и литературную канву, по которой развиваются эти ученія. Историческое изученіе религіозныхъ и умственныхъ движеній XII вѣка, напротивъ, должно привести къ убѣжденію, что они, съ одной стороны, имѣютъ свои корни и логическія послышки въ движеніяхъ предыдущихъ эпохъ, съ другой же стороны, что на нихъ опираются литературныя явленія, также въ свое время отвергнутыя церковью, послѣдующаго времени. Словомъ, по нашему мнѣнію, изслѣдователю Синодика предстоитъ не только констатировать фактъ примѣненія церковнаго авторитета къ мнѣніямъ, нашедшимъ себѣ мѣсто въ этомъ памятникѣ, но и показать генетическое развитіе и связь между этими мнѣніями, и представить ихъ какъ болѣе или менѣе послѣдовательное выраженіе философствующей мысли въ Византіи. Осужденные въ XII вѣкѣ митрополиты, епископы и діаконъ, предъ которымъ открывалась высшая карьера, безъ сомнѣнія, не выступали прямо и непосредственно съ несогласными съ церковными ученіями выводами о таинствѣ евхаристіи или о природѣ лица Іисуса Христа. Эти выводы были сдѣланы, можетъ быть, не ими самими и составляли естественное заключеніе изъ ихъ философскихъ воззрѣній. Такъ какъ обыкновенно за церковнымъ отлученіемъ слѣдовало уничтоженіе и самихъ сочиненій осужденныхъ лицъ, то только счастливая случайность могла сохранить до насъ кое-что изъ ученій византійскихъ еретиковъ.

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ религіозномъ движеніи XII в. находятся въ произведеніи, доселѣ еще не вполне изданномъ, Н. Акомината *Orthodoxiae Thesaurus*. Лучшая рукопись этого сочиненія находится въ Оксфордѣ ¹⁾, и давно бы заслуживала уже изданія, по крайней мѣрѣ, тѣхъ частей, которыя еще не изданы. Въ 27 томѣ Н. Акомината трактуетъ о догматѣ τὸν θεῖον ὑποτίθειν. Оказывается, что при Мануилѣ далеко не оконченъ былъ вопросъ объ этомъ догматѣ, хотя на соборѣ и были отлучены упомянутыя выше лица. Онъ продолжалъ волновать умы при Алексѣѣ II, Андроникѣ, Псаакѣ Ангелѣ и Алексѣѣ III, при которомъ снова былъ созванъ соборъ,

¹⁾ *Man. Roe*, № 22.

вновь отлучившій отъ церкви уже новыхъ приверженцевъ неправильнаго мнѣнія. Несомнѣнно вытекаетъ далѣе, что оба мнѣнія, отлученныя при Мануилѣ: и неправильное толкованіе словъ „Отець мой болій Мене есть“, и неправильное пониманіе словъ „приносяй“ и „приносимый“ — въ сущности тѣсно связаны между собой и утверждаютъ на одномъ философскомъ воззрѣніи. Приверженцы этого воззрѣнія были опять-таки между высшими духовными лицами и среди образованныхъ свѣтскаго званія. При Исаакѣ противоположное мнѣніе грозило одержать верхъ, и была даже мысль стереть съ доски догматъ Мануила и начертать его въ новыхъ термипахъ. Болѣе крупнымъ представителемъ этого не православнаго ученія при Алексѣѣ Никитѣ выстаетъ пѣкогго Сикидита, сообщая объ немъ нѣсколько подробностей. Сикидитъ былъ ученый мужъ, занимавшійся астрологіей и предсказывавшій судьбу людей. Это даетъ поводъ писателю бросить противъ него упрекъ въ волшебствѣ—упрекъ довольно общаго характера, отъ котораго несвободны всѣ почти выдающіеся дѣятели этой эпохи. Но любопытнѣе то, что по поводу Сивидита писатель сообщаетъ и другія философскія воззрѣнія его. Сущность ихъ заключается въ томъ, что человекъ сотворенъ чистымъ отъ грѣха и надѣленъ былъ вначалѣ нетлѣніемъ, лишенъ же этихъ совершенствъ божественной природы послѣ грѣхопаденія. Въ приложеніи къ таинству евхаристіи онъ училъ, что тѣло и плоть, принимаемыя въ причащеніи, есть тлѣнная плоть и образуетъ только жертву. Какъ бы ни были скудны эти сообщенія объ ученіи Сивидита, они выясняютъ ту мысль, что ученіе о таинствѣ евхаристіи стоитъ въ связи съ воззрѣніемъ на актъ творенія и на природу человека при сотвореніи его. Если же такъ, то движеніе XII в. подаетъ руку теоріямъ XI в. о двойственномъ началѣ въ твореніи, о роли творца и діавола.

Точно обозначить элементы, приввошедшіе въ Синодикъ въ царствованіе Мануила, помогаетъ уже то, что независимо отъ лѣтописи Н. Акомината и I. Киннама мы имѣемъ нѣсколько современныхъ изложеній богословской борьбы XII вѣка. Главное мѣсто между этими послѣдними принадлежитъ изложеніямъ исторіи соборовъ, занимавшихся установленіемъ церковнаго ученія о природѣ Богочеловѣка. Мы и займемся прежде всего этими изложеніями.

Они обыкновенно называются соборными актами и заимствуются изъ не вполне напечатаннаго сочиненія Н. Акомината *Thesaurus orthodoxiae*. Сначала изданные у Анжело-Ман¹⁾, потомъ пере-

¹⁾ *Spicilegium Romanum*, t. X.

печатанные въ Патрологіи аббата Минна ¹⁾, эти акты тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что съ помощью ихъ представляется возможнымъ установить вопросъ о степени зависимости Синодика отъ официальныхъ актовъ, такъ какъ здѣсь можно дѣлать сравненіе редакціи одной и той же статьи по Синодику и по соборнымъ актамъ, чего нельзя дѣлать въ другихъ случаяхъ.

Въ царствованіе Мануила Комнина, читаемъ въ актахъ, возникли сомнѣнія и споры по поводу словъ, читаемыхъ на литургіяхъ Василія Великаго и Іоанна Златоуста: *Ὁ πατήρ ὁ προσφύρων καὶ προσφύρομενος καὶ προσδύρομενος*. Одни говорили, что крестная жертва принесена была только Отцу и Духу, а не самому Слову, принесшему себя въ жертву, утверждая, что въ противномъ случаѣ Сынъ Божій раздѣлился бы на два лица. Другіе же доказывали обратное мнѣніе, что крестная жертва принесена и Сыну, какъ не раздѣльному въ Святой Троицѣ. Къ первому мнѣнію примкнули лица, извѣстныя своей ученостью. Это были: діаконъ Сотиріхъ Паптовгенъ, назначенный на антиохійскую кафедру, краспорѣчивый ораторъ и ученый, перешедшій уже за шестьдесятъ лѣтъ, Евстаѳій диррахійскій, Пикифоръ Васиакіи и Михаилъ Солупскій, за что всѣ они и подверглись церковному отлученію. Одни изъ нихъ затаили въ сердцѣ недовольство и открыто не выражали своихъ мнѣній, Сотиріхъ же рѣшился письменно изложить свои взгляды ²⁾, съ каковою цѣлью и составилъ діалогъ, который затѣмъ и приводится въ актахъ. *Филонъ*. Я узналъ, что на соборѣ два діакона поспорили изъ-за одного догмата, и что того и другаго поддерживали мужи, достигшіе вершины ученія. Какъ я ни старался, не могъ узнать доказательствъ той и другой стороны. Ты, достопочтенный отецъ, былъ на этомъ соборѣ? — *Сотиріхъ*. Былъ и хорошо слышалъ, что говорили тѣ и другіе. Но не могу сказать, чтобы мнѣ доставили удовольствіе бывшіе тамъ споры, ибо въ нихъ было больше задорной раздражительности, чѣмъ серьезнаго изслѣдованія; мнѣ досадно было на виновниковъ спора, что они сдѣлали предметомъ публичнаго обсужденія божественныя вещи, о которыхъ приличнѣй было бы молчать: того требуетъ и необъяснимая природа ихъ, то же внушаютъ и совѣты святыхъ отцовъ. Чтобы кратко обозначить сущность вопроса, скажу: рѣчь шла о воспринятой Словомъ природѣ и о томъ, что кровь Его принесена въ жертву не одному

¹⁾ *Migne*, t. 140, col. 138; ap. *Tafel*, Supplementa historiae ecclesiasticae Graecorum Sec. XI, XII.

²⁾ Col. 140 λογισματικὸν τὸ δόγμα.

Отцу, но и божеству Единороднаго. Это мнѣніе смутило какъ многихъ другихъ, такъ и мужей отличныхъ по добродѣтели и просвѣщенію, ибо оно не только противорѣчитъ основамъ нашей вѣры, но и вводитъ Несторіево раздѣленіе. Въ самомъ дѣлѣ, если одна природа приноситъ жертву, другая же принимаетъ, то необходимо заключить, что и приносящая, какъ архіерей и жрецъ, есть ипостась и принимающая, какъ Богъ, жертву есть также ипостась. Но въ этомъ-то и состоитъ страшная ересь Несторія. *Филонъ* проситъ предварительно объяснить, какимъ путемъ и какими доказательствами подразумеваемый еретикъ подтверждаетъ эту мысль. *Сотирихъ*. Свое сеченіе онъ обставилъ равными доказательствами, но я не могу всего упомянуть. Если, говорить, Богъ Слово всякую жертву освящаетъ и усовершенствуетъ, то конечно самъ же освятить и привошепіе своей плоти. На какъ иначе освятить какъ не тѣмъ, что принесъ себя своему божеству?—Не приводя всего содержанія документа, который собственно и послужилъ на соборѣ обвинительнымъ пунктомъ противъ Сотириха, хотя онъ выводится здѣсь защитникомъ церковнаго мнѣнія противъ еретическаго, обратимъ вниманіе на нѣкоторыя мѣста, могущія ознакомить съ опасною почвой, на которой Сотирихъ держался. „Ты ошибаешься вдвойнѣ, говоритъ Сотирихъ своему собесѣднику, и тѣмъ что раздѣляешь нераздѣльную природу присущую я тебѣ, и тѣмъ что приписываешь естествомъ свойства ипостасей. Кромѣ того, изъ общности природы Сына и Отца слѣдуетъ и общность принятія жертвы, а отсюда необходимый выподъ къ общности воплощенія для того и другаго, ибо если воплотилось божество Слова, то вслѣдствіе тождества божества Отца и Духа необходимо заключать къ воплощенію Отца и Духа. Видишь, къ какому целѣпому выводу приходишь ты на основаніи моихъ словъ“. Другое мѣсто читается ниже: „Подобно тому какъ древнія событія можно обповлать и представлять въ воображеніи или образно въ видѣ настоящихъ, такъ и то воспоминаніе, которое повелѣлъ Спаситель совершать; и какъ ораторскій пріемъ узаконилъ говорить о прошедшихъ событіяхъ какъ о настоящихъ, когда совершается память объ нихъ,—ибо въ переносномъ смыслѣ принято говорить Христосъ рождается, крестится—такъ вошло въ обычай поступать и относительно спасительной страсти“. Оставляя пока въ сторонѣ догматическую часть документа, обратимся къ формальной сторонѣ напечатанныхъ Анжело-Май матеріаловъ. То, что мы видѣли до сихъ поръ, не имѣетъ ничего общаго съ соборными протоколами. Это есть истори-

ческое изложеніе вопроса съ цитатами изъ документовъ, а не самыя документы, то-есть, не соборный актъ. Если соборъ, о которомъ будетъ сейчасъ рѣчь, созванъ былъ въ 1156 году, 26-го января индикта 4-го¹⁾, то въ какомъ хронологическомъ къ нему отношеніи находится діалогъ Сотириха? Составленъ ли онъ раньше или послѣ этого собора? Соображеніе это тѣмъ болѣе имѣетъ мѣста, что въ началѣ изложенія вопроса Н. Акоминатъ предполагаетъ уже отлученными отъ церкви тѣхъ лицъ, которыя держались неправославнаго мнѣнія, и что Сотирихъ написалъ свой діалогъ уже послѣ этого собора. Независимо отъ сказаннаго, разсмотрѣніе матеріала, принимаемаго за акты собора 1156 года, должно приводить къ заключенію, что мы имѣемъ дѣло не съ однимъ соборомъ, а съ двумя, отдѣленными по крайней мѣрѣ годичнымъ срокомъ.

Первый²⁾ состоялся по спеціальному поводу, представленному запиской русскаго митрополита Константина, который предъ удаленіемъ на кафедру желалъ знать мнѣніе константинопольской церкви по отношенію къ толкованію словъ: Ты еси приносяй и приносимый. На этомъ соборѣ, имѣвшемъ два засѣданія, принято мнѣніе русскаго митрополита, что „животворящая жертва и въ началѣ и во все время до нынѣ приносилась не одному безначальному Отцу Единороднаго, но и самому воочеловѣчившемуся Слову и св. Духу, въ триничности лицъ участвующему въ жертвѣ“. Поддерживавшими противоположное мнѣніе здѣсь являются два лица: протекдикъ Михаилъ Солунскій и епископъ Драча. Но и они оба, когда соборъ предложилъ имъ окончательно высказаться, остаются ли они при прежнемъ мнѣніи, или же раздѣляютъ толкованіе большинства, высказались въ пользу мнѣнія русскаго митрополита. Епископъ Драча просилъ было дать ему письменное изложеніе обсуждаемаго вопроса и высказанныхъ на соборѣ мнѣній, дабы имѣть возможность обсудить ихъ на досугѣ и сличить съ святоотеческими сочиненіями, но просьба его не была уважена. На засѣданіи была прочитана записка съ изложеніемъ мнѣній св. отцовъ церкви въ подтвержденіе принятаго соборомъ толкованія словъ „приносяй и приносимый“, послѣ чего драчскій епископъ заявилъ, что онъ удовлетворенъ и принимаетъ соборное мнѣніе. Казалось бы, этимъ дѣло и могло кончиться, но въ изложеніи этого собора находимъ прибавку, которая свидѣтельствуетъ,

¹⁾ Col. 148, 153.

²⁾ Σημείωμα, col. 148.

что Н. Акоминать сообщалъ только извлеченіе изъ актовъ, допустивъ въ нихъ сокращенія.

Соборъ все-таки подвергъ осужденію виновниковъ этой зловерной ереси, кто бы они ни были, если останутся въ своемъ заблужденіи; раскаявшихся же допустилъ къ общенію подѣ условіемъ соблюденія каноническихъ правилъ ¹⁾. Кого собственно постигло отлученіе, этого нельзя сказать опредѣленно, но можно догадываться, что главнѣйше упомянутыхъ двухъ лицъ: епископа Драча и Михаила солунскаго. И во всякомъ случаѣ весьма сомнительно, чтобы въ 1156 году подвергся осужденію Сотирихъ ²⁾. А такъ какъ діалогъ Сотириха предполагаетъ уже въ прошедшемъ соборъ и осужденіе нѣкоторыхъ лицъ, то мы безъ колебанія должны его отнести къ ближайшему времени за соборомъ, бывшимъ въ январѣ 1156 года. Ближайше о времени его происхожденія можемъ судить на основаніи нижеслѣдующаго.

Вторая часть матеріаловъ, сообщаемыхъ у Анжело-Мая, открывается соборомъ на Сотириха, бывшимъ 12-го мая, индикта 5. Указаніе индикта даетъ понять, что это было 12-го мая 1157 года, и что здѣсь мы имѣемъ другой соборъ, созванный для обсужденія того же вопроса, что и предыдущій. Въ самомъ изложеніи происходившаго на этомъ второмъ соборѣ находимъ доказательство тому. Такъ, прежде всего на немъ подтверждены были опредѣленія перваго собора, какъ отдѣльнаго церковнаго акта ³⁾; затѣмъ этотъ соборъ не занимается ни епископомъ драчскимъ, ни Михаиломъ солунскимъ, вниманіе его обращено на Никифора Васлаки и Сотириха; наконецъ, во мѣнѣи, поданномъ константинопольскимъ патріархомъ, встрѣчаемъ любопытное указаніе, что Сотирихъ уже *два года упростауетъ* въ неправославномъ мѣнѣи, не скрывая этого ⁴⁾, а епископъ адрианопольскій, какъ на усиливающее вину Сотириха обстоятельство, ссылается на то, что онъ перешелъ уже за

¹⁾ Col. 153 τὸς τῆς κακοδόξου ταύτης ὀρθοκείας γεννήτορας, οἵτινες ἂν καὶ εἴεν, εἰ μὴν ἐμμένοντες τῇ σφετέρᾳ καὶ ἐτι αἰρέσει ἀναθέματι καθολικῶν γραφῶν.

²⁾ Соборъ 1156 года цитуетъ въ числѣ отеческихъ мѣнѣи и сочиненіе Евстратія Никейскаго, см. col. 173; также 4 статья изъ синодика эпохи иконоборцевъ, см. col. 176.

³⁾ Col. 181 αὐτὰ ἐκεῖνα καὶ νῦν ἡμοφρονοῦντες ἐπικρατόμενοι ἃ καὶ τῷ γινόμενῳ συνοδικῷ σημείωματι κατὰ τὴν καὶ τοῦ Ἰαννουαρίου μηνὸς τῆς ἡδὴ παρελθούσης τεταρτῆς ἐπινημήσεως...

⁴⁾ Col. 192 ὡς ἐπὶ δύο ἡδὴ χρόνους οὐ κρύφα οὐδ' ἐν γονίᾳ, ἀλλὰ φανερώς κατὰ τοῦ ὀρθοῦ κληρονομούμενος δόγματος.

шестидесятилѣтній возрастъ, получилъ извѣстность за свои ученыя сочиненія и что написалъ по этому вопросу *сочиненіе полное богохульства и нечестивыхъ нелюбовей* ¹⁾). Это послѣднее указаніе даетъ возможность приурочить написаніе діалога Сотирикомъ ко времени между первымъ и вторымъ соборомъ. Съ другой стороны, имѣи въ виду, что Сотирихъ и Н. Василяки участвовали на второмъ соборѣ какъ члены, пользовавшіеся полными правами, должно заключать, что первый соборъ не имѣлъ къ нимъ отношенія и что осужденіе его простиралось только на двухъ лицъ.

Для критики относящихся сюда событій не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія, что Анжело-Ман и здѣсь издаетъ не соборные акты, а исторію собора, что видно изъ способа изложенія ²⁾, который выдаетъ далеко не дипломатическую точность передачи.

Итакъ, уже послѣ написанія Сотирикомъ извѣстнаго діалога, въ которомъ онъ высказался за мнѣніе, осужденное первымъ соборомъ, созванъ былъ новый соборъ, имѣвшій задачей вновь обсудить тотъ же самый вопросъ. Въ первомъ его засѣданіи установлено было, что нѣкоторые духовныя лица неправильно понимаютъ и объясняютъ извѣстныя слова „приносая и приносимый“, раздѣляя на два Богочеловѣка Христа. Когда стали отбирать голоса, начиная съ чина діакона, то диаскала апостоловъ Н. Василяки первый выступилъ съ особымъ мнѣніемъ, не соглашаясь съ общимъ ученіемъ. Затѣмъ спрошенъ былъ Сотирихъ. Въ изложеніи всей части, касающейся этого предмета, нашъ источникъ никакъ не можетъ быть разсматриваемъ, какъ соборный протоколъ. Ибо въ передачѣ отвѣта Сотириха мы имѣемъ не его собственныя слова, а комментарий на нихъ. Вотъ тутъ то, говорится въ нашемъ изложеніи, и открыто было, чего искали,—въ протоколахъ, конечно, неумѣстыя эти слова ³⁾.

Какъ можно заключать, Сотирихъ требовалъ времени обдумать предложенный ему вопросъ, но соборъ не уступилъ его просьбѣ и требовалъ категорическаго заявленія: считаетъ ли онъ, что жертва была принесена и приносится Троицѣ, или же одному Отцу. Но Сотирихъ далъ уклончивый отвѣтъ, который можно было толковать

¹⁾ Col. 193 και λόγον συγγραφεύμενον πλήρη βλασφημιῶν και ἀποφημιῶν δυσσεβῶν.

²⁾ Col. 185 ταῦτα μὲν οὖν ἐκ πολλῶν ὀλίγα παρὰ τῶν θείων πατέρων ἐρανισάμενοι—τῇ παρούσῃ γραφῇ ἐνετάξαμεν τὸ μήκος τοῦ λόγου ἐκφεύγοντες; col. 187: ταῦτα μὲν ὁ Ἀντιοχείας, ἵνα μὴ, τὸ καθ' ἕλαστον τῶν παρ' αὐτοῦ λαχθέντων ἐπεξίδντες, ἐπὶ πολὺ τὸν λόγον ἐκτείνωμεν.

³⁾ Col 188. ἐνταῦθα μᾶλλον ἢ ἰδεῖν τὸ ζητούμενον εὐρίσκόμενον.

различно ¹⁾. Тогда самъ царь сталъ говорить о догматѣ, убѣждая Сотириха отказаться отъ своего упорства и не вводить раздѣленія въ церкви. Упорство Сотириха было, наконецъ, поколеблено, и онъ рѣшился дать письменное заявленіе, что отказывается отъ своего прежняго мнѣнія, присоединяется къ принятому соборомъ ученію и подвергается отлученію тѣхъ, кто не согласенъ съ соборнымъ опредѣленіемъ.

Здѣсь въ особенности приходится пожалѣть объ утратѣ подлинныхъ актовъ. Практика церкви обыкновенно была такова, что раскаявшіеся еретики снова принимаемы были въ общеніе, даже во время иконоборческаго періода почти постоянно оказывалось снисхожденіе къ раскаявшимся. Особенная строгость по отношенію къ Сотириху ничѣмъ не объяснена въ сохранившемся изложеніи. Не видно, кто и почему поднялъ вопросъ о томъ, достоинъ ли Сотирихъ оставаться въ духовномъ санѣ; императоръ совершенно уклонился отъ дальнѣйшихъ преній по этому вопросу, предоставивъ собору рѣшить послѣднее предложеніе по каноническимъ правиламъ. Семь членовъ собора просили отложить дѣло до слѣдующаго засѣданія, но большинство высказалось въ томъ смыслѣ, что Сотирихъ долженъ быть лишенъ священнаго сана.

Слѣдующее засѣданіе состоялось 13-го мая. Въ этомъ засѣданіи пужно было подписать протоколъ 12-го мая, но дѣло усложнялось изъ неприбытіемъ Сотириха. Къ нему отправлена была соборная коммиссія съ письменнымъ предложеніемъ явиться на соборъ и съ предупрежденіемъ, что въ противномъ случаѣ протоколъ будетъ заслушанъ и безъ него. Здѣсь интересно одно обстоятельство, имѣющее значеніе для хронологіи. Императоръ особенно желалъ скорѣйшаго окончанія дѣла, ибо *стыдилъ съ походы* ²⁾. Но коммиссія не имѣла уснѣха, Сотирихъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ быть на соборѣ ни сегодня, ни завтра, ибо его мучить горячка. Вслѣдствіе этого соборъ заслушалъ протоколъ предыдущаго засѣданія и скрѣпилъ его своею подписью. Отлученіе Сотириха, такимъ образомъ, окончательно состоялось 13-го мая 1157 года.

Приведенныя соображенія подтверждаются историко-литературными данными, касающимися жизни и дѣятельности церковнаго пи-

¹⁾ Col. 188 οὐτε μόνω ἔλεγε τοῦτω προσάγεσθαι, οὐτε οὐ μόνω.

²⁾ Col. 197 κατεπειγόμενος γὰρ ὁ θεοπρόβλητος καὶ κράτιστος ἡμῶν αὐτοκράτωρ ἐξελεῖν εἰς τὴν προχειμένην αὐτοῦως σὺν θεῷ ἐκστρατείαν—οὐκ ἔχει πλέον ἀναρτᾶν τὴν ἐξέλευσιν.

сателя Николая Меонскаго. О жизни его имѣются однако весьма скудныя данныя, получившія въ недавнее время значительное ослѣпленіе чрезъ изданіе его мелкихъ сочиненій. Епископъ города Меоны въ Пелопоннесѣ, Николай извѣстенъ, какъ ревностный обличитель неправыхъ церковныхъ мнѣній, народившихся въ царствованіе Манула Комнина; его церковныя слова и обличенія показываютъ въ немъ не только хорошаго богослова, но и человѣка философски образованнаго. Принявъ горячее участіе въ борьбѣ противъ заблужденія Сотириха, Николай посвятилъ толкованію словъ „Ты еси приносяй и приносимый“ четыре сочиненія, хранящіяся въ Московской Синодальной библиотекѣ и изданныя архимандритомъ Димитракопуло ¹⁾. Полагали, что жизнь Николая Меонскаго падаетъ на вторую половину XII вѣка, и видѣли основанія къ тому въ актахъ Константинопольскаго собора 1166 года, въ которыхъ есть его подпись ²⁾; но по изслѣдованіямъ о. Димитракопуло оказывается, что въ актахъ находится ими Николая не изъ Меоны, а изъ Меонини (Μεθύνης). Усматривая далѣе, что нашъ писатель уже въ 1156 и 1157 годахъ былъ въ преклонномъ возрастѣ ³⁾, можно думать, что онъ не дожилъ до 1166 года и что время его дѣятельности падаетъ на первую половину XII вѣка.

Какъ сказано выше, четыре его сочиненія прямо касаются непросовъ, волновавшихъ церковь въ 1156—1157 годахъ. Особенно любимы для насъ: Обличеніе на Сотириха (ἀντίρρησις) и Слово къ Манулу Комнину. Въ первомъ писатель между побудительными причинами, заставившими его выступить противъ новаго догмата, указываетъ на то, что „онъ сталъ теперь предметомъ разговоровъ и споровъ въ публичныхъ мѣстахъ, что нѣкоторые осмѣлились даже письменно изложить нечестивое мнѣніе и смѣло явиться на засѣданіе собора“. Отсюда можно заключить, что Обличеніе появилось вскорѣ послѣ собора 1156 года. Обличитель смотритъ на ученіе Сотириха, какъ на чуждое, не туземное ученіе ⁴⁾. Это нѣсколько странное притязаніе имѣетъ себѣ объясненіе въ дальнѣйшихъ словахъ Обличенія,

¹⁾ *Bibliotheca ecclesiastica* 1, p. 293, 321 и отдѣльно изданные тѣмъ же Димитракопуло Λογοὶ δύο (Лейпцигъ, 1865).

²⁾ *Allatius*, De perpetua convenione, lib. 11, c. 12, p. 689.

³⁾ Δημητράκοπουλος, Λογος, p. 10 και ἄθρα: τον πολισν μὲν τὴν τρίχα και γηραιὸν τὸν χρόνον ἐμέ, μικρὸν δὲ τὴν ἡλικίαν ἐν τοῖς ἀδελφοῖς μου τοῖς ἐπισκόποις.

⁴⁾ Λόγος, p. 10 ὁ Κύριος... και τὴν ἐμὴν ἀσθένειαν ῥώσειε καὶ παραθάρρυνωὶ ἐξελθεῖν εἰς συνάντησιν τῷ τὴν ἀλλόφυλον δόξαν παραδοξίσαντι.

гдѣ писатель ведетъ рѣчь о платонизмѣ и аристотелизмѣ. Съ точки зрѣнія нашего автора, заблужденіе Сотиріа имѣетъ причину въ усвоеніи платоновскаго ученія объ идеяхъ ¹⁾).

Относящееся сюда мѣсто читается такъ: „Но кто же, спросимъ и мы, говоря о чистыхъ и нематеріальныхъ сущностяхъ, сталъ бы мыслить ихъ дѣйствующими по себѣ и утверждать, что одна изъ нихъ приноситъ, а другая принимаетъ приносимое и при томъ это послѣднее есть кровь приносящей? Это отзывается болѣе позволительнаго ученіемъ о безтѣлесной идеѣ. Превосходнѣйшій изъ греческихъ мудрецовъ Платонъ воображаетъ нѣкоторыя идеи, такъ представляя себѣ роды и виды, и виды въ нихъ то всеобщія, то частныя эпады; но однако же онъ не принимаетъ ихъ въ томъ смыслѣ, какъ ты, новый философъ. Далеко нѣтъ. Онъ представляетъ ихъ какъ первыя самобытныя сущности или естества (αὐτοπρεσβύτοι οὐσίαι αἰτοῦν φύσεως), и именно всеобщія, изъ которыхъ доказываетъ происхожденіе частныхъ (то-есть, сущностей) и называетъ ихъ богами первыми и вторыми и отъ нихъ уже, говорить, происходятъ прочее. Но эту теорію Платона достаточно опровергъ скоро за нимъ слѣдовавшій по времени великій мудрецъ Аристотель, который удачно назвалъ болтовней приведенное мнѣніе Платона объ этихъ идеяхъ, нисколько не содѣйствующей къ понятію сущаго и представляющей лишь пустые звуки, которые не могутъ образовать гармоніи. Вслѣдствіе чего приверженцы перипатетической школы держались мнѣнія, что эти идеи суть простыя отвлеченія мысли“. Приведенный отрывокъ не оставляетъ никакого сомнѣнія, что догматическіе вопросы о таинствѣ Евхаристіи и вообще богословская борьба времени Мануила въ томъ и имѣла свою реальную силу и важность, что исходила изъ философскихъ принциповъ. На основаніи сказаннаго можно заключать, что Сотиріахъ и его приверженцы съ одной стороны, Николай Меонскій и защитники церковнаго ученія съ другой—являются въ Византіи пріазителями школъ номинализма и реализма.

Недавно въ нѣмецкомъ церковно-историческомъ журналѣ, издаваемомъ Бригеромъ, помѣщено было изслѣдованіе о Николаѣ Ме-

¹⁾ Ἀντίρρησις, р. 324; Λογος р. 13 Ἰδέας μὲν γὰρ τινὰς ἀναπλάττει Πλάτων—ὅτι τὰ τάχα τὰ γένη καὶ τὰ εἶδη καλῶν ὄντων καὶ τούτων τὰς μὲν καθολικωτέρας τὰς δὲ μερικωτέρας ἐνάδας φησὶν... Ἄλλὰ ταύτην τὴν Πλάτωνος δόξαν ἀρκοῦντος ἀνέγραψεν ὁ... Ἀριστοτέλης, ὃς καὶ τερατίσματα τοὺς περὶ τῶν ἰδεῶν τούτων λόγους τοῦ Πλάτωνος εὐστόχως ἀνόμασεν, ὡς μὴδὲν πρὸς κατάληψιν τοῦ ὄντος συντείνοντας.

еонскомъ, принадлежащее ученому Дрезеке ¹⁾). На основаніи изученія сочиненій Николая нѣмецкій ислѣдователь приходитъ къ заключенію, что нашъ писатель не дожилъ до 1166 года, что, напротивъ, его сочиненія вообще касаются церковныхъ вопросовъ, обращавшихъ на себя вниманіе въ первую половину XII вѣка. Единственнымъ возраженіемъ противъ этой мысли могло бы служить сочиненіе, посвященное объясненію словъ: „Когда же все покоритъ Ему, тогда и самъ Сынъ покорится покорившему все ему“ (Коринт. 1, гл. 15, ст. 28) ²⁾). Несомнѣнно, что это сочиненіе болѣе тѣсно связано не съ заблужденіемъ Сотиріа, а съ вопросомъ, разрѣшеннымъ на соборѣ 1166 года, когда вниманіе было сосредоточено на толкованіи словъ: „Отецъ мой болій Мене есть“. Но возраженіе терлетъ свое значеніе, если принять во вниманіе, что равномыслия по поводу пониманія послѣднихъ словъ заявили себя раньше 1166 года, что волненіе умовъ не улеглось и послѣ собора, а продолжалось до конца столѣтія ³⁾).

Дрезеке находитъ, что сочиненія Николая Меоонскаго могутъ служить прекрасной иллюстраціей къ рѣчи Евстаѳіа Солунскаго въ честь Мануила Комнина, что нѣкоторыя сочиненія Николая относятся по происхожденію своему къ первой половинѣ столѣтія. Сюда относятся „Опроверженіе Прокла“ ⁴⁾, въ которомъ дѣлается почетное упоминаніе объ Евстратіи Никейскомъ, точно также сюда относятся сочиненія его противъ латинянъ; эти сочиненія составлены въ 30-хъ годахъ XII вѣка. Если это такъ, то, безъ сомнѣнія, Николай Меоонскій принималъ участіе въ полемикѣ противъ посла императора Лотаря III Ансельма Гавельбергскаго, бывшаго въ Константинополь въ 1136 году. Такимъ образомъ, нашъ писатель въ ранній періодъ своей дѣятельности защищалъ тѣ же интересы и по тому же поводу, что Никита Пекторать, Нилъ Доксопатръ и другіе.

О Сотиріихъ современники говорятъ какъ о человѣкѣ весьма образованномъ, гордомъ и надменномъ своими знаніями. О товарищѣ его Никифорѣ Васиlaki, раздѣлявшемъ его мнѣнія и тоже подвергшемся отлученію отъ церкви, мало сохранилось извѣстій. Но нельзя не отмѣтить ту любопытную черту, что византійское духовенство стояло на

¹⁾ *Zeitschrift für Kirchengeschichte*, B. IX, H. 2, 3—4, Gotha 1887 (*Dräseke, Nikolaus v. Methone*).

²⁾ *Bibl. ecclesiastica*, I, p. 293.

³⁾ *Cinnamus*, ed. Bonn. p. 256 ἐπὶ δὲ καὶ γὰρ ἐν αὐτῶν παρετάτο κύκλους τὰ τῆς ἀμφισβητήσεως.

⁴⁾ Ἀνάπτυξις τῆς θεολογικῆς στοιχειώσεως Πρόκλου Πλατωνικοῦ φιλοσόφου.

высотѣ современнаго философскаго образованія и что большинство подвергшихся отлученію лицъ имѣютъ то или другое отношеніе къ высшей школѣ и высшему образованію. Васиlaki принадлежитъ родъ учебника, въ которомъ собраны образцы для занятій по исторіи, миологіи, риторикѣ и богословію¹⁾. Эти образцы, если только они дѣйствительно выражаютъ тогдашнюю постановку образованія въ школахъ, свидѣтельствуютъ о значительной свободѣ преподаванія и о большой устойчивости традиціи, противъ которой начата была борьба въ концѣ XI вѣка. Если высшіе свѣтскіе и духовные дѣятели занимающей насъ эпохи проходили тѣ школы, съ которыми мы знакомимся по лекціямъ М. Пселла²⁾ и по учебнику Васиlaki, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ XI и XII вѣкахъ такъ рѣзко заявляетъ себя духъ резонерства и публичныхъ диспутовъ, нашедшій себѣ примѣненіе въ вѣрученіи. Но что въ особенности замѣчательно,—школьные риторическіе приемы нерѣдко переносились въ церковь, и учителямъ риторики давались проповѣдническія каедръ³⁾. Такъ именно случилось съ Н. Васиlaki.

Въ числѣ важныхъ должностей въ константинопольской Софіи были должности толкователей евангелія и апостола. Около 1156 года каедръ евангелійская запята была знаменитымъ риторомъ Михаиломъ Солунскимъ, а каедръ апостольская Н. Васиlaki. О томъ и другомъ съ большою похвалою отзывается историкъ Н. Акоминать⁴⁾. Васиlaki, говоритъ онъ, толковалъ Павловы посланія къ церквамъ и блескомъ своего краснорѣчія выяснилъ тѣ апостольскія изреченія, которыя затемнены неясностью и преисполнены духовной глубины. Къ характеристикѣ Васиlaki мы позволимъ себѣ привести нѣсколько строкъ изъ его собственнаго предисловія къ сборнику его сочиненій⁵⁾. Изъ этого предисловія видно, что онъ былъ модный учитель риторики, къ нему толпой шли ученики, его стиль пользовался славою, такъ что его имя сдѣлалось знаменемъ партіи „Васиlaki“. Но когда онъ попалъ на луга божественной мудрости, съ нимъ случилось, какъ будто онъ поѣлъ лотоса. Я пришелъ во власть духа и

¹⁾ *Rhetores Graeci*, I, p. 421.

²⁾ См. у г. *Безобразова*.

³⁾ *Neumann*, Griechische Geschichtschreiber im XII Jahrh. Leipzig, 1888. S. 73—74.

⁴⁾ *Nicetas*, ed. Bonn. p. 276.

⁵⁾ *Miller*, Annuaire de l'association pour l'encouragement des études grecques en France 1873 p. 135.

услышалъ изреченіе: „блаженны печальные и горе смѣющимся, и я пробудился какъ бы отъ похмѣлья и бросилъ мои забавы въ огонь“.

Почти въ то же время возникъ вопросъ, волновавшій византийскую церковь и государство долгіе годы. Онъ имѣеть тѣсную связь съ разобраннѣмъ выше и касается также природы Христа: какъ понимать слова евангелія „Отецъ мой болѣе Мене есть“. Подлинныхъ соборныхъ актовъ не сохранилось и по отношенію къ этому вопросу, мы имѣемъ лишь изложеніе соборныхъ дѣяній 1166 года, принадлежащее Никитѣ Акоминату и изданное у Анжело-Май и въ Патрологіи Миня ¹⁾). Это изложеніе далеко не разрѣшаетъ многихъ затрудненій и, главнымъ образомъ, страдаетъ путаницей и умолчаніями или пропусками. Представимъ сначала анализъ переданнаго Н. Акоминатомъ матеріала.

Приступая къ изложенію происшедшаго на соборѣ, онъ обѣщаетъ сначала сказать о различныхъ мнѣніяхъ по объясненію словъ „Отецъ мой болѣе Мене есть“, потомъ привести мѣста изъ отцовъ церкви, далѣе постановленія собора, обстоятельства, послѣдовавшія за соборомъ ²⁾, наконецъ, привести взятъ императора. Уже самый планъ показываетъ, что авторъ намѣренъ издавать не акты, а исторію собора; но, удержавъ въ своемъ изложеніи форму протоколовъ, то-есть, распредѣливъ матеріалъ по засѣданіямъ, Н. Акоминатъ связалъ себя формой и перемѣшалъ протокольное изложеніе съ историческими комбинаціями.

Подъ рубрикою: засѣданіе первое—находимъ у него исторію вопроса. Въ двадцать третій годъ Мануила народился церковный вопросъ, который, начавшись съ малаго, подобно небольшой искоркѣ, раздутой вѣтромъ, развился до громадныхъ размѣровъ, увлекъ не только высшіе духовные чины, но и низшіе, коснулся сената и дворца и перешелъ къ простымъ людямъ. Вопросъ былъ о словахъ І. Христа, сказанныхъ ученикамъ въ ночь передъ страданіями: Иду ко Отцу, ибо Отецъ мой больше Меня,—въ какомъ смыслѣ нужно понимать эти слова?—Одни толковали эти слова такъ, другіе иначе. Послѣ уразумѣнія истиннаго смысла этого вопроса, неправильныя мнѣнія были преданы осужденію ³⁾. Эти послѣднія слова можно бы объяснить въ томъ смыслѣ, что соборъ 1166 года, къ изложенію котораго

¹⁾ *Angelo-Mai*, Script. veterum, t. IV; *Migne*, t. 140, col. 201.

²⁾ Col. 204.

³⁾ Col. 205 ἀπερ δὲ ταῦτα μετὰ τὴν ἀληθῆ τοῦ ζητουμένου γυναικὶ καὶ τῆς ἐκκλησίας ἐνωσιν καθυπεβλήθησαν ἀναθέματι.

приступаетъ авторъ, не былъ первымъ для рѣшенія этого спора. Ту же догадку могутъ подтверждать и слова Квиннама о томъ, что этотъ вопросъ полноваль церковь уже шесть лѣтъ, а равно и длинный перечень мѣстъ явъ отцовъ церкви, заслушанныхъ въ первомъ засѣданіи. Въ самомъ концѣ изложенія того, что происходило, повидимому, на этомъ первомъ засѣданіи ¹⁾, встрѣчаемъ дѣйствительные элементы протокола, которыми несомнѣнно начинались бывшіе въ распоряженіи автора соборные акты. Это, вопервыхъ, распоряженіе царя о созывѣ собора, перечисленіе, въ общихъ чертахъ, собравшихся членовъ, наконецъ, мѣсто засѣданій собора. Называя это мѣсто Мануиловымъ дворцомъ ²⁾, авторъ дѣлаетъ объ немъ интересное замѣчаніе, что на стѣнахъ его валь были мозаичныя изображенія военныхъ подвиговъ Мануила ³⁾. Таково содержаніе матеріала, помѣщеннаго подь первымъ засѣданіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что рубрика *засѣданіе первое* не подходитъ сюда, что она помѣщена здѣсь по недоразумѣнію. Собственно засѣданія собора открываются тѣмъ, что слѣдуетъ подь рубрикой *засѣданіе второе* ⁴⁾.

Нужно думать, что первое засѣданіе собора состоялось въ среду, 2-го марта, индикта 14, и здѣсь мы имѣемъ въ изложеніи Н. Акмината дѣйствительный протоколъ засѣданія съ перечнемъ всѣхъ членовъ собора, присутствовавшихъ на лицо. Это засѣданіе посвящено было изложенію мнѣній членовъ собора по спорному вопросу. Различаются мнѣнія большинства или мнѣнія православныя, и мнѣнія меньшинства, послѣднія названы *οἱ ἀσαρῶς γνωματεύσαντες* ⁵⁾. Меньшинство представляли слѣдующіе семь архіереевъ: Христофоръ мирскій, Іоаннъ ларисскій, Левъ родосскій, Левъ адрианопольскій, Евонмій новопатрскій, Іоаннъ ѳиванскій и Никита маронейскій. Но и названные архіереи присоединились къ большинству, такъ что засѣданіе окончилось къ полному торжеству господствующаго мнѣнія.

Слѣдующее засѣданіе происходило въ воскресенье, 6-го марта; здѣсь отобранны были подписи въ протоколу предыдущаго засѣданія.

¹⁾ Col. 236.

²⁾ Col. 236 ἐν τῷ μεγάλῳ παλατίῳ πορφυρομανουηλάτου τρικλινίου.

³⁾ Col. 236 ἐν ᾧ καὶ τῶν θυσαριθμῶτων κατορθωμάτων τοῦ αὐτοκράτορος βραχέ' ἄλλα παραλαβούσα ἢ ζωγράφος τέχνη ἐκ καταχρῶσεων ψηφίδων ποικιλοχρῶσις ἐτέρας ἐπιμιγνυμένων ἐνδιεγράφασθαι.

⁴⁾ Col. 236. Здѣсь уже слѣдуетъ форма протокола: ἐπὶ δὲ τούτοις καὶ τόμος ἐκτίθεται, τῆδε κατὰ ῥῆμα διεζιτών.

⁵⁾ Col. 249 ἡρωτήθησαν οἱ ἀσαρῶς γνωματεύσαντες.

Далѣе, сообщаемое авторомъ подъ рубрикой *засѣданіе четвертое*, не входитъ въ протоколы, а касается исторіи собора. Въ изложеніи Н. Акомината подъ засѣданіемъ четвертымъ читается: „Приближался день, въ который читается Синодикъ о возстановленіи святыхъ иконъ и о торжествѣ православія“. Легко допустить, что засѣданіе второе приходилось на воскресенье сырной недѣли (6-го марта), недѣля православія тогда падаетъ на 13-е марта. Этотъ расчетъ можетъ быть возможнымъ, если въ 1166 году пасха была около двадцатыхъ числа апрѣля. Но характерно въ изложеніи Н. Акомината то, что онъ приурочилъ къ торжеству въ недѣлю православія то, что составляетъ необходимый элементъ соборнаго дѣянія. Составлены четыре главы и вписаны въ синодикъ не ради недѣли православія, а копечю, новое соборное опредѣленіе прочитано было въ недѣлю православія 1166 года, увеличивши обычно читаемый въ церкви Синодикъ новыми четырьмя главами.

Не упомянувъ объ этомъ соборномъ опредѣленіи и излагая засѣданіе 6-го марта, писатель приводитъ его при изложеніи церковнаго торжества въ недѣлю православія 1166 года. Приводимыя имъ четыре главы ¹⁾ вполне совпадаютъ съ тою частью Синодика, которая касается вопроса: Отецъ мой больше Меня, и служатъ въ свою очередь подтвержденіемъ officialнаго характера нашихъ списковъ ²⁾.

Но при всемъ значеніи матеріала, вставленнаго подъ означенной рубрикой, нельзя не видѣть, что въ изложеніи Н. Акомината мы не имѣемъ соборныхъ актовъ и что церемонія прочтенія синодика никакъ не можетъ быть разсматриваема какъ засѣданіе четвертое. Подъ этой же рубрикой находимъ слѣдующую прибавку: случилась тогда хиротонія на кафедре епископа Неокесарійскаго, отъ рукополагаемаго потребована была присяга, въ которую включено и соборное опредѣленіе о словахъ „Отецъ мой болѣе Мене есть“. Съ тѣхъ поръ и всѣ другіе хиротонисуемые архіереи обязаны были давать присягу на принятіе этого опредѣленія.—Какъ можно видѣть, это есть при

¹⁾ *Migne*, 140. col. 261.

²⁾ При этомъ любопытно отмѣтить церемоніаль (col. 261): самъ царь, возмѣнивъ на себя императорскую діадиму, въ сопровожденіи святѣйшихъ патріарховъ и лика архіереевъ, входитъ за свѣщенную рѣшетку, неся въ своей деснице соборное опредѣленіе, и возлагаетъ его на таинственный и небесный престолъ. И составленныя главы прочитываются вмѣстѣ съ прежними частями Синодика во всеуслышаніе. Содержаніе ихъ слѣдующее...

бавка, интересная съ точки зрѣнія даваемой архіереями присяги, но не имѣющая отношенія къ протоколамъ соборныхъ дѣланій.

Слѣдуетъ засѣданіе пятое; подъ этимъ засѣданіемъ читаемъ: „Но не успокоился свѣтатель сорныхъ травъ. Стали раздаваться голоса противъ соборнаго опредѣленія, нѣкоторые находили его неяснымъ и пытались перетолковывать смыслъ его. По сему назначено было новое соборное разслѣдованіе, слѣдствіемъ котораго было отлученіе отъ церкви нѣкоторыхъ лицъ, не названныхъ въ изложеніи Н. Акомината ¹⁾. Такъ какъ здѣсь, по всей вѣроятности, подразумѣвается не православное ученіе Константина митрополита керкирскаго и Іоанна Припика, съ ученіемъ которыхъ, приводянимъ въ Синодикѣ, почти дословно совпадаетъ отрицательная часть мнѣній императора и патріарховъ и соборнаго акта ²⁾, то весьма любопытны причины, побудившія нашего писателя умолчать эти имена. По нашему мнѣнію, это нужно объяснять или особенными отношеніями Н. Акомината къ названнымъ лицамъ, или небрежностью его въ исполненіи своей задачи.

Переходимъ къ слѣдующему засѣданію, шестому. Марта 20-го, въ воскресенье, въ присутствіи членовъ собора (по числу членовъ это скорѣе была коммиссія) и подъ предсѣдательствомъ патріарха Луки происходило засѣданіе на *хоракъ, въ западной части* ³⁾. И по мѣсту собранія, и по числу членовъ, и въ особенности по цѣли—это засѣданіе никакъ не можетъ быть названо соборнымъ. Соборъ долженъ былъ закончиться актомъ 6-го марта; 13-го марта прочитаны четыре главы соборнаго опредѣленія, которыми отлучались отъ церкви несогласные съ мнѣніемъ большинства. Изъ изложенія Н. Акомината не видно, на какихъ лицъ пало отлученіе. Но то, что послѣдовало 20-го марта, объясняетъ намъ, что церковная кара угрожала многимъ лицамъ. Мы объясняемъ себѣ засѣданіе шестое такъ. Нѣкоторые свѣтскія и духовныя лица, на которыхъ простирались опредѣленія 6-го марта, раскаялись въ своихъ заблужденіяхъ и просили вполь принять ихъ въ общеніе съ церковью. Въ этомъ не было ничего необычнаго, ибо самыя опредѣленія противъ заблуждающихся обыкновенно дѣлались въ условной формѣ „если не раскаются и не

¹⁾ Col. 265. Здѣсь въ особенности можно сожалѣть объ утратѣ подлинныхъ актовъ, такъ какъ подразумѣваемые лица приводятся въ Синодикѣ.

²⁾ Col. 265 καὶ τοὺν ἑγγραφοῦ συνεισθή καὶ τῆς θείας συνόδου μέσων ἐξαλαγήθη τοῖς δὲ τινος ἐν περιλήψεως.

³⁾ Col. 268 ἐν τοῖς δυτικοῖς κατηχομεναῖσις.

обратятся". Итакъ, въ томъ засѣданіи, которое насъ занимаетъ, заслушаны были оправданія и заявленія православныхъ мѣтній со стороны слѣдующихъ лицъ: великаго скевофилика I. Пантехни ¹⁾, Христофора мирскаго, Іоанна ларисскаго, Льва родосскаго, Льва адрианопольскаго, Евѳимія поволатрскаго, Іоанна еванскаго и Никиты маронейскаго.

Всѣ эти лица, какъ принесшіе раскаяніе, снова были приняты въ общеніе съ церковью. Подъ тѣмъ же засѣданіемъ читается актъ, составленный въ среду, 6-го апрѣля. По содержанию онъ вполне приимается въ первыиъ и вызванъ былъ, очевидно, тѣми же обстоятельствами. Діаконъ и канстрисій Великой церкви, по имени Самуиль, „освобождая себя отъ всякаго подоврѣнія“, прочиталъ прошеніе и произнесъ слова, которыя ему продиктованы были. Вслѣдствіе чего и онъ былъ принятъ снова въ общеніе. Тутъ же постановлено вписать въ Синодикъ новую главу, начинающуюся словами: τοῖς ἀποβαλλομένοις.

Что касается засѣданія седьмаго, и здѣсь находимъ путаницу. Это засѣданіе, повидимому, началось чтеніемъ царскаго эдикта, но объ этомъ документѣ Н. Акминатъ говорилъ уже въ концѣ изложенія 6-го засѣданія. Такъ или иначе, въ засѣданіи 4-го апрѣля, въ понедѣльникъ, былъ прочитанъ царскій эдиктъ, которымъ заканчивалась дѣятельность собора. Но подъ тѣмъ же засѣданіемъ нашъ авторъ говоритъ о новомъ отлученіи отъ церкви, которому подвергся никейскій митрополитъ Георгій. Такъ какъ это отлученіе въ дѣйствительности имѣло мѣсто не 4-го апрѣля, а 6-го, когда принятъ былъ къ общенію съ церковью діаконъ Самуиль, то отсюда легко понять, какъ неукусно нашъ писатель расположилъ свой матеріалъ и какъ сомнительны его рубрики.

Послѣднее, восьмое засѣданіе, происходило въ пятницу 6-го мая. Оно спеціально посвящено дѣлу о никейскомъ митрополитѣ, изъ изложенія котораго и можно видѣть, что Георгій осужденъ 6-го апрѣля ²⁾, хотя писатель нашъ объ этомъ не сказалъ ни слова, при изложеніи засѣданія 6-го апрѣля. Изъ сообщаемаго здѣсь же матеріала узнаемъ, что между засѣданіями 6-го апрѣля и 6-го мая было еще засѣданіе

¹⁾ Col. 268 что ему дѣйствительно угрожало осужденіе, видно изъ словъ: *αὐτὸν ἀπαλλάττων κάσας ὑποφίς καθά δηλοῦται τοῖς προβάσι συνδικτικοῖς σημειώμασι...*, тоже нѣсколько ниже.

²⁾ Col. *καθὼς δηλοῖ τὸ κατὰ τὴν ἕκτην τοῦ παραλλήλουτος Ἀπριλλίου μηνος τῆς ἐνεστώσης 14 ἐπιμεμήσεως ἔχτεθάν συνδικτικὸν σημεῖωμα ἀμέλει τοι καὶ κατὰ τὸ τοιαύτον συνδικτικὸν σημεῖωμα τότε καταβίχη ἐνομίσθη εἶναι ὑπεύθυνος.*

14-го апрѣля, о которомъ у Н. Акомината также ни словомъ не упомянуто на своемъ мѣстѣ ¹⁾). Итакъ, засѣданіе восьмое специально посвящено разбору дѣла о никейскомъ митрополитѣ. Будучи осужденъ соборомъ 6-го апрѣля, онъ обратился съ просьбой къ императору о ходатайствѣ за него. Царь дѣйствительно сносился по этому дѣлу съ соборомъ черезъ протокуропалата и секретаря своего Георгія Скилицу, но мы не знаемъ, что отвѣчалъ соборъ. Теперь, къ 6-му мая, соборъ имѣлъ обсуждать второе царское предложеніе въ пользу того же лица, и на этотъ разъ отцы оказались уступчивѣе. Разсуждая, что никейскій митрополитъ присужденъ къ запрещенію священнослуженія на два года и что онъ смиренно проситъ о снисхожденіи, соборъ постановилъ измѣнить прежнее постановленіе и ограничился эпитиміей на одинъ годъ.

Этимъ кончается изложеніе дѣяній собора 1166 года. Бросая общій взглядъ на разсмотрѣнный историческій матеріалъ, мы должны признать, что хотя онъ и основывается на соборныхъ протоколахъ, но не можетъ замѣнять ихъ. Рубрики, то-есть, засѣданія распределены весьма неравнорѣвно, подъ однимъ засѣданіемъ часто изложено то, что происходило въ различныхъ засѣданіяхъ, о нѣкоторыхъ засѣданіяхъ совсѣмъ не упомянуто, между тѣмъ иногда помѣщается подъ отдѣльнымъ засѣданіемъ то, что не могло составлять предмета соборнаго засѣданія. Постановленія соборныя не указаны на своемъ мѣстѣ, не названы лица, подвергшіяся отлученію; читаемъ о раскаяніи равныхъ лицъ, не будучи предувѣдомлены объ ихъ прегрѣшеніяхъ; не можемъ въ концѣ концовъ опредѣлить—противъ кого направлено было отлученіе на этомъ соборѣ. Упомянутый выше митрополитъ никейскій не былъ важнымъ обвиняемымъ, ибо его имя не внесено въ Синодикъ. Внесенныя же въ Синодикъ имена являлись неправильное толкованіе словъ „Отець мой болій Мене есть“ совсѣмъ не встрѣчаются въ разсмотрѣнныхъ матеріалахъ. Все это приводитъ къ заключенію, что Синодикъ сохраняетъ большую и, такъ сказать, дипломатическую точность передачи актовъ соборныхъ, чего нельзя сказать объ изложеніяхъ, хотя бы таковыя принадлежали и близкимъ къ событіямъ лицамъ.

Относительно епископа керкирскаго Константина и монаха Іоанна Пряника, какъ главныхъ представителей не православнаго мнѣнія, на сторонѣ которыхъ стояли семь архіереевъ, великій скевофилакъ

¹⁾ Col. 277 καὶς τὸ κατὰ τὴν ἐβ' τοῦ παραδραμόντος Ἀπριλλίου μηνὸς ἐκτεθῆναι—συνολικῶν σημείωσις παριστά.

I. Пантехни и другія лица, впоследствии раскаявшіяся, и сторону которыхъ поддерживалъ митрополитъ никейскій, мы знаемъ весьма мало.

Въ связи съ вопросомъ о релігіозныхъ спорахъ при Мануилѣ, и именно по отношенію къ занимающему насъ времени, требуетъ выясненія историко-литературный фактъ, о которомъ ничего не говоритъ разобранный нами матеріалъ о соборѣ 1166 года. Имѣя въ виду, съ одной стороны, внесенныя въ Синодикъ имена Константина болгарскаго, епископа Керкиры и I. Ирника, съ другой же—лѣтописныя извѣстія, приводящія какъ указанныя въ Синодикѣ имена, такъ и другія не указанныя, а наконецъ тѣ главы изъ похвальной рѣчи Евстаѳія солунскаго на смерть Мануила, которыя касаются оцѣнки дѣятельности Мануила по отношенію къ церковнымъ вопросамъ, мы приходимъ къ заключенію, что матеріалъ, представляемый II. Акоминатомъ, до такой степени недостаточенъ для изученія исторіи богословской борьбы при Мануилѣ, что на основаніи его нельзя комментировать отпосыщіяся сюда главы Синодика. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что соборные акты въ Константинополѣ не только со всею тщательностью записывались и подвергались внимательной провѣркѣ и потомъ подтверждались подписями членовъ собора и императора, какъ документы государственной важности, но еще обезпечиваемы были противъ всякихъ случайностей особыми мѣрами, о которыхъ узнаемъ именно по поводу собора 1166 года. Какъ оказывается, соборные акты выбиваемы были на каменныхъ доскахъ, то-есть, обращаемы въ монументальные памятники, и хранились въ храмѣ св. Софіи. Слѣдовательно, всякое недоразумѣніе и сомнѣніе писателя по поводу соборовъ могло быть, при добромъ его желаніи, разрѣшено провѣркой текста на упомянутыхъ каменныхъ доскахъ, и всякая невѣрность изложенія могла быть легко изобличена. Тексты писателей не оставляютъ никакого сомнѣнія, что постановленія собора 1166 г. были высѣчены на камняхъ ¹⁾, и нѣкоторыя выраженія Синодика на-

¹⁾ *Coinnatus*, p. 256 ἐφ' οἷς ἀποκρουσθέντες ἐκύρουν ἤδη τὰ δευομένηα. βασιλεὺς δὲ ὑπεσημήνατο τοῦτοις· καὶ τὸ λοιπὸν λίθοις ἐχολοφάμενοι τὴν γραφὴν ἐπὶ τοῦ Σοφίας ἱεροῦ ἀριστερᾶ εἰσίουσι φέροντες ἐστῆσαν; *Nicetas Acominatus*, p. 278 ἀμέλει καὶ γραφαῖς ἐρυθραῖς ὡς φλογίνῃ ρομφαίᾳ τὸ δόγμα τοῦτο διεληφώς—ἐπέτα καὶ λιθίνας πλατεῖν ἐχθαράς—ἐπὶ νεῷ τοῦ μεγίστου ἀνέθετο. Изъ другихъ свидѣтельствъ узнаемъ, что до турецкой эпохи хранились въ храмѣ св. Софіи, малѣво отъ входа четыре мраморныя доски, каждая въ длину три сажени и въ ширину два, на поребривыхъ подставкахъ. На этихъ доскахъ высѣчены были соборныя опредѣленія. Въ 1567 г. султанъ Селимъ приказалъ снести съ мѣста эти доски, при чемъ

хотять себѣ объясненіе въ практикѣ изсѣченія на камнѣ соборныхъ постановленій.

Итакъ, въ виду особенныхъ мѣръ, принимавшихся къ сохраненію соборныхъ опредѣленій, для насъ представляется весьма нелегкимъ объяснить очевидную невѣрность, вкрадшуюся въ извѣстія писателей XII вѣка по отношенію къ главнымъ лицамъ, на которыхъ наложено церковное отлученіе въ 1166 г. Разумѣемъ прежде всего мѣсто Киппама, по которому отлученными на этомъ соборѣ называются керкирскій епископъ Іоаннъ и одинъ монахъ по имени Ирникъ ¹⁾, и его же разказъ о происхожденіи еретическихъ мнѣній о Христѣ, главнымъ виновникомъ коихъ выставляется пѣвто Димитрій изъ Лампы ²⁾. Что касается имени керкирскаго епископа, оно несомнѣнно представляетъ ошибку въ лѣтописи Киппама, ибо находится въ противорѣчій со всѣми другими относящимися сюда матеріалами. Но какъ объяснить ошибочное чтеніе Киппама? Этому вопросу посвящено изслѣдованіе Вулисмы, архіепископа на островѣ Корфу. Исходя изъ чтенія синодика, называющаго керкирскаго митрополита Константиномъ болгарскимъ ³⁾, преосвященный Вулисма прежде всего пытается объяснить употребленіе двухъ опредѣляемыхъ въ приложеніи къ одному лицу. Вопреки обычному мнѣнію, что упомянаемый здѣсь Константинъ могъ быть архіепископомъ болгарскимъ послѣ управленія керкирской церковью, Вулисма высказываетъ догадку, что Константинъ керкирскій потому имѣлъ прозваніе „болгарскаго“, что до посвященія въ епископскій санъ былъ приверженцемъ или ученикомъ болгарскаго архіепископа. Такъ, преемникъ Константина болгарскаго на керкирской кафедрѣ, носившій также имя Константина, прозванъ „никейскій“, хотя никогда не занималъ никейской кафедры. Дѣйствительно, можно указать множество примѣровъ, свидѣтельствующихъ, что къ именамъ лицъ церковной іерархіи часто присовокупляется прозваніе по учителю или

три разблизь, а послѣдняя употреблена для украшенія усыпальницы его отца. См. *Δοκίμια Δωδεκαβιβλίον* р. 794 и Βουλισμας, Κωνσταντίνος ο Βουλγαρίας. ἐν Κερκύρα 1888. О послѣдней брошюрѣ сейчасъ будемъ говорить особю.

¹⁾ *Сиппатис*, р. 257 Ἰωάννης ἢ ὁ τὴν Κερκυραίων λαῶν καὶ μοναχῶν τις, ὃν ἐπαχάλου Βιρηνικόν, τῆ προτέρᾳ ἐπιμαίναντες δόξῃ ἀναθέματι ὑποβέβληντο.

²⁾ *Сиппатис*, р. 251 — 256.

³⁾ τῆ χρηματῆσαντι μητροπολίτῃ Κερκύρας Κωνσταντίνῳ τῷ Βουλγαρίας... Въ русской переводной редакціи: Бывшему митрополиту керкирскому Константину вугарскому.

по мѣсту монашескихъ подвиговъ: агіоритъ, агіотафитъ и т. п. Такъ, митрополитъ Иракліи Никита носилъ прозваніе сиррсаго, хотя не былъ тамъ епископомъ; діаконъ великой церкви Михаилъ носилъ прозваніе ессалоническій, хотя не былъ нигдѣ епископомъ; патриархъ Михаилъ анхіальскій тоже не былъ епископомъ въ Анхіалѣ. Такимъ образомъ, можно считать доказаннымъ, что керкирскій митрополитъ Константины болгарскій носилъ только прозваніе болгарскаго, не бывъ архіепископомъ Болгаріи. Что касается пропуска у Киннама имени Константина, Вулисма объясняетъ это небрежностью переписчика. Въ подлинной рукописи Киннама должно было стоять: ὁ τῆν Κερκυραίων λαχὼν Κωνσταντῖνος ὁ Βουλγαρίας, но при перепискѣ сочиненія Киннама второе имя было выпущено; дажѣ у Киннама должно было читаться καὶ μοναχῶν τις Ἰωάννης ὁ ἐπακάλου Εἰρηνικόν. Почему Ἰωάννης оказалось пропущеннымъ въ этомъ мѣстѣ? — Нужно думать, что вторая ошибка вызвана была уже порчею предыдущаго мѣста. Ясно, что здѣсь дѣло объясняется комбинаціей писца. Если для Киннама выраженіе ὁ τῆν Κερκυραίων λαχὼν могло покрывать собой имя Константина болгарскаго, то для переписчика позднѣйшаго времени первое выраженіе представлялось непонятнымъ, какъ лишенное собственнаго имени. И такъ, видя упоминаніе керкирскаго митрополита и не находя его имени, онъ перенесъ имя Іоанна впередъ, оставивъ Ирника безъ собственнаго имени. Итакъ, мѣсто Киннама нужно возстановить слѣдующимъ образомъ: ὁ τῆν Κερκυραίων λαχὼν Κωνσταντῖνος ὁ Βουλγαρίας καὶ μοναχός τις Ἰωάννης ὁ ἐπακάλου Εἰρηνικόν, τῆ προτέρᾳ и проч.

Дѣянія собора 1166 года не удовлетворительны для изученія исторіи богословской борьбы еще въ виду нижеслѣдующаго. У Киннама вся исторія борьбы изложена иначе, чѣмъ у Никиты Акомината, и происхожденіе ереси обставлено не лишенными интереса подробностями. Вопросъ о славѣ Христовой возникъ, говоритъ онъ, по слѣдующей причинѣ. Былъ нѣкто Дмитрій, грекъ по происхожденію, изъ Лампы, селенія азіатскаго. Человѣкъ недалекаго свѣтскаго образованія, онъ много занимался божественными догматами и дошелъ до крайне пелѣвыхъ заключеній. Неоднократно исполняя посольскія порученія на западъ и къ итальянскимъ народамъ, онъ возвращался оттуда съ поврежденными чувствами ¹⁾ и позволялъ себѣ много и другаго страннаго, и настоятельно занимался изслѣ-

¹⁾ Сравнить *Jaffé*, *Biblioth. rerum Germanicarum* I. *Wibaldi epistolae* 237, 252.

дованіемъ природы Божіей,—дѣло, дозволенное только учителямъ и высшимъ іереямъ и еще развѣ царямъ ради ихъ достоинства. Возвратившись на этотъ разъ изъ земли Аламановъ, онъ пытался открыто сопрягать здѣшній народъ къ иномислію и разъ въ разговорѣ съ царемъ высказалъ ему такую мысль. А когда царь просилъ его объясниться, онъ тотчасъ же изложилъ свое ученіе. Оно состоятъ въ слѣдующемъ. „Дерзаетъ говорить, что одинъ и тотъ же и меньше и равенъ родившему Богу“. — Что же, отвѣчалъ царь, развѣ мы не говоримъ, что одинъ и тотъ же есть Богъ и человѣкъ? — Да, сказалъ онъ. — Итакъ, продолжалъ царь, по человѣчеству мы признаемъ его меньшимъ, по божеству же равнымъ. Ибо сказано: Отецъ мой болѣе Мене есть. Если этого изреченія нельзя приложить къ той и другой природѣ, что было бы нелѣпо, то необходимо приписать его ко второй (человѣческой), не относить же это изреченіе ни къ которой — безумно. Итакъ, по нашему разумѣнію, люди думаютъ объ этомъ хорошо. „Но они явно заблуждаются“, возразилъ Дмитрій. — На этотъ разъ бесѣда здѣсь и оборвалась. Спустя немного времени, Дмитрій изложилъ въ книгѣ свои мнѣнія и поднесъ ее царю. Тогда царь сказалъ ему: „если можно скрыть эту книгу подъ землею, то немедленно закопай ее, дабы не сдѣлаться виновникомъ гибели многихъ. Я твердо убѣжденъ въ своемъ взглядѣ на этотъ вопросъ и не думаю, чтобы кто нибудь въ состояніи былъ заставить меня переимѣнить его“. Но Дмитрій безъ всякой осторожности показывалъ свое сочиненіе и частно и въ публичныхъ собраніяхъ, даже вошелъ въ сношенія со многими архіереями и съ тою частью сословія левитовъ, которое называется діаконскимъ. Нашедши себѣ многихъ единомышленниковъ, онъ сталъ еще сильнѣе нападать на тѣхъ, которые принимали слово „меньше“. Споръ широко распространялся, такъ что не было такого человѣка, кто не говорилъ бы и не занимался этимъ вопросомъ, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ. Царь, узнавъ объ этомъ, изъ благочестивой осторожности, уклонился отъ дать этотъ вопросъ на публичное обсужденіе. Вида же, что почти всѣ склоняются къ мнѣнію Дмитрія, онъ началъ приглашать къ себѣ то одного, то двоихъ и болѣе и, разбирая съ ними предметъ спора, многихъ, не могшихъ ничего сказать противъ, перевелъ къ другому мнѣнію. . . . Итакъ, онъ многихъ склонилъ къ своему мнѣнію, хотя прежде того не было никого, кто бы не принадлежалъ къ противной партіи, за исключеніемъ Луки тогдашняго патріарха,

который впрочемъ не отваживался еще свободно высказываться, и еще не болѣе шести діаконовъ ¹⁾). Всѣ же другіе, замѣчая, какъ послѣ бесѣды съ царемъ наединѣ многіе покидаютъ ихъ сторону, объясняли себѣ это остроуміемъ ума и изворотливостью языка его, стали остерегаться и никто не рѣшался говорить съ царемъ наединѣ и секретно. „Если не теперь, то по смерти онъ во всякомъ случаѣ не избѣгнетъ анаемы“, говорили они на сходкахъ у себя и въ домахъ нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. Разъ царь призвалъ къ себѣ Еввоинія, епископа Новыхъ Патръ, и сталъ спрашивать его, желая съ нимъ объясниться. Но тотъ сжалъ губы и молчалъ. На вопросъ же цари о причинѣ молчанія подробно изложилъ все дѣло. Царь разгнѣвался, хотя это съ нимъ рѣдко случалось и грозилъ низвергнуть его съ высоты, если извращая здравое мнѣніе о Богѣ, будутъ приписывать Ему такія качества. Но чтобы вы знали, прибавилъ онъ, какъ, не право мысли о Богѣ, оскорбляете и меня, — и предлагаю вамъ всѣмъ поединкомъ: вооружайтесь всѣ на меня, и я буду сражаться съ вами одинъ не силою рукъ, а словомъ. Что и не хочу пользоваться силой моего положенія, доказательствомъ тому служить настоящій случай. Явно оскорбленный, какъ видишь, я удерживаюсь отъ мщенія. Но вамъ не слѣдовало распространять свое ученіе тайно. Развѣ вамъ оказано было насиліе? Кто отнималъ у васъ свободу слова? Развѣ случалось когда, чтобы кому не дозволялось говорить предъ моимъ престоломъ?“ Такъ было дѣло. Спустя же нѣсколько дней, царь приказалъ представить мѣста изъ отцовъ церкви, раскрывающія этотъ вопросъ, и *предложилъ дѣло на общее разсмотрѣніе* ²⁾).

Въ изложеніи Князюма обращаетъ вниманіе историческая обстановка церковнаго спора о словахъ „Отецъ мой болій Мене есть“. Соборъ 1166 года былъ созванъ Мануиломъ уже послѣ неоднократныхъ попытокъ съ его стороны рѣшить этотъ споръ путемъ частныхъ переговоровъ. По всей вѣроятности, вопросъ о славѣ Христовой возникъ не позже 1160 года, къ этому же времени нужно относить и появленіе сочиненія Дмитрія изъ Лампы, посвященнаго вопросу о двухъ естествахъ во Христѣ. Не лишено значенія и то обстоятельство, что виновникъ ереси представленъ здѣсь человѣ-

¹⁾ *Синтаxis*, 253 *ὅτι μὴ Λουκᾶς, ὅς καὶ αὐτὸς οὐδαμῆ παρηγοίεσθαι ἐτι ἐτόλμα.*

²⁾ *Синтаxis*, 255 *ἡμερῶν δὲ ὀλίγων ἑσπερον βιβλους τε, βρασι τε καὶ τούτων τρανοῦσιν, ἐκόμισε συγῆς καὶ κωνοτέρας τὸ πρᾶγμα προτίθει Σητήσεως, — очевидно, идетъ рѣчь о соборѣ 1166 года.*

комъ, пропитавшимся западными идеями; это тоже своего рода Италъ, какъ многіе нововводители въ сферѣ богословской окрещены были въ Византіи иноземною кличкой, дающей понять, что по воззрѣніямъ византіяцевъ западъ былъ главнымъ виновникомъ еретическихъ ученій въ восточной церкви.

Споръ о славѣ Христа, начавшійся при Мануилѣ и недостаточно раскрытый въ сохранившемся изложеніи дѣяній собора 1166 года, имѣлъ продолжительную исторію. Свѣдѣнія о ней почерпаются изъ не напечатанной части сочиненія Н. Акомината *Orthodoxiae Thesaurus* ¹⁾, которая и въ другихъ отношеніяхъ представляетъ цѣнный историческій матеріалъ. Въ послѣднихъ книгахъ этого сочиненія разсматриваются богословскіе вопросы, волновавшіе церковь по смерти Мануила. Мы приводимъ отрывокъ, касающійся того же вопроса о славѣ Божіей ²⁾.

Ἄλλ' ὄψεαι καὶ τοῦτου κυρωθέντος τοῦ δόγματος ὁ μὲν βασιλεὺς Μανουὴλ μετὰ μῆνας τρεῖς εἰκοστὴν τετάρτην ἡγόντος τοῦ σепτεμβρίου μῆνος τὸν βίον ἀπέλιπε τὸν ἀνθρώπινον, Ἀλεξίου δὲ τοῦ ἐξ ὁσφύος ἐκείνου τὴν ρωμαϊκὴν ἀρχὴν διαδεξαμένου μεираκίσκου πανακάλου καὶ λειοπέγῳνος καὶ μήπω τὸ τριακαιοδέκατον ἔτος ἐξηγουχότος. Ὡς ναὺς ἀνεματιστῶ χειμῶνι φερομένη καὶ κύμασι τὰ κοινὰ κατεβακτικετο κράγματα· ἐσῳθεν μὲν τοῖς βασιλειῶσι προγενέσι τοῦ παιδὸς καὶ βασιλέως εἰς ἀκρωρείας ἐχθρασοόμενα τορανηίδων, ἐσῳθεν τοῖς ἐκ γειτόνων βαρβάρους καταρασσοόμενα καὶ καταδύνασι τέλειον κινδυνεύοντα. Οὐκ ἔλαττον δὲ τούτων εἰ μὴ καὶ μείζον πολλῶ καχὸν εἰσεχώμασεν ὁ ἐκ Κομνηνῶν Ἀνδρόνικος, ἀνὴρ τὴν μὲν τρίχα ὑπαργουρίζων τῷ χρόνῳ ... καὶ ὑπουλος καὶ πολυμορφότερος χαμαιλέοντος. Οὗτος γάρ τοῦ βασιλέως Μανουὴλ ἐξάδελφος ὢν, ὑπόπτει τε... ἐξ ἐκείνου χειρώσιν καὶ κάκωσιν ἦν καὶ πέπονθε κολλάκις διὰ χρονίων καθείρξεων καὶ οὐχ ἤττον ὑπεβλέπετο παρ'

Спустя три мѣсяца по утверженіи и этого догмата, царь Мануилъ переселился изъ сей жизни 24-го сентября. Ромѣйское царство принялъ сынъ его Алексѣй, еще будучи въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ и не достигши тринадцати лѣтъ. Какъ утлая ладья, носимая бурей и волнами, государство находилось въ крайней опасности: внутри угрожала затопить его тираннія царскихъ родственниковъ, извнѣ терзали нападенія сосѣднихъ варварскихъ народовъ. Не меньшія если не гораздо большія бѣдствія надменно готовилъ Андроникъ Комнинъ, человекъ, у котораго уже пробивались сѣдые волосы, скрытный и измѣнчивый какъ хамелеонъ. Будучи двоюроднымъ братомъ царя Мануила, онъ питалъ къ нему подозрѣніе и приписывалъ желаніе вредить, что и оправдывалось продолжительными заключеніями его подъ стражу, съ другой же стороны

¹⁾ Лучшая рукопись въ Оксфордѣ, *Roe* № 22.

²⁾ Fol. 416 Τόμος 27 περί τοῦ δόγματος τῶν θεῶν μυστηρίων, τὸ τοιοῦτον δόγμα ἐλαλήθη ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ βασιλέως κύρ Ἀλεξίου τοῦ ἐξ Ἀγγέλων, ἐφ' οὗ καὶ ἡ ἀλωσις ἐγεγόνει τῆς πόλεως.

ἐκείνου διὰ τὸ φιλαρχον τοῦ τρόπου καὶ τὸ τοῦ φρονήματος ἀκαθαίρετον. Οὐκοῦν φυγὰς αἰεὶ καὶ πλανήτης τὴν ὑπ' οὐρανὸν περιήρχετο, ἀρχεῖν μὲν ἐρῶν, ἀρχεσθῆαι δ' ἀδοξῶν. Οὐδὲν μὲν οὖν διεζήτηται περὶ δόγματος τοῦ βασιλέως Ἀλεξίου τὰ ῥημαίων σκήπτρα διέποντος.

Ἐπει δὲ τῆς ζωῆς ἅμα καὶ τῆς ἀρχῆς πανθεμίτως τοιοῦτος Ἀνδρόνικος ὑπεξήγαγεν, ᾧ γὰρ πρὸ τρίτης τοὺς περὶ πίστεως ὁρκους ἀποθεδῶκει, τοιοῦτον σήμερον τῆ διὰ τόξου νευρᾶς πνιμονῇ τὴν ψυχὴν ἀπορρηξῆαι κακῶς παρεσκεύασεν, ἤρξατο παρὰ πολλῶν ὑκολαλεῖσθαι καὶ κατασεῖσθαι τὸ περὶ τῆς τοῦ θεανθρώπου φωνῆς δόγματος, ὃ φησι τὸν πατέρα μείζονα...

Ἦσιοντο γὰρ οἱ τὸ δόγμα τοῦτο διακωδωνίζοντες καὶ τὴν στήλην καταστρέψαι πειρώμενοι, ἧτις ἐν τῷ μεγίστῳ τεμένει ἀνάκειται, ῥαδίως Ἀνδρόνικον ὑπαγαγέσθαι τῷ σφετέρῳ βουλήματι ἐκ μακροῦ φιλαπεχθούοντα τοῦτον τῷ βασιλεῖ Μανουῆλ ἐπιστάμενοι καὶ ταῖς ἐκείνου δύσωνον ἐνορῶντα πράξεις, ἠλέγχθησαν δὲ τὰ μηδαμῶς ἐσόμενα τῷ νῷ φανταζόμενοι. Τοσοῦτον γὰρ ἀπέιχε βασιλεύσας Ἀνδρόνικος τοῦ νέου ἐχχεῖρῖν δόγμασιν ἢ τὰ κυρωθέντα μετακινεῖν καίπερ οὐκ ὦν ἀμέθεκτος τῆς ἡμετέρας θεοπνεύστου γραφῆς, ὥστε καὶ τῷ Νέων Πατρῶν Εὐθυμίῳ καὶ τῷ Κιννάμῳ Ἰωάννῃ, ἦν δ' οὗτος ἐκ τῶν λογίμων γραμματέων τῆς βασιλείου ἀλλῆς, μάλα ἐμβριθῶς ἐπέπληξε διαλεγόμενος περὶ τῆς· ὁ πατήρ μου μείζων μου ἐστὶ τῆς θεανθρώπου φωνῆς καὶ τὴν κατὰ τοῦ Ῥυνδακοῦ ποταμοῦ περὶ ὃν ὤρατο τότε σκηνοῦμενος ἀκοντίσειν ἐπηπειλήσεν εἰ μὴ παύσαιτο περὶ θεοῦ ποιούμενοι τὴν διάλεξιν.

Ἄλλὰ καὶ τοῦ βασιλέως Ἀνδρόνικου θανάτῳ ἀσχημῶν καὶ οἰκτρῶ [ἐκ τοῦ βίου μεταβηχότος] ἐπαναστάτος αὐτῷ ἐξά-

своимъ честолюбіемъ и надменнымъ правомъ и самъ внушалъ опасенія царю. Вслѣдствіе чего онъ страпствоваъ по вселенной, пша власти, считаъ ниже своего достоинства подчиненіе и не находя себѣ пріюта. Споры о догматѣ замолкли въ царствованіе Алексія.

Когда же Андроникъ преступно лишилъ его жизни и власти, хоти не задолго передъ тѣмъ далъ присягу на вѣрность тому, кого замышлялъ удушить, тогда слова Богочеловѣка „Отецъ мой больше Меня“ стали опять предметомъ бесѣдъ и толковъ.

Похвѣрғаніе разслѣдованію этотъ догматъ пытался инвергнути и ту доску, которая стоить въ великомъ храмѣ, и надѣялся легко склонити Андроника на свою сторону, зная издавна его ненависть къ царю Мануилу и нерасположеніе къ тому, что онъ дѣлалъ, но надежды ихъ оказались воиолѣ призрачными. Нбо Андроникъ, сдѣлавшійся царемъ, такъ мало былъ склоненъ заниматься установленіемъ новыхъ догматовъ или нересмотрѣмъ уже утвержденныхъ, хоти и не былъ чуждъ знанія боговдохновенныхъ писаній, что разъ когда Евгеній епископъ Новыхъ Патрѣ и Іоаннѣ Киннамѣ, однимъ изъ ученыхъ секретарей царскаго двора, стали разговаривать о словахъ „Отецъ мой больше меня“, Андроникъ очанъ рѣзко остановилъ ихъ и пригрозылъ даже бросити ихъ въ рѣку Риндакъ, на которой стоялъ лагерь, если не прекрататъ разговоры о божественномъ.

Послѣ постыдной и несчастной смерти царя Андроника, когда противъ него неожиданно подвѣлъ бунтъ

пина τοῦ ἐξαγγέλου Ἰσαακίου καὶ συνεπι-
 θεμένου τοῦ δήμου τῆς πόλεως, οἱ περὶ
 τὰ δόγματα ἔχοντες ὄσα καὶ τέττιγες λι-
 γυροὶ τῇ ὥρᾳ ὑποθωρόμενοι τὸ τῆς ἐκκλησίας
 κατεφώνουν ἄλλος καὶ περιέρουζον τὰ ἀνάκ-
 τορα καὶ προσιόντες· τῷ Ἰσαακίῳ τῷ βασι-
 λεύοντι οὐ διέλιπον ἐγκείμενοι καὶ λιπα-
 ρῶς ἐξαιτούμενοι καθαιρεθῆναι τὴν στή-
 λην τὴν τὸ δόγμα γαράττουσαν, διατει-
 νόμενοι μεθ' ὄρκου πρὸς Ἰσαάκιον μὴ ἂν
 ἄλλως· τὰ Ῥωμαίων ἀναρρώσθηναί πράγ-
 ματα εἰς γῆν πρηνῆ κείμενα, μᾶλλον μὲν
 οὖν καὶ εἰς τέλος διαρρῦθῆσθαι κινδυνεύ-
 οντα, εἰ μὴ γε τὸ δόγμα τοῦτο μετά-
 μεψιν θέσεται ἐφ' οἷς ἀνακριβῶς διέξεισιν.
 Καὶ ἦν Ἰσαάκιος ὠδίνων διὰ ταῦτα τὴν
 τῆς στήλης καθαιρεσιν. Καθ' ὃν χρόνον ὁ
 Μουντάνης Νικήτας ἠρχιεράτευσεν, ἀνὴρ
 εὐλαβῆς μὲν τὰ πρὸς Θεὸν καὶ βίου δια-
 λάμπων ἀγίοτης· καὶ τῇ ἐκ τῶν χρόνων
 ἐμπρέπων σεμνότητι, τοῦ δὲ τῶν θείων
 δογμάτων μέλιτος· οὐδ' ἄραφ λιχανῶ γευ-
 σίμενος ὁτεδῆ. Ὁρῶν δὲ τινὰς Ἰσαάκιος
 τῶν ἐντρόφων τοῦ βήματος τὸ τῆς πόλεως
 λαῶδες ἀναπαράττοντας· καὶ πρὸς στάσιν
 διερεθίζοντας μεθῆκε τὴν πράξιν εἰς ἕτε-
 ρον καιρὸν διαθίμενος.

Μετὰ δὲ χρόνους ἑννέα καὶ μῆνας εἶξ
 τῆς ἀρχῆς· ἐκφαρισθέντος καὶ τοῦδε τοῦ
 ἀνακτος καὶ τὰς χώρας παρ' ὧν οὐκ εἶδει
 περὶ τὴν ἐν τῇ Βήρᾳ μονὴν ἐκχοπέντος
 Ἰσαακίῳ δομηθεῖσαν τῷ τοῦ βασιλέως Ἀν-
 δρονίκου γενήτορι, ἠρέμως εἶχαν ἡ ἐκκλη-
 σία τῶν ἐπὶ δόγμασιν. Ὁ γὰρ Ἰσαακίου
 κασιγνήτος φ' ἡ κλήσις Ἀλέξιος αὐταρχή-
 σας ἡπίως τῶν πραγμάτων ἤπτετο· καὶ
 οὔτε τὰ εἰς πόλεμον ἀπρομήθευτος ἦν...
 οὔτε φιλοπράγμων περὶ τὰ δόγματα.

Но врагъ души человѣческой готовилъ новыя козни и замышлялъ нарушать
 спокойствіе церкви. При царѣ Алексѣѣ поднялась новая церковно-богословская
 буря, вызванная жеучеціемъ *Михаила Сикидита*. На оборотѣ 417 листа ру-
 конписи начинается разказъ о Сикидитѣ.

Ἐπὶ τῆς βασιλείας τοῦ ἐκ Κομνηνῶν

Исаакъ Ангелъ и городскіе димы,
 занимающіеся догматическими вопро-
 сами подобно неугомоннымъ кузне-
 чикамъ наскакали въ священную
 ограду и наполнили щебетаньемъ цар-
 скій дворецъ и приступили къ цар-
 ствующему Исааку и настойчиво упра-
 шивали его низвергнувъ доску, на
 которой начертанъ былъ этотъ дог-
 мать, клятвенно утверждая, что Иса-
 акъ иначе не можетъ спасти Ро-
 мѣйскую имперію, уже поверженную
 на землю и находящуюся въ опас-
 ности окончательнаго разложенія,
 какъ только поправкой тѣхъ выра-
 женій въ изложеніи догмата, кото-
 рые страдаютъ неточностью. И Исаакъ
 уже началъ подумывать о низверже-
 ніи той доски. Въ это время во главѣ
 церкви стоялъ Нлкита Мунтанъ, мужъ
 правда благочестивый, извѣстный свя-
 тою жизнью и пользующійся уваже-
 ніемъ по своимъ лѣтамъ, но несколько
 не влуспвшіи отъ меда божествен-
 ныхъ догматовъ. Но Исаакъ отло-
 жилъ рѣшеніе по этому дѣлу, будучи
 отвлеченъ опасностью бунта со сто-
 роны нѣкоторыхъ савонниковъ, ста-
 равшихся возбудить простой народъ.

После того какъ и этотъ царь, спустя
 9 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, былъ низвер-
 женъ и лишенъ зрѣнія тѣми, кому бы
 этого не слѣдовало, въ обители Вира,
 построенной Исаакомъ, отцомъ царя
 Андроника, церковь пользовалась спо-
 койствіемъ по отношенію къ догма-
 тическимъ вопросамъ. Ибо братъ
 Исаака царь Алексѣй осторожно от-
 носился къ дѣламъ: не оставлялъ въ
 небреженіи военную сторону и не
 ставилъ на первомъ планѣ церковную.

При царѣ Мануилѣ Комнинѣ былъ

Μανουὴλ γέγονε τις ἀνὴρ τὴν κλῆσιν Μιχαὴλ τὴν ἐπίκλησιν Σικιδίτης τοῖς βασιλοῖς ὑπογραφεῦσι κατελεγμένος. Οὗτος οὖν τὴν ἀποτελεσματικὴν τέχνην τῆς ἀστρονομουμένης ματιῶν σφαίρας ἐκ τοῦ κλεινοῦς ἀρρητουργίας προσέχειτο ¹⁾, τῶτοι καὶ πολλὰ διαπράττετο τὴν γοητικὴν ἀδελιότητα τῷ τάλαιπόρῳ ἐκείνῳ προμαρτυρέμενα ²⁾.

Такъ, однажды случилось ему смотрѣть съ высокаго во дворцѣ мѣста на море въ то время, какъ проходила лодка, нагруженная глиняными блюдами и чашками. Обратись къ бывшимъ зрителямъ, Сикидитъ спросилъ, какую бы они дали награду, если бы онъ сдѣлалъ, что лодочникъ вдругъ сойдетъ съ ума, встанетъ со скамейки, броситъ греблю и перебѣтъ въ дребезги свою посуду? Когда тѣ изъявили согласие на все, чего онъ отъ нихъ просилъ, хозяинъ лодки, спустя немного времени, дѣйствительно всталъ съ своего мѣста и, взявши въ руки весло, началъ колотить посуду и не прекратилъ этого занятія до тѣхъ поръ, пока не обратилъ ее въ прахъ. Смотрѣвшіе на это сверху надрымались отъ смѣха и считали случившееся за чудо; а лодочникъ, искорѣ послѣ того взявшись обѣими руками за бороду, горько зарыдалъ и, очнувшись отъ омраченія, сталъ еще болѣе оплакивать себя, какъ человѣка сумасшедшаго. Когда же у него спрашивали, отчего онъ такъ поступилъ съ своимъ товаромъ, онъ съ горестью разказывалъ, что въ то время, какъ все его вниманіе было обращено на весла, онъ увидѣлъ страшнаго, кроваваго цѣпта и съ огненнымъ гребнемъ змѣя, который, растянувшись надъ посудой, пристально устремилъ на него глаза наподобіе неумолимыхъ драконовъ и собирался проглотить его; и что этотъ змѣй не прежде пересталъ вивваться, какъ уничтожена была вся иссуда, а потомъ вдругъ исчезъ нѣтъ вида, и какъ будто вылетѣлъ у него изъ глазъ. Таковъ этотъ случай.—Далѣе, на л. 418 рукописи, излагается ученіе Сикидита, не вошедшее въ лѣтопись Н. Акомниата.

ἔλεγε δὲ καὶ τοὺς προπάτορας ἀμοίρους τῶν φυσικῶν μορίων διαρρηθῆναι πρότερον, ἐαυτέρων δὲ μετὰ τὴν ἐκ τοῦ παραδείσου ἀπόπεμψιν καὶ τὴν τῶν δερματίνων χιτῶνων περίβασιν καὶ ταῦτα προσεπιπλασθῆναι σφισι πρὸς τοῦ Θεοῦ, τιμηθῆναι δὲ τοὺτους συγχρόνως τῇ διαπλάσει καὶ ἀφθαρσίᾳ παντελεῖ, ἀφαιρεθῆναι δὲ ταύτην ὡς ἐκ μεταλλοῦ ἔκκετα διὰ τὴν παράβασιν ἀμαθῶς οὕτω καὶ παρακινδυνεμένως ἐννοίας

вѣкто Михаилъ по прозванію Сикидитъ, состоявшій въ числѣ царскихъ приказныхъ людей. Сей Михаилъ занимался искусствомъ распознавать судьбу человѣческую по звѣздамъ, больше же прележалъ къ волшебству, при помощи котораго проавводилъ магическое умопомраченіе, засвидѣтельствованное случаемъ съ однимъ несчастнымъ.

онъ училъ, что прародители сначала сотворены были неирричастными дѣтородныхъ членовъ и что снабжены были ими послѣ изгнанія изъ райа и покритія кожаными одеждами, что при сотвореніи они надѣлены были и совершенствами безсмертія, котораго потомъ лишены чрезъ грѣхопаденіе,— такъ не умно и не осторожно наводля мысли и рѣчи на такіе предметы, ко-

¹⁾ ἀρρητουργίας προσέχειτο ср. Nisetas p. 192: λέγει μὲν ἀστρονομίας ἐχόμενοι, ἔργῳ δὲ μαγικαῖς προσκείμενοι.

²⁾ Далѣе со словъ ἀπό γὰρ μεταώρου τῶν μεγίστων ἀρχείων начинается разказъ, внесенный въ лѣтопись Никиты, который я приводимъ въ текстѣ.

καὶ ῥήμασιν ἐπιβέβλων ἃ παρήκεν ἡ γραφή ἀνεκφώνητα καὶ λόγους διδούς εἰκὴ καὶ ὡς ἔτυχεν ἐν οἷς τὸ ἐχευοῦσθαι βέλτιον. Σὺν πολλοῖς δ' ἄλλοις ὁ ἀνόσιος οὗτος παραφθέγμασιν ἐδόξαζε καὶ τὸ φρικτῶς ἅμα καὶ παράλογον εἰς μετάληψιν ἡμῖν παραχόμενον εἰς αἷμα καὶ αἷμα τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ φθαρτὸν εἶναι καὶ θυσίαν μύνην ἄνουν καὶ ἄψυχον, μηδὲ ἕλον προσεῖσθαι τὸν Χριστὸν τὸν τῇ μεταλήψει προσίοντα, ἀλλ' ἐκ μέρους ὡς καὶ μέρος θεγόμενον, καὶ κατὰ τοῦτο παχὺ καὶ θνητότητος μέτοχον εἶναι καὶ ἄπτόν καὶ ὑποκίπτον ὀράσει τοῦ διατιθέμενον. Δέον οὖν τοὺς ἐπὶ τῶν ἀνωτάτω θρόνων καὶ ἠνωμένους τὰς ἀκοῆς ταῖς οἰκουμενικαῖς ἀναρρήσεσι καὶ σαινομένους ταῖς δεσποτικαῖς ἐκβοήσεσιν ἐν τε τῷ ἀφεστάναι ὄθεν οὖν καὶ προεῖναι ὅπουδὴ καὶ αὐτὰ μὲν τὰ παρὰ τοῦ Σικιδίτου γραφέντα παραδοῦναι πυρί, τὸν δὲ τούτων γεννήτορα καθυποβαλεῖν ἀναθέματι, ὡς περὶ τῶν ἀφθέγκτων φθεγόμενον οὐχ' ὅσα εὐσεβῆ τε καὶ ὁσιε, οἱ δὲ διαχύσεως πρόφασιν τὰ μὴ ὀρθῶς ἠγορευμένα ἐτίθεντο, ἦσαν δὲ οἱ καὶ ὡς θεόντως εἰρημένοις τοῖς κιβδηλοῖς τούτοις καὶ παρεγγράπτοις προσεπέρραψαν δόγμασιν.

Ὁ γάρ τοι πατριάρχης Γεώργιος ὁ Σιφιλίνος ἀνὰ χεῖρας τὴν τοῦ Σικιδίτου βίβλον δεξιόμενος καὶ διελθὼν ὅσα μοι εἰρηγται, οὔτε τὸν ζηλωτὴν ἐπὶ τούτοις ὅποσοῦν παρενέφηγεν, οὔτε τὸν ὄλωε δυσχεραίνοντα καθυπέδειξεν ἐφ' οἷς ἠνωτίσατο. Ἀλλὰ στραφεῖς πρὸς Βίχχον τὸν ἐπίσκοπον Πάφου περὶ αὐτόν οὕτω τυχεῖν ὑφειδρεύοντα γεγανώμενος τὴν ὄψιν τῷ γέλωτι ποῖα πρόσκεισαι, δέσποτα, δόξη, φησί, τῇ φθαρτῇ κατὰ τὸν Σικιδίτην παραδίδούσῃ τὰ θεῖα μυστήρια, ἢ τῇ συνιστάσῃ ἀφάρτα; Ὅθεν οἷς ἀνέγνω καὶ ἤκουσε τὸν νοὸν ἐπιστήσας, εἶτα στενάξας περιπαθὲς τι καὶ βύθιον, παλαμναιοτάταις ἀραῖς καθυπέβαλεν ὡς κοινὸν ἀλάστορα τὸν ζητήσας τοιαύτας τῇ ἐκκλησίᾳ εἰσενεγκάμενον Σικιδίτην, ναὶ μὴν

торме писаніе оставило неизъясненными, и напрасно стараясь обставить случайными доказательствами то, что лучше было бы держать при себѣ. Вмеѣстѣ съ другими негѣпостями нечестивый этотъ челоуѣкъ училъ, что въ причащеніи даваемое намъ тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа тѣбно и образуетъ только жертву, лишнюю разума и души, и что въ таинствѣ причащенія мы не принимаемъ дѣлаго Христа, но какъ бы часть его, и что посему-то раздаваемое въ причащеніи матеріально, смертно, подвержено осязанію и чувству зрѣнія. Слѣдовало бы конечно тѣмъ, кто сидитъ на высшей каедрѣ и склоняетъ слухъ къ голосу вселенской церкви и внимаеть божественнымъ вѣрченіямъ, выступить съ своимъ правомъ предуиженія и пресѣченія и самия сочиненія Сикидита предать огню, творца же оныхъ продать анаемѣ, какъ рѣшающагося произносить нечестивыя слова о невречешномъ; они же сдѣлали предметомъ забавы эти неправильныя ученія, а нѣкоторые даже присоединились какъ къ правильнымъ къ этимъ превратнымъ мнѣніямъ.

Такъ, патриархъ Георгій Ксифилінъ, взявъ сочиненіе Сикидита и прочитавъ то, что у меня изложено, нисколько не обнаружилъ ревности къ этому и не выразилъ ни малѣйшаго неудовольствія по поводу слышаннаго, но, обратившись къ Вакху, епископу Пафа, состоявшему тогда при немъ, съ великимъ смѣхомъ сказалъ: ну, а ты, владыко, какого придержишься мнѣнія объ евхаристіи, Сикидитова или церковнаго? Этотъ же, поразмысливъ о томъ, что прочиталъ и услышалъ, и глубоко вздохнувъ, подвергъ Сикидита страшнымъ проклятіямъ, какъ общаго соблазнителя, внесшаго въ церковь такіе вопросы, какъ вводителю новыхъ

καὶ ὡς καινῶν δογμάτων εἰσηγητὴν καὶ πᾶν ἀλογίως διερευνόμενον τὰ αἰγῆ καὶ πιστεῖ μόνη δεχόμενα καὶ τιμώμενα καὶ κατ' ἐξαιρέτον ἐκ κασῶν τῶν τοῦ Χριστοῦ φρικωδῶν πράξεων καλεῖσθαι μυστήρια κληρωσάμενα, τέλος φάμενος ὡς εὐσεβέστερον οἰεταὶ μᾶλλον καὶ ἀληθέστερον λέγειν ἀφθαρτον. Μὴ γάρ μόνον τὸν τοῦ Κυρίου θάνατον ταῖς τοιαύταις ἐπικηρύττεσθαι τελεταῖς, ἀλλὰ γε καὶ τὴν ἀνάστασιν ὡς παντί που δῆλον τὰ θεῖα μετιόντι μυστήρια, εἰ δὲ καὶ ὁ προσῶν τῇ μεταλήψει δλον εἰσοικίζεται τὸν Χριστὸν καθ' ὃν ἂν λόγον, ἔφη, οὐ ῥηθήσονται ἀφθαρτα. Οὐλοῦν ἐνδιδῶσιν ὁ πατριάρχης τῷ Πάφου λόγου ὄντι θεράποντι ὑπερφθέγγασθαι μὲν τῆς τοῦ ἀφθάρτου δόξης καταδραμεῖν δὲ τοῦ Σικιδίτου φθαρτὰ παραδιδόντος τὰ θεῖα μυστήρια. Ὁ καὶ διαπραζόμενος ἐκεῖνος καὶ τῷ λέγειν ὑπὲρ τὸ δέον ἐμπλατυνόμενος τὴν ἐκ πολυλογίας οὐ διέδρασε μέψιν. Γίνονται τοίνυν ἀφορμαὶ σκανδάλου καὶ σχίσματος τοῖς μὲν τὰ τοῦ καταράτου Σικιδίτου ῥήματα, τοῖς δὲ τὰ τοῦ Πάφου καὶ ἦν ἐντεῦθεν ἐπ' ἀμφόδων καὶ ἀγιοῶν τὸ μέγα καὶ φρικῶδες μυστήριον ὑπὸ τῶν σурφάκων καὶ συγκλιδῶν περιλαοῦμενον. Ὡ τοῦ θαύματος.

Ὁ δὲ κολλὺς ὁ ἐν μέσῳ χρόνος καὶ θνήσκει μὲν ὁ Σιφιλίνος Γεώργιος ἀρχιερατεύσας ἐτῆ ἐπτά, προχειρίζεται δὲ μετ' αὐτὸν πατριάρχης ὁ Καματηρὸς Ἰωάννης καὶ γίνεται μὴ μόνον τῆς ἀρχιερατικῆς καθέδρας διάδοχος ἀλλὰ καὶ τῆς δόξης προστετηχῶς, ἦν ὁ Σιφιλίνος ἐπὶ τοῖς θεοῖς δώροις εἰσέφερον, ὄρατο τοίνυν καὶ πάλιν τὰ ἀντίδοξα μέρη θερμότερα πρὸς διάλεξιν.

Ὡς δ' ἠνώτισται τῷ βασιλεῖ Ἀλεξίῳ τὰ χυδῆν οὕτω καὶ σχεδὸν παρὰ πᾶσιν ἀγαλινωτάτῳ γλωττῇ διαλαοῦμενα, μετάκλητον τίθησιν τὸν πατριάρχην καὶ τὴν παρατοχοῦσαν τῇ πόλει τῶν ἀρχιερέων ὁμήγυριν τοῖς ἀνακτόροις τὰ θεῖα ἐπεμύητο λό-

δογμάτων, σοφῆς βεβαιόσудно под-вергнушаго изслѣдованію тайны, доступныя только сердцу и вѣрѣ и которыми по преимуществу изъ всѣхъ чудесныхъ дѣяній Христа усвоено имя таинства, наковецъ сказали, что онъ считаетъ болѣе благочестивымъ и истиннымъ то мнѣніе, что тѣло и кровь Христова нетлѣнны. Ибо этимъ священнодѣйствіемъ не только свидѣтельствуется смерть Христа, но и воскресеніе, какъ всякому извѣстно, приобщающемуся святыхъ таинъ; если же приступающій къ причащенію облачается во всею Христа, то на какомъ бы основаніи не назвать ихъ нетлѣнными. И такъ патріархъ поручаетъ епископу Пафосскому, челоуѣку ученому, защищать мнѣніе о нетлѣнности и опровергать мысль Сикидита о тлѣнности божественнаго таинства. Составивъ опроверженіе, онъ позволилъ себѣ распространяться сверхъ должной мѣры и заслужилъ порицаніе за многословіе. Велѣдствію чего ученіе проклятаго Сикидита и епископа Пафосскаго сдѣлалось предметомъ соблыва и образованія партій, такъ что великое и страшное таинство стало обсуждаться на улицахъ и перекресткахъ сбродной толпой.

Скоро умеръ Георгій Ксифилінь, пробывъ семь лѣтъ на патріаршемъ престолѣ, вмѣсто него избирается Іоаннъ Каматиръ, который былъ не только преемникомъ каеэдръ, но и мнѣнія Ксифиліина относительно таинства евхаристіи, при немъ религіозныя партіи опять вступили въ жаркую борьбу.

Когда же дошло до свѣдѣнія царя Алексѣя, что такъ открыто и почти всѣми безъ всякой осторожности обсуждаются религіозныя вопросы, онъ приглашаетъ патріарха и случившихся въ столицѣ архiereевъ во дворецъ... и

για, και πολλῶν ἐκατέρωθεν λόγων.. ὁμόδοξος ὁ βασιλεὺς και σύμφηρος γίνεται τοῖς ἀφθαρτα λέγουσιν τὰ θεῖα μυστήρια και τῶν ἀρχιερέων οἱ πλείους και λογιμότεροι, οἷτε σύλλογος τῶν διακόνων και ἐμπαν τῆς συγκλήτου τὸ πλήρωμα, και κοροῦται μὴ προβῆναι περαιτέρω τὴν περὶ τῶν θεῶν μυστηρίων συζήτησιν, ἀλλ' ἀρκεῖσθαι πάντας τῷ ἀληθῶς σῶμα και αἷμα Χριστοῦ και εἶναι ταῦτα και ὀνομάζεσθαι ὑπὲρ τῆς ἡμῶν καινοπρεπῶς σωτηρίας και κλάμενα και γέόμενα, καθῶς αὐτός ἐπίσταται μόνος ὁ τελέσας ταῦτα... Ποιῆν δὲ πρὸς βασιλέως και τῆς συνόδου πάσης ἐπὶ τοῖς μὴ στοιχοῦσαι τοῖς κυρωθεῖσιν ὄριστο· τοῖς μὲν ἱερωμένοις καθαίρειν, τοῖς δ' ἐκ τῆς ἐτέρας μερίδος δήμευσις τῶν ὄντων και κόλασις σώματος. Καὶ τὰ μὲν τῆς βιβαλιᾶς ταύτης και τῆς κυρώσεως εὐσεβῆ και φιλόθεα και τῶν ἀρατῶς ἐχόντων πρὸς διαλέξεις ἀνασειρασμοὶ και ταφρεῖαι δυσπρόσοδοι.

Ὁ δὲ γε πατριάρχης τῆ τῆς βασιλίδος Εὐφροσύνης εὐμενείᾳ κυβρούμενος και τὸν λόγιον ὑπὲρ τοὺς τότε θηρώμενος, ἀλλὰ και κοινονῶ τῆς δόξης τῷ Χαλκηδόνης Ιωάννῃ γράμμενος, κατ' οὐδὲν τῶν κυρωθέντων ἐφρόντιζεν· Ἐνθάντοι και λογικαῖς ἐφοδοῖς και ἀποδείξεσιν ἐν τοῖς ὑπερφρέσι μυστηρίοις ἐκέχρητο και θεομέναις οὐμνοῦς τῆς ἐκ τῶν συλλογιστικῶν μεθόδων συστάσεως. Ἄλλὰ και κατηγορητίους λόγους συνείρων τὴν τῶν νηστήμων ἡμερῶν προθεσίαν ἐφειστάνα καταγγέλλοντας ἐν μέρει μνημονεύων τῶν μυστηρίων ὅπως μὲν συζητήθη και τίνα τὰ παρ' αὐτοῦ εἰσαγόμενα και ἃ φασιν οἱ ἀντίφρονες, οὐδαμῶς ἐπεδίδου τῷ λόγῳ, οἶμαι, τὴν ἀντίφασιν ἐφ' οἷς ἐδόξαζε και τὸν ἐλεγχοῦν ἐκτρεπόμενος. Ἐκαίνα δὲ τιμῶν ἀξιοφανῶς

послѣ продолжительныхъ съ той и другой стороны объясненій царь заявилъ себя на сторонѣ тѣхъ, которые признавали нетлѣнными тѣло и кровь Христову въ евхаристіи, на этой сторонѣ было большинство ученыхъ архіереевъ, соборъ діаконовъ и весь сенатъ. Было опредѣлено не продолжать далѣе изслѣдованія о божественной тайнѣ, но всѣмъ довольствоваться признаніемъ, что это есть нетлѣнное тѣло и кровь Христова, ради нашего спасенія чудесно лонимое и являемое, какъ самъ вѣдаетъ, совершившій это. Наказаніе отъ царя и собора положено тѣмъ, которые не примутъ этого опредѣленія, слѣдующее: людямъ священнаго сана—изверженіе, свѣтскимъ—конфискація имущества и тѣлесное наказаніе. Таковы-то были благочестивые и боголюбивые плоды разгоровъ этихъ и опредѣленія, они послужили къ обузданію людей невоздержныхъ въ состязаніяхъ.

Патріархъ же, надмеваясь благосклонностью царицы Евфросиніи и желая перещеголять ученостью всѣхъ современниковъ и находя кромѣ того поддержку въ Іоаннѣ Χαλκηδόνη, не обращалъ никакого вниманія на то опредѣленіе ¹⁾. Посему онъ употреблялъ логическіе приемы и доказательства въ вопросѣ о сверхъестественномъ таинствѣ, который нисколько не нуждается въ пособіи силлогизмовъ. И въ своихъ огласительныхъ словахъ, составленныхъ по случаю наступленія поста, упоминая отчасти о таинствѣ евхаристіи, онъ не изложилъ ни того, какъ этотъ вопросъ возникъ, ни въ чемъ состоятъ его собственное мнѣніе, ни что думаетъ о немъ противная

¹⁾ *Nicetas*, p. 681—2; русскій переводъ (С.-Пб. духовной академіи), т. II, стр. 234, представляетъ здѣсь какъ разъ противоположное тому, что есть въ текстѣ, совершенно извращая роль патріарха въ этомъ вопросѣ.

κατηύθυνεν ἄ μὴ ἐπακοινώνουν τοῖς προ-
καταμένοις εἰς σκέψιν...

партія, и я думаю, что онъ поступилъ такъ изъ опасенія возбудить прогноръчїе и опроверженіе своихъ мнѣній; въ несмыслѣнныхъ выраженїяхъ онъ нападъ на такія стороны (въ догматѣ), которыя не имѣли отношенія къ разсматриваемому предмету ¹⁾.

Въ литературной исторіи Византіи имя Сикидита и Іоанна Ксифилина едва извѣстно. Къ тѣмъ даннымъ, которыя почерпаются изъ ненапечатаннаго отрывка *Orthodoxiae Thesaurus*, мы имѣемъ еще присоединить небольшую замѣтку о товарищѣ Сикидита, раздѣлявшемъ съ нимъ занятія астрономіей и также поплатившемся лишеніемъ зрѣнія за гаданіе и волшебство. Въ исторіи Н. Акомината рядомъ съ Сикидитомъ упоминается Снѣз Склиръ, и обоимъ посылается тотъ же упрекъ, что подъ предлогомъ астрономіи они занимались магіей и другими демоническими обольщеніями ²⁾. Что касается Сикидита, мы видѣли, что это не былъ обыкновенный шарлатанъ, какимъ бы можно его себѣ представлять на основаніи забавныхъ анекдотовъ, разказанныхъ про него въ исторіи Никиты. Въ богословскомъ своемъ сочиненіи тотъ же авторъ сообщаетъ отрывки изъ его метафизической системы и указываетъ выдающееся его значеніе въ очень важномъ въ богословскомъ и философскомъ отношеніи вопросѣ—о таинствѣ евхаристіи. Изъ этого можно заключить, что Сикидитъ былъ писатель, создавшій оригинальную систему и пользовавшійся значеніемъ. Подъ перомъ историка, стоявшаго на сторонѣ господствующаго церковнаго ученія, имя Сикидита-еретика получило крайне темную окраску. Едва ли не больше еще потерпѣлъ подъ перомъ Н. Акомината Снѣз Склиръ. Будущей исторіи умственнаго движенія въ Византіи предстоитъ задача—смыть пятно позора можетъ быть со многихъ именъ. Намъ удалось напасть въ Константинополѣ, въ библіотекѣ Святоградскаго подворья, на рукопись, помѣченную именемъ Симеона магистра Снеа ³⁾ и трактующую предметъ, которымъ занимались Сикидитъ и Снѣз. Это обширная система міровозданія, о которой можно имѣть нѣкоторое пред-

¹⁾ Далѣе согласно съ изданнымъ текстомъ у Н. Акомината, р. 682, 12 (η-
τήσεως γὰρ οὕσης.

²⁾ *Nicetas*, р. 192. 16.

³⁾ Cod. 106, fol. 121. Συμεὼν μαγίστρου τοῦ Σηθ, σύνοψις τῶν φυσικῶν μεταφρασθεῖσα ὑπ' ἐμοῦ εἰς κοινὴν γλῶτταν τοῦ ἐν ἐλαχίστοις σκουδαίου Μάρκου τοῦ Πορφυροπούλου τοῦ ἐκ Κύπρου καὶ νοταρίου τῆς τοῦ Χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας διὰ παρακλήσεως τινὸς τῶν ἐμοὶ συνήθων.

ставленіе по прилагаемому перечню главъ: πῶς ἡ γῆ εἶναι σφαιροειδής; — πῶς εἶναι ἡ γῆ κορτή; — μερισμὸς κλιμάτων; περὶ ὕδατος; περὶ ἀέρος, περὶ πυρός καὶ νεφῶν καὶ ὑετῶν καὶ ἀστραπῶν καὶ βροντῶν; — περὶ τῶν ἀνθρωπίνων σωματῶν; — ἀν ἰσως ὁ κόσμος ἔχηται ψυχὴν καὶ κυβερνᾶται ἀπὸ προνοίας; — ἀν ἰσως καὶ εἶναι ἀφθαρτος ὁ κόσμος; — περὶ τῶν οὐρανίων νοουμένων κύκλων; — περὶ σχήματος ἀστέρων; — περὶ τῆς κινήσεως τῶν ἀστέρων, и далѣ свидѣнія по астрономіи; затѣмъ περὶ ἄδου; — περὶ φύσεως; — περὶ ψυχῆς; — περὶ ὀράσεως, ἀκοῆς; — περὶ τῶν αἰσθησέων τῆς ψυχῆς; — περὶ χρείας τῶν οὐρανίων σωματῶν; — διατὶ κινεῖται ὁ οὐρανός. Въ литературной исторіи имя Снеа извѣстно тѣмъ, что онъ былъ посредникомъ въ передачѣ съ арабскаго на греческій многихъ восточныхъ повѣстей и сказаній ¹⁾.

Затѣмъ въ доступныхъ намъ Синодикахъ греческой редакціи оказывается длинный перерывъ, продолжающійся до XIV вѣка. Это никакъ не можетъ служить указаніемъ на то, что Синодикъ не пополнялся новыми статьями въ концѣ XII и въ XIII вѣка, это можетъ объясняться и тѣмъ, что въ нашемъ распоряженіи было недостаточно списковъ Синодика. Можно также думать, что церковная власть неоднократно пересматривала Синодикъ, исключая или измѣняя статьи, имѣвшія характеръ временной мѣры. Весьма любопытно, напримѣръ, что намъ не попадалось ни одного греческаго Синодика, въ которомъ бы дано было мѣсто статьямъ политическаго характера, разумѣемъ отлученія бунтовщикамъ, заговорщикамъ, врагамъ той или другой царской династіи; это тѣмъ любопытнѣе, что въ переводныхъ русскихъ редакціяхъ политическому элементу удѣляется весьма значительное мѣсто. Нельзя сомнѣваться, что русская церковь, предавая анаемѣ на ряду съ еретиками бунтовщиковъ и самозванцевъ, вообще противниковъ существующаго государственнаго порядка, имѣла для себя основаніе въ практикѣ византійской церкви. Что въ Византіи подвергались церковному отлученію политическіе преступники, это подтверждается неоднократно свидѣтельствами. Въ началѣ XI вѣка при царѣ Константинѣ VIII и патріархѣ Алексѣѣ (въ 1026 г.) было составлено соборное опредѣленіе, подвергающее анаемѣ тѣхъ, кто замышляетъ возстаніе или тираннію противъ царей и подстрекаетъ поданныхъ противъ своихъ господъ ²⁾. Извѣстно, что подобныя же со-

¹⁾ Schoell-Pinder, Geschichte der Griechischen Literatur III (Berlin 1830) S. 431—435, 482.

²⁾ Это соборное опредѣленіе приведено у Zachariae, III, p. 320. Novella XXXI de heretiosis (n. 1026).

борныя постановленія составляемы были и позднѣе. Такъ, царь Мануилъ, желая обезпечить за своимъ сыномъ, малолѣтнимъ Алексѣемъ II, престолонаслѣдіе, составилъ соборное опредѣленіе противъ тѣхъ, кто будетъ пытаться посредствомъ заговора или возстанія свергнуть его сына. Подобное же соборное опредѣленіе состоялось при Михаилѣ Палеологѣ въ защиту правъ сына его Адриана ¹⁾. Хотя этихъ опредѣленій не находимъ въ Синодикѣ, но, по всей вѣроятности, они внеслись въ него и потомъ устранялись по минованіи надобности.

Ф. Успенскій.

¹⁾ Парижская національная библиотека, Bibl. Regia, cod. 1961, fol. 127 verso.